

34 MAG.
NET

ЛИБЕРИЯ

ЕВГЕНИЙ ВВЕДЕНСКИЙ

ЕВГЕНИЙ ВВЕДЕНСКИЙ

ЛИБЕРИЯ

РОМАН

2014

© Введенский Евгений Сергеевич, 2014

© 34mag.net, 2014

I'm not like them
But I can pretend.
The sun is gone,
But I have a light.
The day is done,
I'm having fun...
I think I'm dumb,
Or maybe just happy.

Kurt Cobain, «Dumb»

Я не такой, как они,
Но могу притвориться.
Солнце зашло,
Но у меня есть зажигалка.
День уже кончился,
Я продолжаю веселиться.
Наверно, я — тупой,
А может, мне просто повезло.

Курт Кобейн, «Тупой»

Пролог

«Мои крылья поломаны вами... Я больше не буду летать!» — прорычал я, с ненавистью глядя в полупустой зал, и с размаху швырнул микрофонную стойку об пол.

Динамики отозвались оглушительным воем... Гитара скрежетала мятыми ведрами, бас и барабаны яростно молотили по водосточным трубам. Я был естественной частью душераздирающе красивой сцены, полной первобытной тоски и духовной агонии. Ради таких экстатических моментов полного освобождения от действительности только и стоило жить!

Высокий, худой и угловатый гитарист Шурик, стоя на коленях и мотая всклокоченной шевелюрой, дергал струны так яростно, как будто пытался их порвать. Смертельно пьяный басист Миша качался из стороны в сторону и говорил в микрофон что-то невнятное, громко икая и вре-

ментами наваливаясь грудью на стойку. Драммер Андрей больше всего любил финалы выступлений — главным образом за возможность безнаказанно лупить со всей дури по всем своим большим и малым барабанам; его руки стремительно мелькали в воздухе, полное туловище колыхалось над одноногим стульчиком, а на лице сияла блаженная улыбка.

Вдоль стен, принципиально игнорируя столики, стояли парни и девушки с лохматыми прическами, с рюкзаками за спиной, одетые в джинсы и кеды; они хлопали нам и что-то кричали. Перед сценой прыгали двое сильно обдолбанных парней, еще один бился в конвульсиях на полу. Большинство из них мы хорошо знали: они посещали все концерты группы «Лояльный муравей» — даже когда они проходили в таких стремных местах, как это.

Мы находились в пивном баре «Полундра», расположенном на территории небольшого продуктового рынка на окраине Минска. Стены этого заведения были украшены изображениями усатых пиратов с саблями в руках, красующихся на фоне парусных фрегатов. Над сценой, откуда до сего момента звучали главным образом блатные хиты Михаила Круга и удалые припевы Олега Газманова, по случаю нашего концерта зачем-то висела нелепая растяжка: «Рок против СПИДа 2006».

Бармен тщетно призывал молодежь активнее употреблять спиртные напитки и закуски из меню. Вместо этого парни периодически выбегали на улицу к соседнему пивному ларьку и возвращались назад с пластмассовыми стаканами, наполненными пузырящейся жидкостью.

Помимо тех, кто пришел сюда специально на наш концерт, в баре находился и обычный контингент заведения. Заняв несколько центральных столиков, краснолицые мужики и тетки пили водку и закусывали селедкой под шубой и другими подобными блюдами.

Аплодисменты и одобрителные возгласы начали стихать, и мы стали сматывать шнуры и раскручивать барабанную установку. Плотный усатый мужчина, надкусив бутерброд с колбасой и лимончиком, гнусаво крикнул: «Вы — очень модные!» Другие дядьки и тетки дружно заржали. Презрительно глянув в их сторону, я спрыгнул вниз со сцены, чтобы поднять с пола микрофон.

Ко мне подбежала миниатюрная девушка со словами: «Ваша группа — это вообще... ну... просто пипец!» Я пытался ей что-то ответить, но не услышал своего голоса: в баре уже гремела оглушительная Верка Сердючка.

— Э, слышь, красавец! — призывно махал мне рукой все тот же усатый мужик. — Иди сюда, выпей с нами!

Звуковые волны похабного русского шансона бились о бетонные стены этого жалкого заведения, где мы еще пару минут назад самозабвенно обнажали свои души. А снаружи, как и в любой другой день, продолжалась обычная муравьиная жизнь белорусской столицы: махали руками троллейбусы, шли по делам люди, строились ледовые дворцы и торговые центры. Весенний Минск цвел, как герань на подоконнике: повсюду торчали красно-зеленые флаги, с рекламных щитов улыбались интеллигентные работяги и внимательные милиционеры...

— Махани-ка, певец! — сказал усатый, с развязной ухмылкой протягивая мне бокал пива. — Небось от воплей горло пересохло.

— Ну и на хуя ты его сюда позвал? — брезгливо поморщился мужик со злым лицом и блестящей лысиной, стряхивая сигаретный пепел в тарелку с объедками. — Бля, ненавижу я этих пидоров волосатых.

Молча взяв в руку увесистый бокал с пивом, я обвел взглядом раскрасневшиеся лица и невольно вздрогнул, увидев их вблизи. Насколько же они были уродливы! Рыхлая лоснящаяся кожа свисала вниз толстыми складками, словно нелепые старомодные шторы. Пунцовые пористые носы, из которых торчали кучерявые кустики волос, напоминали гнилые прошлогодние картофелины. Они с трудом ворочали массивными головами на толстых шеях, загребая еду жадными руками и запихивая ее в свои огромные рты. Но все это было ерундой по сравнению с их глазами — наглыми, подлыми и пустыми. В их глазах не было ничего, кроме воровства и интриг на работе, строительства дач и ремонта машин, пошлых телепрограмм и бытового обжорства, тупых житейских поговорок и анекдотов про тещу. Интересно, они сами не содрогаются от ужаса, когда смотрят на свое отражение в зеркале? Это были ходячие трупы. Может быть, когда-то очень давно, в детстве, они были живыми? Или родились мертвыми? Для меня было ясно одно: какую бы невероятную музыку я ни создавал на сцене, каких бы ни достигал экзистенциальных глубин, на какие бы творческие высоты ни поднимался — в их сердцах все это

не оставит ни малейшего отпечатка. С тем же успехом я мог бы петь перед свиньями, пока они поедали похлебку из своих корыт, удовлетворенно похрюкивая и потирая спинку о забор.

Я ощутил, как кровь стремительно наполняет мою голову, почувствовал яростную дрожь в ладонях и увидел несколько взрывов сверхновых на дальней орбите своих глазных яблок. К побережью реальности из глубин моего бессознательного стремительно и неизбежно приближалось мощное цунами.

Задумчиво взвесив в руке бокал, я глубоко вдохнул спертый, накуренный воздух... И с размаху саданул бокалом прямо в центр стола — по большому блюду с салатом оливье. Во все стороны полетели осколки фаянса и стекла, брызги пива и майонеза, и я почувствовал себя то ли героем компьютерной игры, то ли персонажем японского боевика.

С криком «Ебал я вас всех в рот!» я двинул лысому кулаком в челюсть, запихнув горящую сигарету ему в рот, и ударом ноги опрокинул стол на сидевших за ним теток.

Тетки истошно завопили, мужики вскочили со стульев: один заломил мне руку, второй схватил за волосы, а двое других — усатый и лысый — стали, сопя и матерясь, увлеченно лупить меня ногами по ребрам.

— Вас, блядей, надо ебать и учить, ебать и учить! — злобно повторял лысый.

Я заорал, и стоявшие до этого в оцепенении чуваки налетели на краснощеких мужиков. Численный перевес был на нашей стороне, и вскоре пьяных дядек уже катали

ногами по полу. Тетки голосили и пытались вмешаться, но их попросту отпихивали в сторону.

Растолкав дерущихся, я прорвался к лысому и с размаху зарядил ему ногой в живот; мужик сложился пополам и упал на пол. В этот момент меня толкнули сзади; я покачнулся и рухнул прямо на лысого. Выпучив глаза, он обеими руками вцепился мне в горло. Я захрипел и, пытаясь освободиться, стал изо всех сил месить его кулаками по голове. Вскоре изо рта и носа у лысого побежали струйки крови, а сам он ослабил хватку и обмяк.

В этот момент девушки, которые топтались у дверей, наблюдая за дракой, испуганно взвизгнули: «Менты!» Побросав изрядно помятых мужиков, мы ринулись на улицу, откуда доносился звук милицейской сирены. Сквозь вечерний туман были видны приближавшиеся фары патрульной машины... Мы побежали прочь, рассеиваясь по дворам.

Глава 1

Окна серых новостроек одиноко светились в вечернем тумане. Свинцовое небо, казалось, вот-вот ляжет на землю сплошным скользким слизнем. Мокрый ветер дул во все стороны сразу, как будто пытаясь затушить сигареты, которые мы прятали в дрожащих ладонях. Зябко переминаясь с ноги на ногу у неизвестного подъезда где-то в глубине лабиринта из бесконечных бетонных дворов, мы обсуждали драку в баре и приглушенно смеялись.

Честно говоря, мой поступок удивил меня самого. Обычно я предпочитал избегать подобных конфликтов, считая, что я «выше всего этого». Сегодня же я дал себе волю не только на сцене, но и в жизни. Теперь я чувствовал себя настоящим рок-героем — сильным, дерзким, свободным. Я дышал полной грудью и жадно оглядывался по сторонам, готовый к новым приключениям.

— Слушай, ты денег-то нам за выступление дашь? — спросил я у стоявшего рядом организатора концерта. Тот закашлялся дымом.

— Денег? — переспросил он с горечью в голосе, глядя на меня широко открытыми глазами. — По билетам было восемь человек, остальные — по «плюсам». Так мало того — в середине концерта приехал хозяин заведения, зверский такой тип со шрамом на всю рожу. Завел меня к себе в кабинет и говорит: «Скажи своим, пусть заказывают еду и напитки — или сейчас приедут две машины пацанов и вас тут всех положат». Так я ему еще и свои отдал.

— Да ладно тебе, не переживай, — похлопал я его по плечу. — Гоблины — это тупиковая ветвь эволюции. А ты еще концерты на стадионах будешь делать. И нас пригласишь выступить!

— Ага, — кивнул он. — Уже приглашаю.

— А поехали ко мне в общагу, — предложил Миша, который к этому времени уже почти протрезвел (только икота у него никак не проходила). — У меня там заначка имеется.

— Заначка чего? — заинтересовался Шурик.

— Поехали, узнаешь, — загадочно ответил Миша.

И мы двинулись на поиски ближайшей остановки общественного транспорта.

Мрачное пятнадцатизэтажное здание общаги грозно возвышалось над серыми кварталами обшарпанных низкорослых хрущевок, которые в свою очередь были окружены толпой крошечных деревянных домиков частного сектора. Общага была похожа на штаб-квартиру Темных Сил на краю Вселенной. Упираясь головой в свинцовые тучи, этот суровый великан, казалось, слегка покачивался на холодном ветру. Побитые временем стены несли на себе отпечатки трудных времен и многолетней непогоды. А на самом верху этого зловещего строения разместилась маленькая черная башенка, откуда, по-видимому, и обозревал свои владения кто-то наподобие Дарта Вейдера.

Пробраться ко входу в общагу было непросто: последние несколько лет вокруг нее продолжался неспешный ремонт то дорожного покрытия, то зеленой зоны, то подземных коммуникаций. Хотя самих рабочих видно не было ни днем, ни ночью, но результаты их таинственной деятельности были налицо: к зданию нужно было пробираться по скользким тропам, перешагивая через кучи битого кирпича и других стройматериалов и держа путь по доскам, проложенным через рвы, где тускло поблескивали канализационные трубы.

Угрюмый пожилой вахтер выглядел так, как будто только что вернулся с рыбалки — в камуфляжной куртке, с многодневной щетиной на лице и сильным запахом перегара. Он молча собрал у нас удостоверения личности и кивнул в сторону лестницы (после шести вечера

лифт не работал). И мы зашагали по ступеням, впитывая в себя густой общажный запах. Одинокие лампочки под потолками грязно-серого цвета тускло освещали потрескавшуюся краску на стенах, мутные окна и бетонный пол, забросанный разнообразным мусором, по которому нагло бегали жирные тараканы.

Возможно, у читателя создалось впечатление, что мы все это время подавленно и робко молчали. Отнюдь! Я просто забыл упомянуть, что мы всю дорогу громко болтали и ржали как кони. Нам, получившим среднее образование в белорусских дворах на рубеже тысячелетий, эта унылая обстановка казалась привычной и даже по-своему уютной.

Прыгая через ступени, Миша рассказывал мне очередную прикол про Шурика:

— Нам на сцену выходить, а он и говорит: «Мне кажется, сегодня у нас будет полное фиаско!» Я думаю: откуда такие пораженческие настроения? Оказывается, он фиаско с триумфом перепутал. А «профан» у него — это, типа, «настоящий профессионал»!

— Вообще-то с такими концертами пора завязывать,— повернулся ко мне Шурик.— Выступаем два-три раза в неделю, репетируем каждый день, а я себе даже струны поменять не могу. Играем в каких-то дырах. В лучшем случае за копейки, а то и бесплатно.

— Ну и что? — ответил я.— Других вариантов все равно пока нет. Зато практикуемся.

— На фиг эту практику,— убежденно сказал Шурик.— Ни ноты без банкноты! Вот каким должен быть наш девиз.

— С такими девизами надо на корпоративах тазом вращать,— сказал я.— Мы же Музыку делаем!

— А что толку, если люди не понимают, о чем наши песни? — не успокаивался Шурик.

— Это как раз-таки неважно! — начал увлеченно объяснять я.— Главное, чтобы сам автор знал, что он имел в виду. Вот о чем конкретно тексты Курта Кобейна? Какие-то абстрактные образы. Зато в них можно каждый раз находить новые смыслы...

— Я эти разговоры уже сто раз слышал,— перебил меня Шурик.— А знает нас в Минске сто человек. В основном — наши друзья-знакомые, которые на концерты ходят по дружбе.

— Во-первых, не сто, а больше,— начал злиться я.— А во-вторых, если хочешь уйти из группы — пожалуйста, вали хоть сейчас!

— Так, чуваки,— остановил нас Миша у дверей в свою комнату,— никто никуда не уходит! Тем более после такого знаменательного махача. Ведь зашибись же было! Так что все споры оставляем за порогом. В пределах моей пещеры — только позитивные вибрации!

* * *

Обстановка в Мишиной комнате была спартанской: три железных кровати, две деревянных тумбочки, стол и несколько стульев. Частично ободранные обои лоскутами свисали со стен. По черному квадрату большого голого окна стучали капли дождя. На одной из кроватей лежал Мишин сосед, Спаниэль, и слушал песни Боба Марли,

задумчиво глядя в потолок. Это был высокий парень с коротким разноцветным ирокезом на голове, получивший свое прозвище, во-первых, за то, что изучал испанский язык, а во-вторых, потому что внешне чем-то напоминал представителей этой собачьей породы.

— Не, Жека, ну серьезно, ты сочинил бы что-нибудь такое! — предложил Шурик. — Чтобы, типа, девушки могли танцевать.

— На радио этого приятного уху говна и так навалом. А мы, наоборот, стучимся в сердца! Наша задача — не усыпить, а разбудить людей. Поэтому у нас такие ломанные ритмы, диссонансы, резкий звук, абстрактные тексты! Как у Джима Моррисона, Джими Хендрикса, Яна Кертиса...

— Которые все плохо кончили, — резюмировал Шурик. — А мне, честно говоря, хочется спокойной, размеренной жизни. И денег.

— Будут у тебя и деньги, и размеренная жизнь. Короче, полное фиаско! — успокоил его Миша, доставая из тумбочки целлофановый пакетик с порошком зеленого цвета.

— А что это такое? — оживился Шурик.

— Щас узнаешь, — ответил Миша. — Только лучше сядь.

Шурик послушно плюхнулся на кровать; немного подумав, пересел на пол.

Встряхнув из сигареты часть табака, Миша засыпал щепотку порошка в освободившееся место и закрутил бумажный кончик в маленькую спиральку.

Сделав две глубоких затяжки, Шурик преобразился. Его тело обмякло, глаза уставились в пустоту, а рот растя-

нулся в широкой ухмылке. Он дирижировал невидимым оркестром и пытался что-то сказать, но рот не слушался, произнося лишь разрозненные бессмысленные слоги.

— Хорошая штука? — спросил Андрей у Шурика, но ответа не получил.

Миша взял сигарету из обмякших пальцев Шурика и ответил за него:

— Сальвия-то? Ну, как тебе сказать... Вещь очень индивидуальная — характер воздействия полностью зависит от личных качеств человека. Эффект наступает мгновенно, но длится всего пару минут. Удовольствия особо никакого нет, зато впечатления очень сильные. Индейцы называли сальвию «шалфей прорицателей». Прелесть в том, что в Беларуси она совершенно легальна.

С этими словами Миша глубоко затаился, глядя на Шурика, который сидел на полу с озадаченным видом. Через секунду Миша уже захлебывался смехом, держась руками за батарею.

— Олух, блин! Ну ты и олух! — повторял Миша в перерывах между приступами смеха. — Настоящий олух! Дай вдохнуть! Я вдохнуть не могу!

Когда пришла моя очередь, я после первой же глубокой затяжки полностью покинул свое тело.

Мир, в котором я очутился, состоял из тысяч переплетающихся друг с другом потоков разной толщины, плотности и скорости, переливающихся всевозможными оттенками одного только цвета — красного. Все вокруг находилось в непрерывном плавном движении. Этот мир был горизонтально плоский, всего лишь сан-

тиметров тридцать в высоту. Но самое удивительное то, что мое «я» было здесь не в одном конкретном месте, а как бы рассеяно повсюду. Находясь везде в этом плоском мире, я бешено орал: «Прекратите немедленно эту хуйню!» Чтобы не сойти с ума от ужаса, я старался помнить о том, что мое путешествие скоро должно закончиться и я снова вернусь в свое естественное, твердое состояние,—но вместо этого все продолжал без конца переливаться красными изгибами в этом бескрайнем пространстве. Почти поверив, что обречен остаться в этом мире навсегда, я вдруг пришел в себя — лежа на полу, судорожно хватая ртом воздух. Вокруг стояли встревоженные обитатели общаги, сбежавшиеся из соседних комнат на мои истошные вопли.

— Да ну на фиг,—облегченно вздохнул Миша.— Ты так головой об пол ебнулся! Мы думали, уже не встанешь.

— Ты орал все время на каком-то диком языке,—сказал Шурик.—Абракадабру какую-то, ни одного слова человеческого. Слышь, Миша, из-за этой твоей хуйни зеленой мы чуть без вокалиста не остались...

— Ладно, шалопай, хватит ерундой заниматься,—добродушно сказал Андрей.— Давайте лучше пить водку!

* * *

Предложение Андрея взбудоражило и преобразило присутствующих. Все разом повеселели, зашумели, стали прикидывать, у кого сколько денег, сколько чего на них можно купить и кто метнется в магазин. Даже меланхоличный Спаниэль заулыбался и полез в тумбочку; денег

у него не было, зато была трехлитровая банка соленых огурцов, которая была единогласно признана ценным вкладом в намечавшееся мероприятие.

Вскоре на сдвинутом в середину комнаты столе стояло несколько бутылок водки, запивон в виде самых дешевых газированных напитков, закусон (хлеб, сало, лук, соленые огурцы) и разнокалиберные чайные кружки в качестве посуды для водки. Пили мы быстро, по команде: «Раз, два, три — поехали!» Главное было, чтобы алкоголь быстрее дал по голове, а уж потом можно расслабиться, пообщаться и все такое.

Через полчаса происходящее в комнате напоминало сцену из жизни дурдома. Шурик и Миша валялись на кровати и с идиотским хохотом спихивали друг друга на пол. Андрей целовался с миниатюрной девушкой, с которой познакомился в коридоре пять минут назад. Спаниэль с озверевшим видом изо всех сил молотил кулаками по дверце шкафа. Несколько человек курили в открытом окне, лежа на подоконнике и свесившись головами вниз.

Кто-то принес гитару, и Миша стал петь песни из советских мультиков. «В коробке с карандашами сегодня прошел дождик...» Все расчувствовались: кто-то подпевал, кто-то танцевал, кто-то наливал и выпивал. Ощущая невероятный прилив сил и сильнейшую симпатию ко всем присутствующим, я поднял вверх кружку с водкой и стал выкрикивать, параллельно стаскивая с себя одежду:

— Вы! Они! И я! Да! Отсюда — туда, оттуда — сюда! Только вперед! И все! Всегда! Везде! Свобода — это я! Все — за мной!

Оставшись совершенно голым, я проглотил водку и швырнул кружку на пол. Зараженные моим воодушевлением, все дружно заорали и стали сбрасывать с себя одежду. Это было похоже на массовое помешательство. Распевая хором «Ведь была, как Буратино, я когда-то молода!», мы бесновались в этой бетонной комнате, какстая обезумевших орангутангов: метались из стороны в сторону со звериными воплями, бегали по кругу, прыгали на стены, кувыркались, стояли на голове, истощенно орали в окно. Толик вскочил на подоконник и бегал по нему, ежесекундно рискуя свалиться вниз.

Всеобщему веселью не поддался только Дед — студент откуда-то из России, получивший это прозвище за рыжую бороду и тяжеловесную серьезность. Смертельно пьяный, он лежал на кровати с суровым видом и громко повторял:

— Успокойтесь вы! Успокойтесь, я сказал! Че вы, как пидоры, голышом бегаετε?

— Лучше быть пидором, чем быдлом! — крикнул Миша, пробегая мимо.

— Че ты сказал? — Дед, угрожающе сдвинув брови, попытался подняться с кровати, но завалился на спину. — Считаю это оскорблением и требую сатисфакции!

— К тебе лично это не относится, Дедуля! — крикнул Миша и чмокнул Деда в лоб.

— Тьфу ты! Да отвали же! — ворчал Дед, отпихивая Мишу от себя с невольной усмешкой.

Время от времени полтора десятка голых людей выскакивали за дверь и бегали по коридору с криками

«Свобода — это я!», приводя в оцепенение вышедших покурить обитателей общаги. Мир был маленьким и послушным. Все было замечательно. Будущее не имело никакого значения.

Здесь, на двенадцатом этаже студенческой общаги, в комнате с рваными обоями будущие менеджеры, дипломаты, переводчики, программисты, инженеры, архитекторы, журналисты и музыканты пока еще говорили на одном языке и хорошо понимали друг друга. А за окном свинцовые тучи медленно наваливались всем своим чудовищным весом на худые пыльные деревья. Серые пятиэтажки торчали из холодной земли, как могильные памятники на сельском кладбище, затерянном среди бескрайних мертвых болот, с надгробными венками из пластмассовых растений и портретами усопших земляков. Мы всего этого не замечали; мы видели только лучи далекого солнца, с трудом пробивающиеся сквозь промозглый туман. Мы были совершенно свободны — свободны говорить и делать все, что захотим, по крайней мере здесь и сейчас, в комнате с рваными обоями, на двенадцатом этаже студенческой общаги.

* * *

— Вчера она мне говорит: «Я люблю, когда меня приглашают в рестораны, угощают коктейлями, дарят розы», — жаловался Шурик.

— Тьфу ты, — прямо перекосило Мишу. — Рестораны и «коктели» — это еще ладно, но розами ты меня вообще добил.

— А где я денег-то возьму на рестораны и розы, если у меня даже на сигареты не хватает? — недоуменно развел руками Шурик.

— Да шалава она, шалава, — осуждающе качал головой Миша.

— Да нормальная она девушка! — убеждал Шурика Андрей. — В смысле, где ты другую-то найдешь?

— Вот именно! — согласился Миша. — В смысле, где ты их вообще находишь?

— Ты, Миша, ничего не понимаешь в любви, — заявил Шурик и повернулся к парням, которые шли в коридор, предусмотрительно придерживаясь руками за стены: — Э, ребята, вы курить? Я с вами.

— Тебя опять вчера из деканата искали, — сказал Спаниэлю Батыр, студент из Туркменистана. — Ты когда последний раз на пары-то ходил?

— Месяца два назад. А что там делать? Что мне надо, я и в интернете почитаю.

— А зачем же ты в вуз тогда поступал? — допытывался Батыр.

— Не помню, — подумав немного, пожал плечами Спаниэль. — Давно это было.

— Ты меня, брат, прости, но этот ваш белорусский — это не язык вообще, — говорил Дед заплетающимся языком, лежа на кровати.

— Цікава, цікава. А што ж тады? — спрашивал его парень в майке с надписью CUBA LIBRE и стильных солнцезащитных очках.

— Диалект русского, вот что.

— Сапраўды? А мне здаецца, што наадварот, руская мова — гэта дыялект беларускай мовы,— усмехнуўся парень в очках, наліваю Деду и себе еще водки.

— Белоруссия — это исконно русские земли,— разви-вал свою мысль Дед, грозно тараща глаза.

— А можа, гэта Расея — спрадвечна беларуская зямля? — пожал плечами парень в темных очках, протягивая собеседнику стакан с водкой.

— Слушай, Дед, а ты чего не бреешься-то? — спросил Спаниэль; он курил, сидя на подоконнике, и время от времени смачно сплевывал в окно, пытаясь попасть в каркавших где-то внизу ворон.

— Там, откуда я родом, мужик без бороды, типа, и не мужик вовсе,— внушительно ответил Дед, ласково поглаживая пятерней спутанные заросли на лице.

— Ты чего, из Талибана родом? — поинтересовался Спаниэль, поглаживая свой разноцветный ирокез.

— Считаю это заявление оскорбительным и требую сатисфакции! — угрожающе произнес Дед, попытавшись встать и тут же завалившись обратно на кровать.

— Да лежи, не вставай. Нету у меня никакой сатисфакции,— добродушно ответил Спаниэль.— Не обижайся. Я просто хотел узнать, имеет ли твоя борода какие-либо мировоззренческие, этнические либо культурологические предпосылки, обуславливающие ее существование, или же тебе просто за пьянками бриться лень.

Покуриў в коридоре и заодно стрельнуў сигарет про запас, Шурик занял стратегически важное место у стола и стал быстро запихивать в рот и глотать, почти не жуя,

один продукт за другим. Шурик жил со старшим братом. У них дома еда водилась редко. В гостях у Шурика появлялся аппетит: ни от чего не отказываясь (а часто и не дожидаясь приглашения), он наедался до такого состояния, что с трудом мог передвигаться и вынужден был отлеживаться, чтобы его ненароком не вырвало драгоценной пищей.

Рядом с Шуриком стоял главный весельчак общаги, заядлый кавээнщик, и витиевато предлагал девушкам, которые только что случайно заглянули в гости, блюда с общего стола (сам он пришел всего лишь пятью минутами ранее, но вел себя как радушный хозяин, встречающий долгожданных гостей):

— Дорогие дамы! Вашему вниманию предлагаются фирменные блюда нашего заведения. Сегодня в меню: хлеб серый, засохший, нарезанный позавчера; сало жилистое, жевательное. Истинным гурманам мы готовы предложить лук ядреный, слезогонный. Выбор напитков: водка обыкновенная; напиток фиолетовый, газированный; вода прохладная из-под крана; чай черный гранулированный, без сахара. Пожалуйста, сделайте ваш выбор!

Депрессивная девушка в круглых очках и с портретом Джона Леннона на майке рассуждала о пользе наркотиков. Батыр рассказывал о Туркменбаши, который переименовал главные улицы Ашхабада в честь себя и своих родственников. Парень в стильных солнцезащитных очках описывал реставрацию старинной усадьбы, в которой он недавно участвовал как волонтер: рабочие снесли полздания, а затем возвели из современных

материалов нечто, напоминающее гигантский коттедж коррумпированного генерала.

Миша рассказывал очередную байку про Шурика:

— Сiju я у него на кухне, за столом, ну знаешь — на диване в углу. Играю на гитаре. А Шурик решил приготовить чего-нибудь поесть. Залез в холодильник, а там у него из продуктов — только два яйца. Ну он и решил их пожарить. Зажег огонь, поставил на него сковородку, в левую руку взял нож, в правую — одно яйцо, а второе яйцо на стол положил. Понимаешь? На голый деревянный стол, к тому же кривой. Яйцо, само собой, сразу же вниз покатилось. Шурик стоит как вкопанный, в одной руке нож, во второй — яйцо, следит глазами за вторым яйцом и кричит: «Миша, лови!» Я, понятное дело, гитару не бросил... В общем, яйцо шмякнулось наземь и расплылось по полу. Шурик смотрит на меня и говорит: «Слушай, Миша, а ты очень хочешь яйцо?»

— В соседнюю комнату иранец заселился, — рассказывал очень серьезный накачанный парень в майке с британским флагом. — Все коврами обложил: пол, стены. Музыка эта дурная целыми днями завывает — как будто банду котов за яйца тянут. Так вот, на прошлой неделе он ко мне зашел, веселый такой, улыбка до ушей: «Магазин! Магазин! Подарок!» — и банку кока-колы мне сует. Я ничего не понял. «Хорошо, спасибо», — говорю. А он в коридоре поставил большой холодильник со стеклянной дверцей, как в супермаркетах, и продает теперь пиво, напитки всякие, чипсы, сигареты. Днем и ночью китайцы в дверь ломятся — за покупками.

— Шьто дэлать будишь, брат? — поинтересовался Миша, зловеще вытаращив глаза, и выразительно чиркнул по горлу указательным пальцем; при этом он едва не свалился с подоконника, на котором сидел, болтая ногами.

— Мама пришла вчера из гостей пьяная в два часа ночи,— тараторила девушка с дредами и сережкой в нижней губе,— зачем-то стала на кухне посуду мыть и вдруг в обморок упала. Я сквозь сон услышала глухой удар, выбегаю — а она там на полу лежит! Я нашатырный спирт схватила, руки трясутся... Короче, нечаянно маме в глаз его залила. Она как подпрыгнет и давай орать! Глаз у нее сильно распух. Зато сразу очнулась!

— Ладно, я это, типа, пошел, у меня, типа, дела,— сказал Шурик, пожимая плечами и пробираясь к двери.

— Погоди, Шурик! А десерт?— крикнул вдогонку Миша и махнул рукой с досадой.— Опять фифу свою мацать пошел...

— Девушки, а можно с вами познакомиться? — сказал Дед, безуспешно пытаясь встать с кровати.

— Познакомиться? — удивленно переглянулись девушки.— Вообще-то, мы уже несколько раз знакомились.

— Мы, мужики, пока трезвые — такие галантные! — объяснил Дед свое джентльменское поведение.

— По сравнению с тем, каким мы тебя видели вчера, действительно можно сказать, что сегодня ты трезвый и даже галантный,— согласились девушки.

Миша, перебирая пальцами струны гитары, грустно констатировал:

— А водки, кстати, больше нет!

И повесил в наступившей тишине печальный минорный септаккорд.

Все замерли, глядя на стол. Водки, действительно, больше не было. А ночь еще только начиналась.

В этот критический момент Дед, кряхтя и чертыхаясь, наконец-то сумел не только сесть, но и встать с кровати.

— Друзья! У меня есть предложение для всех истинно храбрых мужчин,— торжественно начал он.— Дело в следующем. В моей комнате стоит литровая бутылка спирта, которая оказалась у меня, в общем-то, чисто случайно. Мы можем спуститься в мою комнату и выпить ее. Единственное, что я точно не знаю, какой это спирт — этиловый или метиловый. Поскольку внешне они никак не отличаются, установить это можно только опытным путем. В первом случае нас ожидают приятные ощущения и продолжение праздника. Во втором — вероятнее всего, смертельный исход.

* * *

На третьем этаже, где находилась комната Деда, обитали главным образом иностранные студенты. Здесь всегда было шумно и оживленно. Все двери были открыты настежь, раздавались звуки восточной музыки, из комнаты в комнату с тарелками в руках бегали китайцы, громко переговариваясь и бурно жестикулируя.

В общей кухне, где стояли в ряд порыжевшие от времени массивные электроплиты, несколько девушек, забыв про подгоравшие на плите тосты и яичницу, фотогра-

фиrowали бегавших по стенам тараканов. На подоконнике молча курили турки, рассматривая девушек с приятными улыбками на небритых физиономиях.

— Это студентки из Бельгии, они вчера приехали, — объяснил Батыр, который всегда был в курсе последних новостей общаги, и помахал туркам рукой: — Мерхаба, мужики!

Дверь в комнату Деда была открыта. На одной из кроватей сидели четыре китайца с банками пива и дымящимися сигаретами в руках и увлеченно смотрели китайский боевик.

— Хайль Гитлер! — махнул им рукой Дед.

— Се-се! Се-се! — не отрываясь от экрана, закивали китайцы.

— Я все никак не пойму, кто из них мой сосед, — сказал Дед. — Они всегда толпой тусуются, а ночуют, по моему, все время разные люди.

— Они по-русски говорят? — спросил я.

— Хрена они говорят! — ответил Дед, доставая из шкафа пузатую стеклянную бутылку. — Зачем оно им? Они за пределы этого этажа редко выходят.

В комнате было темно. В том месте, где должна была находиться лампа, из потолка торчали только оголенные провода. Два стоявших на полу светильника в виде красных шаров придавали комнате мрачный и даже злоеущий вид. В тяжелом прокуренном воздухе звучали задорные китайские мелодии и звонкие удары, которыми обменивались герои фильма.

— Для чистоты эксперимента предлагаю спирт не разбавлять, — сказал Дед, наливая спирт в пластмассовые стаканчики.

— А если он все-таки метиловый? — с опаской спросил Батыр.

— Если он метиловый, то мы почувствуем сильную боль в желудке и начнем быстро слепнуть,— ответил Дед.— Если боишься, то можешь подождать, пока мы все выпьем, и посмотреть на нашу реакцию. А уж потом, если мы не умрем, выпить свой стаканчик.

Батыр обвел тревожным взглядом смотревших на него истинно храбрых парней и пожал плечами:

— Ладно, мужики! Если уж откинемся, то хотя бы по приколу.

Спирт обжег горло, но ничего страшного не произошло. Мы помолчали, жуя хлеб и глядя друг на друга. Тишину нарушил Батыр:

— Ну че, мужики, по ходу жить будем.

— Слушай, Жека, а спой эту, про «старый ветер»! — предложил Миша, протягивая мне гитару.

Эта песня была одной из самых пронзительных вещей в репертуаре группы «Лояльный муравей». Медленный минорный блюз с текстом в духе готических баллад Василия Жуковского о печальных рыцарях, которые до гроба хранили верность своим ушедшим в монахины возлюбленным.

Я закрыл глаза и провел рукой по струнам.

«Старый ветер видел все на земле, много тысяч раз он побывал везде... Но, тебя коснувшись, он задрожал, лег на землю, ручьем стал у ног твоих...»

Я растворился в звуке. Времени и пространства больше не существовало. Во вселенной остались только

пульсация гитарных струн и широкая сильная река, в которую превратился мой голос.

Миша, несмотря на нарочито шершавую манеру поведения, на самом деле тоже был очень сентиментальным парнем — особенно после изрядного количества выпитого. К третьему припеву он вытирал слезы и бормотал: «Бля, чувак, это охуенно! Пиздец, как круто...»

Но Деду песня определенно не закатаила. Едва дождавшись финала, он решительно заявил:

— Попса. Конкретная попса.

— Серьезно? А что тогда не попса? — поинтересовался я.

— «Гражданская Оборона», «Комитет охраны тепла», «Кино». Да и то — отдельные песни. А все остальное — попса.

— А чем не попса отличается от попсы?

— Не попса — это когда сибирский мужик, похоронив всю свою семью, приходит домой, выпивает залпом литр водки, молотит кулаком по столу и орет: «А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!» Вот это — не попса. А все остальное — попса, — объяснил Дед, разливая спирт по стаканчикам.

— Ну хорошо, а если прижать к виску заряженный пистолет, заорать изо всех сил и нажать на курок, это тоже будет не попса?

— Ну да, — подумав, согласился Дед.

— А какой в этом смысл? — спросил я.

— А никакого, — с горечью сказал Дед, — нету смысла. Вообще никакого! Ни в чем.

«В том числе в подобных разговорах», — с досадой подумал я. Какой смысл спорить с человеком о том, в чем он совершенно не разбирается? Меня всегда удивляла безапелляционность, с которой суждения о музыке высказывают люди, не имеющие к ней ни малейшего отношения. Эти «эксперты» могут не знать, чем отличается мажор от минора, зато легко отличают попсу от непопсы.

Я встал со стула и подошел к зеркалу, висевшему на стене у входной двери. Увидев свое отражение, я невольно вздрогнул... На меня смотрел худой небритый парень с колючими блеклыми глазами. Молодой, но какой-то очень изможденный и усталый. Над впалыми щеками торчали острые скулы. У краев презрительно изогнутого рта образовались высокомерные складки. Пряди редких русых волос неровно ложились на узкие плечи. Кожа имела восковой вид... Я был похож на свежего покойника, которому надоело лежать в гробу, куда его уложили скорбящие родственники; уловив момент, когда рядом никого не было, он решил немного прогуляться по комнате, размять ноги и, случайно глянув на себя в зеркало, удивился тому, какой нездоровый у него теперь вид...

Вообще-то, примерно так я всегда и хотел выглядеть — меня с детства привлекал образ сумасшедшего аутсайдера.

Я жил на окраине Минска, в самом криминальном районе города. Здесь царил культ грубой мужественности, были популярны варварские развлечения — напиться и подраться, нацарапать «хуй» на чужой машине, поиздеваться над теми, кто послабее. Здесь и девушки, и парни вели себя одинаково: сидя на лавках у подъездов, пили

пиво из полторалитровых бутылок, ели семки и матерились со знанием дела, громко и смачно. Мои сверстники занимались карате и качали мускулы, а я прогуливал физкультуру, труды и военную подготовку, писал стихи об одиночестве и рисовал монстров в тетрадах.

Такие замечательные вещи, как цветущее здоровье, румянец на щеках, крепкая шея, сильная спина, мускулистые руки и, в особенности, мускулистые ноги, казались мне пошлыми и отвратительными. Мне было физически неприятно смотреть на пышущих здоровьем, самоуверенных, громких, бодрых людей.

А что именно мне нравилось? Точно я не знал. Проявления упадка, сумрак, скорбь, неестественная худоба, сломанные вещи. Меня привлекала смерть.

Забыв про окружающий мир, я внимательно рассматривал свое отражение в зеркале, как будто это был совсем не я, а посторонний, незнакомый человек — и этот человек почему-то не внушал мне симпатии. Блин, а не застрял ли я в некой промежуточной стадии своего развития? Возможно, я слишком долго был гусеницей, и мне давно пора было превратиться во что-то другое — но во что именно и как? Стать таким, как те люди за столом в баре «Полундра»? Дремать перед телевизором, строить дачу, копить на машину? Нет, только не это! Но в своем нынешнем виде я был, пожалуй, даже отвратительнее, чем они... Я внимательно смотрел себе в глаза, пытаюсь увидеть там ответы на свои вопросы.

Я первым в своей школе стал пить и курить, первым стал всерьез встречаться с девочкой, первым отрастил

длинные волосы, первым же обрил голову наголо — и первым вылетел из школы с четырьмя годовыми двойками (этим фактом я гордился, пожалуй, больше всего). В последующие годы я, главным образом, посылал всех на хуй, хлопал дверями и сжигал мосты. Теперь, в свои двадцать пять, я был похож на подростка, который долгое время голодал и страдал хроническими болезнями. Я поднял руку и пошевелил пальцами — они выглядели так, как будто были вылеплены из глины. Может быть, я уже умираю? Я прислушался к биению своего сердца: его стук был какой-то рваный, прерывистый, неуверенный; время от времени что-то кололо в левой части груди. Я вдыхал воздух с трудом; легкие как будто не хотели расширяться. Суставы скрипели при каждом движении, в них что-то щелкало и хрустело. Живот как-то странно ныл; я чувствовал непонятную тяжесть в желудке. Ужасно болели почки — в нижней части спины, в области поясницы. Печень, видимо, сильно увеличилась, ее верх упирался в ребра и легкое, а низ давил на желчный и мочевой пузыри. Яйца как будто тянуло вниз; скорее всего это трихомоноз или хламидиоз. Судя по боли в заднице, у меня начинался геморрой. Шею свело судорогой, и голова против моей воли запрокидывалась назад. Черепная коробка так сильно сдавила мозг, что думать даже самую маленькую и простую мысль было очень больно. Правое веко охватил нервный тик, и оно бешено прыгало вверх-вниз, как крыло раненой бабочки...

Содрогаясь всем телом, я оперся руками на зеркало и обрушил его на пол. Раздался оглушительный звон

разбитого стекла. Я ошеломленно смотрел то на осколки, живописно разбросанные по полу, то на удивленные лица приятелей, то на китайцев, застывших с пивными банками в руках.

Тут Дед отчего-то заорал «Э-э-эх!» и вскочил с места. Исполнив несколько размашистых танцевальных па в стиле «Эх, яблочко, куда ты котишься», он схватил Спаниэля, поднял его вверх и стал раскачиваться из стороны в сторону, оглушительно распевая: «А дак и че? А да ниче! А как пойдём мы, да на войну!» Спаниэль отбивался и громко протестовал, но это было бесполезно.

Не выпуская из рук Спаниэля, Дед вскочил на кровать, оттуда поднялся на стол и плясал там, возвышаясь над нами, похожий на былинного богатыря, пытающегося молодецкой песней растопить сердце неприступной заморской царевны. Спутанные волосы и рыжая борода Деда мотались из стороны в сторону, вытаращенные глаза сверкали в полумраке. Всем, кроме Спаниэля, было очень смешно — особенно китайцам, которые так и вовсе хлопали в ладоши и покатывались от хохота.

В этой сцене была такая невероятная первобытная красота, что я и сам заорал, вскочил с места и стал вытанцовывать какие-то замысловатые фигуры, размахивая руками в воздухе. Миша тоже вскочил, за ним и остальные. Животная энергия, заключенная в наших пьяных телах, вырвалась наружу и хлестала во все стороны, разбиваясь кровавыми волнами о пол, стены и потолок. В этих нескольких десятках кубических метров пространства образовался гигантский бурлящий водо-

ворот, затягивающий в себя все новые жертвы. Вокруг нас вращалась комната, общага и город Минск, а в моей голове кружился огромный сверкающий шар.

* * *

Праздник продолжался! Приходили даже люди, с которыми не был знаком никто из присутствующих. Все запросто садились куда попало и подключались к разговорам. Я сидел на полу и пытался вспомнить, что я здесь делаю и зачем мне это нужно — вливать в свой организм алкоголь в компании всех этих людей и слушать их разговоры. Время наваливалось на меня тяжелым мясистым блином, бессмысленное пространство смеялось мне в лицо, а я астрял в этой затонувшей подводной лодке без надежды на спасение, стараясь не двигаться и не дышать, чтобы не расходовать понапрасну драгоценный кислород... В поисках освобождения я шел на одну крайность за другой, но в результате оказывался в очередной клетке. Дверца была незаперта, можно было открыть ее и выйти, но я не хотел никуда идти.

Эти размышления прервал Спаниэль, хлопнув меня по плечу:

— О чем задумался, звезда?

— Да ладно, не гони,— отмахнулся я.— Мы еще ни одной песни не записали...

— Это дело времени,— успокоил меня Спаниэль.— А почему вы не записываетесь?

— Денег нет,— ответил я.— В нашей группе я один работаю.

— И где работаешь?

— Редактором на новостном сайте.

— Так ты нормально устроился! Что делаешь-то?

— Прочесываю информацию по всему миру на предмет горячих новостей. Теракты, банкротства, судебные разбирательства, некрологи, скандалы, личная жизнь голливудских актеров. Распределяю новости между копирайтерами, а когда они заканчивают, придумываю звучное название. Например, «Беременная парашютистка приземлилась на асфальтированную автозаправку». Качество новости определяется тем, сколько людей ее прочитает. Больше всего кликов получает дерьмо. Поэтому можно сказать, что я занимаюсь поиском и размножением дерьма. Когда после восьми часов такой деятельности я иду домой, у меня ощущение, что я с головы до ног покрыт дерьмом. А ты чем занимаешься?

— Я сторожу торговый ларек по ночам,— сказал Спаниэль и почему-то поежился.— То есть сплю в нем. Холодно — капец! А по утрам подземный переход подметаю. Работы на пару часов — и плюс сорок долларов в месяц. На пиво хватает.

— А почему по специальности не работаешь? Ты же на переводчика учишься?

— Так ничего нормального не предлагают! Я повсюду объявления поразвешивал, а всплывает только всякая фигня.

— Например?

— Ну вот вчера мне из Либерии звонили. Это в Африке где-то. Условия тяжелые, оплата высокая... Я порылся в интернете — а там гражданская война. Голод, эпиде-

мии, дети с автоматами, человеческие жертвоприношения и так далее.

— Ну и что? Прикольнo же.

— Чего ж тут прикольного? Повстанцы какие-нибудь башку тебе отрежут, вот и весь прикол.

— И что, ты отказался? Не поедешь?

— Нет, конечно! Сам туда езжай, если хочешь. Могу телефон дать.

— Ну, если не шутишь — давай!

— Сейчас, если я его еще не выбросил...

Порывшись в карманах, Спаниэль протянул мне скомканный лист бумаги:

— Держи! Только я бы на твоём месте сначала протрезвел, а потом уж в Африку собирался...

— Ну спасибо, дружище! — я сжал его руку в своей. — С меня ящик пива! И пригласи на все мои концерты. Короче, за мной не заржавеет!

— Да на фиг тебе это нужно? — выдавил Спаниэль, пытаясь освободить свою ладонь.

— Во-первых, заметь — «оплата высокая». Я за пару месяцев на запись в студии заработаю!

— А про «тяжелые условия» ты не забыл случайно? Ты лучше сочини песню, дури девушкам голову и все такое — чем вы там, музыканты, обычно занимаетесь?..

— Я хочу от себя освободиться, — перебил я Спаниэля, наливая ему и себе еще спирта. — Мне мало одной жизни. Я хочу несколько жизней прожить! Увидеть мир со всех сторон, быть всем сразу!

— Чего? Я бы на твоём месте сегодня больше не пил.

— Расширить свое сознание,— продолжал я.— Стать больше, чем я есть!

— Да успокойся ты, наконец! То ли ты американских фильмов насмотрелся, то ли в компьютерные игры переиграл... После пятилетнего возраста человек практически не меняется. Только обрывает новыми привычками.

— Бред! — разозлился я.— Человек всегда может измениться, если по-настоящему этого захочет. И я тоже могу! Могу выдержать любые, самые тяжелые условия, самые трудные испытания!

— Разве? — скептически поинтересовался смутно знакомый товарищ криминального вида с татуировкой на шее и здоровенным вазелиновым кулаком.— Что-то раньше по твоему поведению это было незаметно. Разные случаи были, начиная еще со школы... В лучшем случае ты вел себя как псих. Да и то, наверное, больше от страха.

— Я просто не воспринимал всерьез эти бытовые ситуации,— оправдывался я.— Я всегда жил своим творчеством. Все остальное не имело для меня значения.

— А может быть, музыка была твоим коконом? — спросил бородатый мужчина в коричневом берете.— Из которого ты не хотел вылезать, потому что боялся жить в реальном мире.

— А если мне отвратителен этот ваш мир? — взорвался я.— Если я ненавижу всю эту мышиную возню вокруг машинок и домиков, ваше лицемерие, ложь и грязь? Все, что вы говорите и делаете, ставит целью сесть на голову ближнему. Вот из чего состоит ваш «реальный мир»! Он прогнал снизу доверху.

— А что ты лично сделал для того, чтобы что-то изменить? — спросил немолодой мужчина с грустными глазами. — Ты боролся против системы? Раскрывал глаза людям? Шел на баррикады?

— Эта система необходима людям, которые без нее окажутся лишними. А это большинство. Как вы собираетесь изменить всех этих людей? Да и вообще, вы у них спросили — они-то сами хотят измениться? А если их устраивает то, что есть? Кто вы такие, чтобы решать, как должен жить народ, что он должен думать и во что должен верить?

— Это все казуистика, молодой человек, — усмехнулся мужчина. — Вы прекрасно можете отличить добро от зла. Вы только бороться за свои убеждения не желаете.

— Но как именно я должен бороться? — воскликнул я. — Я не политик, не оратор, не организатор; я вообще не очень-то люблю и не хочу общаться с людьми. Я хотел донести свои идеи через творчество — но мало кто понимает, что я хочу сказать своими песнями...

— Да слышал я твои песни, — сказал мужичок, похожий на алкоголика. — Ну, вроде играете вы еще нормально, но поете вообще какую-то хрень. То ноешь, то воешь... Не будет народ вас слушать. Народу надо что? Чтоб душа сначала разворачивалась, а потом опять заворачивалась!

— Да какие вам песни, жуки вы навозные! — сплюнул я себе под ноги. — Посмотрите на себя, как вы живете. Женитесь по залету, отсиживаете работу, дремлете перед телеком, хлоп — и жизнь прошла за бессмысленными занятиями. И вы еще будете учить других чему-то?!

— Если для тебя наша страна такая плохая, езжай в другое место,— сказал высокий мужик в строительной каске.— Нам такие, как ты, певцы-голубцы, не требуются! У нас на заводах, в полях рук не хватает, а он жалуется, что его песни слушать некому! Пиздуй за границу! Может, там тебе больше будут рады. Мы никого не держим!

— А вот это хорошо. Вот за это спасибо. Что хоть свалить от вас, гоблинов, пока еще можно! — уже почти кричал я.— Только, когда я добьюсь успеха в другой стране, вы будете очень жалеть, что когда-то вынудили меня отсюда уехать!

— Жека, ты чего, сам с собой разговариваешь? — вмешался в наш разговор Миша.— Ты, по ходу, бухой в дрова. В смысле, я тоже. Не желаешь по крыше прогуляться?

* * *

Мы поднялись по лестнице на пятнадцатый этаж, протиснулись сквозь пожарный выход и вылезли на крышу. Холодный ветер дул в лицо, и было приятно просто сидеть на бетонном парапете той самой «башенки Дарта Вейдера», свесив ноги. Далеко под нами лежали понурые травинки, затоптанные бесчисленными ботинками, туфлями и кроссовками — как им вообще удалось выжить? Пыль, пыль, пыль покрывала все вокруг — наши волосы и одежду, крыши и окна домов, дороги и деревья; между нами и небом тоже висели пыльные облака. Тусклые силуэты вещей расплывались на глазах, как акварельный пей-

заж под струей воды. Печаль и ненависть тяжело гудели в душном ночном воздухе. Кажется, Миша что-то говорил. Я смотрел на него, но ничего не слышал.

— ...ты уедешь, а мы что делать будем? — закончил он свою речь и вопросительно посмотрел на меня.

— Я же не насовсем уеду! Заработаю денег и вернусь. Альбом наконец-то запишем.

Миша пару минут задумчиво смотрел перед собой, потом вздохнул и тихо сказал:

— А давай сейчас вместе вниз спрыгнем, ты — и я.

Это было такое неожиданное и поэтическое предложение, что у меня слезы навернулись на глаза.

Самоубийство... Нет, ставить точку в своей жизни мне пока еще не хотелось.

— Не спеши умирать, дружище! — сказал я, вставая. — Мы еще нужны этой стране.

Миша кивнул, перебросил ноги через парапет и хотел встать, но потерял равновесие и на мгновение завис на ветру, тщетно борясь с прожорливой черной пропастью за своей спиной. Я попытался схватить его за руку, но промахнулся; сильный порыв ветра толкнул Мишу в грудь, и он камнем полетел вниз.

Мне вдруг стало очень холодно. Я смотрел на бесконечное темное пространство перед собой и пытался вдохнуть, но у меня ничего не получалось.

В этот момент я услышал где-то неподалеку Мишин голос:

— Что за хуйня? Где это я?

Я шагнул к краю и посмотрел вниз.

Миша лежал на балконе пятнадцатого этажа, распластавшись на ворохе пыльных ковров и старых газет, и недоуменно почесывал голову.

* * *

Что происходило со мной в последующие несколько часов, покрыто тайной — за исключением нескольких коротких эпизодов.

Помню, как сидел рядом с бородатым бомжом. Мы пили водку из бутылки, и я пел ему свои песни, пытаюсь донести до него смысл и дух своего творчества. Бомж внимательно слушал, вытирал губы рукавом и давал советы:

— Глубже надо. И шире. Понимаешь?

Он поворачивался и пристально смотрел мне в глаза. Я кивал. Я понимал! Конечно, надо иначе, надо проще, глубже и одновременно шире! Совсем по-другому надо. Как же я раньше этого не чувствовал? Тонкая, невидимая грань отделяла мое творчество от настоящей глубины и правды. Все мои песни — ложь, позерство, кривляние и ничего больше. У меня в глазах стояли слезы. Нужно все зачеркнуть, стереть, уничтожить и начать снова — как молодое дерево свободно растет на согретой солнцем поляне.

Помню еще, как я лежал на газоне, где-то рядом ходили торопливые поздние ноги, а я истошно кричал в темное небо, брызжащее на меня холодными каплями дождя:

— Боже! Ты меня слышишь?

Я проснулся ранним утром. Я лежал на земле, прижавшись щекой к мокрой траве. Зубы стучали от холода, а из носа текла какая-то слизь. Рассветный сумрак окутывал серый бульвар; ветер шевелил вчерашний мусор, рассыпанный по дорожкам. В деревьях пели птички, а где-то далеко вверху проплывали обрывки облаков.

Я перевернулся на живот и медленно сел, затем сжал голову руками и некоторое время оставался неподвижным, плавно покачиваясь из стороны в сторону. Потом ухватился руками за литую чугунную решетку и встал на колени. Затем понемногу поднялся в полный рост. Трясущимися руками я нащупал во внутреннем кармане сигареты и зажигалку; закурил. В пачке сигарет лежала сложенная вчетверо бумажка; развернув ее, я увидел написанное шариковой ручкой загадочное словосочетание «Металл Либерия Корпорейшн» и длинный телефонный номер с дикийновым кодом «+231». Больше у меня в карманах ничего не нашлось — кошелек, мобильник и ключи от дома исчезли. С некоторым облегчением я обнаружил в заднем кармане джинсов свой паспорт, мятый и влажный; видимо, уходя из общаги, я каким-то чудом не забыл забрать его у вахтера.

Мой организм чувствовал себя ужасно: меня сильно мутило, перед глазами все плыло, ноги подкашивались, а руки дрожали так, что я с трудом попадал сигаретой в рот.

Зато мой разум был совершенно чист и ясен. Я как будто поднялся над своей жизнью, над собой, над своим городом и страной и увидел все это сразу, не покрытое

туманом иллюзий и страстей — увидел все именно таким, какое оно есть.

Я — глупый, бесполезный, испорченный городской ребенок. Просто малюсенький червячок, слепой и слабый, который пожирает землю и тут же ее выталкивает с другой стороны. Я — даже меньше букашки. Я — крошечная тля. Вся моя деятельность, амбиции и мнимые успехи — это всего лишь какое-то длинное недоразумение.

А другие? Разве в их жизнях есть хоть какой-то смысл? Наш мир — это сплошное предательство той искры света, которая дана нам свыше. Мы сидим в казино, бросаем фишки на нарисованные на столе квадратики и смотрим, как шарик прыгает по барабану. И произносим пустые слова — эти тусклые тени реальности. Макеты будущих зданий, внутри которых — только пустота. И за ними — абсолютная пустота. И сами они — тоже пустота.

Я почувствовал такую всеохватную скорбь и такое оглушительное одиночество, что почти расплакался. Тьфу ты! В данной ситуации самым отвратительным и нелепым с моей стороны было бы лить пьяные слезы по поводу бесцельно потраченного времени и подорванного алкоголем здоровья. Нет, мужчина в состоянии бодуна должен проявлять особую твердость духа! Поэтому я изо всех сил укусил себя за руку и, жалобно поскуливая, огляделся по сторонам. Вокруг никого не было. Неподвижные темные дома равнодушно смотрели на меня пустыми глазницами. Щуплые городские деревья смиренно покачивались на промозглом ветру. Птички прыгали с ветки на ветку в поисках жучков и червячков.

Привычный серый мир, такой основательный и надежный! Асфальтовые дорожки, газончики, заборчики... Минск. Это слово звучало у меня в ушах как приговор и в этот момент казалось каким-то особенно окончательным и скорбным. Город-призрак, который столько раз растворялся во времени, по улицам которого бродят в тумане печальные тени бесследно сгинувших людей. Город-некрополь, где почитают только мертвецов, где памятники ставят только жертвам войн и несчастных случаев. Город, который высасывает тебя, давит на тебя бетонной плитой, хоронит тебя заживо. Город, где так явственно и жутко чувствуешь, как каждую секунду бесполезно истекает отпущенное тебе время.

Я медленно пошел вдоль забора, сотрясаясь от отчаяния и одиночества. Мне было необходимо увидеть хоть какое-нибудь живое существо. В данный момент я был бы рад даже встрече с собакой...

Казалось, я плелся вдоль этого бесконечного чугунного ограждения уже целую вечность, когда вдали послышались быстрые гулкие шаги и громкое дыхание. Навстречу бежала девушка в спортивном костюме. Я радостно замахал руками, умоляя ее остановиться. Она остановилась в нескольких метрах от меня и вынула из ушей наушники.

— Скажите, п-пожалуйста,— с трудом выговорил я,— который час?

— Седьмой,— ответила она, с опаской меня разглядывая.

Я смотрел на нее и пытался придумать, что еще сказать.

— А... куда вы бежите в такую рань? — спросил я довольно-таки развязным тоном, предательски покачиваясь из стороны в сторону.

Девушка неприязненно посмотрела на меня, ничего не ответила и попыталась пробежать мимо.

Я преградил ей дорогу:

— Подождите, пожалуйста!

— Что вам нужно? — раздраженно и немного испуганно спросила она, отступая назад.

Я представил, какое жалкое зрелище я собой сейчас представляю, и мне стало стыдно.

— У меня к вам только одна просьба! Дайте позвонить с вашего телефона. Один звонок. Пожалуйста.

Девушка вздохнула, достала из кармана мобильник и протянула мне. Я ненадолго задумался, глядя подушечкой большого пальца теплые кнопки и стараясь не дышать перегаром в сторону своей спасительницы. У меня всегда была плохая память на любые номера, включая телефонные. Единственным номером, который удалось вспомнить в этот момент, был Мишин — потому что он частично совпадал с датой выхода моего любимого альбома The Doors.

— Але-але... И кто это там в такое время мне трезвонит? — пробубнил в трубку мой приятель, даже сквозь сон продолжая разговаривать в своей дурашливой манере.

— Привет, это я... Представляешь, я на улице, на земле проснулся, замерз очень... По ходу, я мобилу потерял. И кошелек, и ключи от дома... Я к тебе погреться зайду, окей?

— Чувак, ты только свое имя не называй,—тревожно зашептал Миша, мигом проснувшись и посерьезнев.— Тебя везде ищут, всю общагу перерыли, наших корешей допрашивали. Мне повезло — я у девчонок отсиделся...

— Мишаня, ты чего, так шутишь? — озадаченно отозвался я.

— Помнишь лысого, с которым ты вчера в том заведении «познакомился»? Так вот, он теперь в реанимации лежит, с переломом черепа. Он, кстати, ментом оказался. Вроде майор или даже полковник... Они за тем столиком все были из органов — отмечали что-то. Теперь тебя ищут как анархиста-террориста, организатора нападения на сотрудников милиции. Они уже и дома у тебя были: забрали твой ноутбук, вещи какие-то... Мне твои предки звонили... Короче, мой тебе совет: делай ноги, прямо сейчас... Да, еще... Алло, ты меня слышишь?

— Да,—ответил я упавшим голосом.

— На этот номер больше не звони! — сказал Миша и повесил трубку.

Глава 2

Я парил в бескрайнем, лучезарном пространстве. Вокруг, сколько хватало взгляда, не было совсем ничего. И я не чувствовал ничего — ни боли, ни желаний. Я просто был — здесь и сейчас. Открывая и закрывая глаза, я видел то же самое, потому что этот свет и свобода были повсюду: снаружи и внутри. «Господи, как прекрасно быть совсем одному, — думал я. — Никогда не видеть никого и ничего. Пожалуйста, забери у меня все и ничего не давай взамен!»

Тут меня сильно потрянуло, потом еще раз... Я ударился головой о что-то железное и снова оказался в своем теле. Многие его части болели. Я с трудом открыл глаза и огляделся.

Кроме меня в полупустом салоне самолета находилось несколько десятков африканцев. Многие летели семьями: дети с криками бегали по проходам между креслами,

родители громко общались друг с другом. Лиц было не разобрать; лишь белки глаз блестели в полумраке, да темная кожа поблескивала в тусклом свете лампочек.

Некоторое время я тупо разглядывал эту картинку, полагая, что попал из одного сна в другой. Потом в памяти одна за другой стали всплывать сцены последних дней: драка в баре, пьянка в общежитии, телефонный разговор с Мишей... Как я добирался на попутках из Минска в Москву, как оттуда позвонил в Либерию и как прыгал от радости, услышав, что меня готовы взять на работу. Как в ожидании, пока мне сделают визу и пришлют билет на самолет, я несколько дней без передышки бухал с приятелями, у которых жил в Москве. Как я трясся от страха в Домодедово, готовый к тому, что меня возьмут под руки и поведут в отделение. И как на радостях напился в брянском аэропорту (где у меня была пересадка) — когда понял, что вырвался уже наверняка.

Был ранний вечер, а самолет до Либереи вылетал только следующим утром. На последние деньги я купил в Duty Free самую дешевую бутылку виски; сэндвич на закуску пришлось украсть в соседнем кафе.

Расправившись с виски за каких-то полчаса, я от нечего делать стал слоняться по вечернему аэропорту, наблюдая за тем, как магазины один за другим опускали роллеты. Я пытался позвонить друзьям из телефона-автомата на втором этаже, но он только жрал монетки и что-то говорил по-французски; чтобы хоть частично компенсировать моральный ущерб, я оторвал телефонную трубку и швырнул ее в ближайшую урну. В интернет-кафе я безуспеш-

но пытался угадать платный код доступа, а когда мне это надоело — решил пойти погулять по вечернему Брюсселю. Из аэропорта меня не выпустили по причине отсутствия визы; разозлившись, я пытался подраться с сотрудником паспортного контроля. В процессе задержания, поскольку я оказывал активное сопротивление охранникам, моя куртка как-то незаметно разорвалась пополам. Ночь я провел, ворочаясь на железной койке в крошечной камере. Утром меня в наручниках провели к трапу самолета.

И вот теперь я в тупом оцепенении сидел у иллюминатора, наблюдая за мелким дрожанием пенопластового крыла на фоне густых белых облаков. Я начал трезветь — впервые за несколько дней, — и мое отчаянное положение предстало передо мной с такой наглядностью, что по спине побежал предательский трусливый холодок.

У меня не было ни копейки. Из личных вещей была только одежда на мне (рубашка, джинсы, кроссовки), а также паспорт и ксерокопия либерийской визы. Я бы мог попробовать утешиться тем, что «если есть в кармане пачка сигарет, значит все не так уж плохо на сегодняшний день», но сигареты и зажигалку у меня изъяли во время ареста. Я направлялся в какую-то непонятную африканскую страну, про которую почти ничего не знал... Я ведь всю жизнь жил в Минске. Даже на самолете ни разу не летал. Черт возьми, что происходит?

И все это — из-за той злополучной драки в баре... Всего на какую-то минуту отключился самоконтроль — и вот результат. «И почему я тогда не сдержался? Герой хуев!» — говорил я себе, мучаясь запоздалым раскаянием.

Самолет сильно потрянуло; я подпрыгнул в воздухе, на долю секунды зависнув над своим креслом. «Как такая фигня называется? Турбулентность, что ли?» — пронеслось у меня в голове, и почему-то это слово показалось мне таким отвратительным, что я почувствовал сильный приступ тошноты. Вскочив с места, я стал шарить глазами по сторонам в поисках туалета, изо всех сил стараясь сдержать рвоту. Соседи молча наблюдали за моими судорожными телодвижениями; их лица казались мне совершенно неподвижными, как будто высеченными из камня. В этот момент рвотные массы вдруг оказались у меня во рту; вытаращив глаза, я наугад зашагал по проходу между креслами, маша руками и отчаянно мыча.

Самолет снова подпрыгнул; я с грохотом повалился на колени и стал мучительно, надрывно блевать на пол. Сквозь слезы, снизу вверх, я смотрел на попутчиков, пытаясь жестами показать, что извиняюсь и не возражаю против какой-нибудь помощи; те только сочувственно качали головами. «Ха! По ходу, я и тут придурок номер один», — подумал я с некоторым удовлетворением, вытирая губы рукавом рубашки.

— Эй, девушки, белому мальчику плохо! — крикнул стюардессам африканец в широкополой шляпе. — Скорее, помогите своему брату!

Когда меня отпустило, я сел на свое место и отвернулся к иллюминатору, чтобы не видеть, как бельгийские стюардессы безглаголиво вытирают лужицы на полу.

В ушах мерзко хлюпало и звенело; все звуки доносились как будто издалека. По свисающим с потолка те-

левизорам показывали дебильные мультики про Микки Мауса, где герои долго, с кайфом били друг друга какими-то сковородками и другими тяжелыми предметами. Когда мультики кончились, телевизоры почему-то не выключили, и на экранах шипела черно-белая пурга, которая, говорят, является отголоском Большого взрыва. В моей реальности, похоже, тоже взорвалось что-то очень большое, и я, крошечный атом, несясь прочь от родной галактики со скоростью, намного превышавшей привычные мне темпы. Я понятия не имел, что будет со мной завтра, и не знал даже, чем закончится сегодня. Вот он, новый старт. Впрочем, довольно скромный, нелепый и совсем не такой красиво закругленный, как в тех книжках, уткнувшись в которые я провел большую часть своей жизни. Я обхватил голову руками и задумался.

Дома у своих московских приятелей я случайно наткнулся на старый энциклопедический словарь, в котором обнаружилась крошечная заметка о Республике Либерии. Эта страна была основана освобожденными чернокожими рабами, вернувшимися на историческую родину. Слово «Либерия» является производным от «свобода» на латыни... Получается, я сейчас направлялся в «Республику Свободию»?

«А что? Страна с таким названием — самое подходящее для тебя место, — сказал я себе. — Ты ведь вроде хотел свободы? Получите и распишитесь. Вот там-то у тебя свободы будет — хоть завались!» С этой мыслью я прислонился головой к иллюминатору и снова задремал...

Мне снился Минск. Была то ли поздняя осень, то ли средняя весна: без снега и слякоти, но с колючим ветром и нескончаемым мелким дождем. На город опускался вечерний полумрак, кое-где разгоняемый многочисленными фонарями и лампами, которые освещали массивные колонны и верхние части зданий.

Я шел по мокрому тротуару, зябко пряча подбородок в поднятый воротник куртки. Мне хотелось встретить кого-нибудь из знакомых, потрепаться о какой-нибудь ерунде, но навстречу вообще никто не шел.

Я шагал по чистым широким улицам с закрытыми магазинами и ресторанами; потом эти улицы превращались в мосты над другими улицами, и этому не было конца. Иногда я вроде бы узнавал улицу, по которой шел, но потом выходил к перекрестку, где все направления казались мне одинаково незнакомыми. Я шел мимо бетонных клумб с еловыми ветками, мимо безлюдных остановок общественного транспорта и одиноких подземных переходов; блестящие провода звенели приближающимися трамваями, вороны ходили друг за другом с раскрытыми клювами. Мне становилось совсем тоскливо и жутко. Я все ускорял шаг, а потом побежал. Мимо проезжали совершенно пустые автобусы и машины, а я что есть сил бежал вдоль серых домов с темными окнами, задыхаясь и матерясь...

В пять часов дня по либерийскому времени я спускался по трапу самолета, заслоняясь ладонью от ослепительного света и осторожно вдыхая горячий густой воздух. Ощущение было такое, как будто я шел сквозь воду. Цвета вокруг были настолько яркими и насыщенными, что глазам было почти больно смотреть, и я непрерывно щурился — как крот, выбравшийся наружу из своей темной норы. Все это казалось настолько нереальным, что я почувствовал себя зрителем фантастического фильма про жизнь на Марсе, внезапно оказавшимся по ту сторону экрана.

Вместе с шумной толпой пассажиров я вошел в бетонный барак, выполнявший функции пункта таможенного контроля, и стал в очередь, в которой я был единственным белым.

Единственным источником света здесь служили пустые оконные проемы. Бетонные стены были покрыты сажей и изогнутыми рядами выбоин от автоматных очередей. Из мебели присутствовало только несколько стульев и щербатый деревянный стол, за которым сидела полная женщина в темно-синей униформе. Она пару минут озадаченно листала мой паспорт, тяжело вздыхая и закатывая глаза к потолку.

— О, Боже... Какая республика? Бельгия?

Я отрицательно покачал головой, замороженно глядя на дутые золотые украшения, блестевшие на груди, в ушах, на пальцах и запястьях сотрудницы таможни.

Старательно, буква за буквой, переписав мое имя и слово «Belarus» в лежащую на столе тетрадь в клеточку,

сотрудница таможни внимательно посмотрела мне в глаза и начала допрос:

— Кто пригласил вас в эту страну? Какова цель вашего визита? Где вы планируете остановиться?

В ответ на все вопросы я только растерянно пожимал плечами. Я с трудом стоял на ногах; голос женщины доносился до меня как будто сквозь толстый слой ваты, а мозг напрочь отказывался соображать.

— Do you speak English? — спросила сотрудница таможни, отчаявшись услышать от меня что-либо кроме невнятного мычания.

Я по инерции снова покачал головой. Женщина грозно нахмурилась и заговорила на ломаном английском, тщательно артикулируя каждый слог:

— Твой документ — проблема, большая проблема! Ты меня понимать? Я тебя арестовать, ты откуда не выходить! Ты оставаться здесь, ты идти в тюрьму, прямо сейчас!

С этими словами сотрудница таможни бросила мой паспорт в ящик стола с безжалостным видом надзирателя, захлопывающего дверь камеры за арестантом.

Некоторое время она молча стучала пальцами по столу, многозначительно поглядывая на меня; я безмолвно топтался на месте, как двоечник у доски, надеющийся только на учительское снисхождение.

Наконец, потеряв терпение, сотрудница таможни наклонилась вперед и громко прошептала:

— Я тебе помогать! Дай мне сто долларов, и я тебе помогать! Ты меня понимать?

Я покачал головой и развел руками. Что тут скажешь? Денег у меня все равно не было.

— Сто долларов, сто долларов! Дай мне сто долларов! — повторяла сотрудница таможни. — Что тут непонятного? Или я тебя в тюрьму отправлю!

— Хватит уже издеваться над парнем! Бедняга ни слова по-английски не понимает! — воскликнула женщина, стоявшая за мной в очереди.

— Тише там! — раздраженно крикнула таможенница. — Не мешайте служителю закона выполнять свою работу!

В ответ из очереди посыпались насмешливые возгласы:

— Что-что выполнять?

— Это у них называется «выполнять свою работу»!

— Вот она, коррупция!

— Какая еще «коррупция»? — заорала таможенница. — Нашли за кого вступиться! Да у этого белого куча денег! Почему вы не даете своей африканской сестре немножко заработать?

— Сто долларов — это «немножко»? — еще больше заволаговалась очередь. — Ну и аппетиты у этих «служителей закона»! Сто долларов — это, оказывается, «немножко»!

Сверкая глазами от ярости, сотрудница таможни шлепнула печать в мой паспорт и махнула рукой в сторону выхода:

— Иди!

Растерявшись от всего этого шума, я склонил голову в легком поклоне и произнес, старательно выговаривая слова:

— Thank you very much!

Очередь замерла на пару секунд, а затем разразилась смехом и возгласами:

— Вот как он не говорит по-английски!

— Так он все понимал!

— Ну и хитрецы эти белые!

Смутившись еще больше, я втянул голову в плечи и зашагал к выходу.

* * *

На улице меня встретило ослепительное солнце и полторы сотни африканцев стремного вида, одетых в грязные лохмотья и резиновые шлепанцы. При моем появлении толпа пришла в движение и закричала десятками голосов:

— Эй, сэр, где твой багаж?

— Я понесу твои чемоданы!

— Начальник, тебе нужно такси?

Я замедлил шаг. Рвущихся вперед оборванцев с трудом сдерживала шеренга чернокожих солдат в касках с логотипом ООН.

Один из них повернулся ко мне:

— Сэр, кто вас встречает?

Я не ответил, продолжая шарить глазами по движущейся человеческой массе. Возможно, кто-то из них меня и встречал, но кто именно? Я уже думал было вернуться в таможенный барак и отсидеться там, пока эта банда не рассосется, когда из толпы вынырнул бритый наголо африканец с листом бумаги в руках, на котором большими буквами было написано: «Eugeniу, Moscow».

Он закричал хриплым голосом:

— Игини? Ты — Игини из Москвы? Я — Омар!

Я обрадовано шагнул вперед и протянул ему ладонь, чтобы поздороваться; вместо этого он крепко ухватил меня за запястье и потащил через толпу, расталкивая всех на своем пути и злобно ругаясь. Я шел вперед, ощущая, как меня одновременно хватают десятки рук... «Хорошо еще, что у меня в карманах ничего нет,— подумал я, сжимая паспорт в кулаке.— А то наверняка все стащили бы».

Кое-как мы пробрались к потрепанному желтому такси. На капоте сидел смуглый белый парень примерно моего возраста. У него было плотное телосложение, прыщавое лицо и торчащий кверху чубчик. Он был одет в тесные джинсы с заниженной талией и обтягивающую майку, в зазоре между ними весомо покачивалась жировая складка на животе.

Запахнув нас обоих внутрь машины, Омар захлопнул дверь и скомандовал водителю:

— Ле го!

Машина медленно тронулась с места, понемногу набирая скорость. Попрошайки не отставали; они засовывали руки в окна и тараторили наперебой:

— Начальник, дай мне доллар на холодную воду!

— Ты ведь мой друг, да? Подвези меня до города!

— Сэр, дай сигарету!

Один из них запрыгнул на багажник, распевая какую-то залихватскую песню и жестами приглашая остальных последовать его примеру. Водитель ругнулся, резко кру-

танул руль и торжествующе расхохотался, увидев в зеркале заднего вида, как смельчак грохнулся в канаву на обочине. Такси затарахтело прочь, оставляя за собой клубы густого черного дыма.

Никогда еще мне не случалось ездить на такой дряхлой машине! Она скрипела, скрежетала и дребезжала, как телега, груженная ржавыми гвоздями, угрожая в любой момент развалиться на части прямо на дороге. Обшивка в салоне практически отсутствовала. Боковые стекла — там, где они были, — были подперты деревянными колышками, не дававшими им провалиться вглубь двери. Правая задняя дверь, рядом с которой сидел Омар, не закрывалась вовсе, и ему приходилось придерживать ее рукой за оконный проем. Словом, машина выглядела так, как будто ее угнали с пункта сбора металлолома после того, как ее уже начали разбирать на части, удаляя все лишние элементы. Картину концептуально дополняла странная музыка, доносившаяся из хрипящих динамиков; она состояла главным образом из частых барабанных ударов и истошных выкриков. Таксист качал головой в такт и подпевал на незнакомом мне языке.

— Сколько лет твоей машине? — спросил я у водителя, разглядывая служивший мне сиденьем кусок грязного поролона.

— О?! Да о ма на! — добродушно ответил таксист и ласково похлопал рукой по приборной панели, где поблескивала на солнце наклейка с надписью «Иисус — мой друг».

— Что? — переспросил я.

— А сэ, да о ма на!

Так ничего и не поняв, я осторожно откинулся назад и смахнул ладонью с лица струйки пота. В машине было жарко, как в раскаленной парной. Рядом со мной неподвижно сидел Омар; его глаза смотрели в разные стороны, что придавало ему довольно зловещий вид. Белый покачивался на переднем сиденье, закрывая от ветра огонек зажигалки. Выдохнув дым в окно, он протянул мне руку через плечо и сказал высоким юношеским голосом:

— Гена.

Я взял его ладонь в свою и слегка потряс; она была мягкая, прохладная и влажная, как медуза или кусок сырого мяса.

— Наши машины сейчас ремонтируются, поэтому пришлось взять такси, — не поворачиваясь, негромко проговорил Гена. — А так вообще у нас два джипа. Оба — четыре на четыре. Отсюда до Монровии где-то час ехать...

Он говорил медленно, делая длинные паузы между фразами; казалось, порой ему трудно было подыскивать нужные слова. Омар загадочно улыбался и кивал головой — как будто соглашаясь с тем, что говорил Гена.

— Ты в Минске живешь? — продолжал говорить Гена. — Я в шесть лет с родителями уехал из Беларуси в Израиль. Я — учредитель и акционер компании. Здесь еще есть директор, Шимон, но он сегодня поздно будет, так что ты, скорее всего, только завтра с ним познакомишься. Он родился в Израиле, русского совсем не знает — только иврит и английский. Ну, еще итальянский матерный.

А я за месяц, что здесь нахожусь, почти разучился говорить по-русски... Кстати, тебе черные девушки нравятся?

Я пожал плечами, отрешенно глядя в окно. Плоская местность, сколько хватало взгляда, была покрыта одинокими пальмами и редкими низкорослыми кустами. Порой вдоль дороги встречались кривые приземистые лачуги, сооруженные из стеблей бамбука и пальмовых листьев.

Солнце постепенно склонялось к горизонту, но вокруг по-прежнему было светло. А потом вдруг быстро, минут за пятнадцать, стало темно, и мир окутала непроглядная тьма.

* * *

Мы въехали в Монровию около семи часов вечера. Столица Либерии была покрыта мраком. Электрическое освещение на улицах отсутствовало. Дорога стала настолько плохой, что водитель сбавил скорость до двадцати километров в час и ехал зигзагами, огибая колдобины и ямы, в которые то и дело норовила провалиться машина.

По обеим сторонам дороги тянулись лачуги, кое-как собранные из подручного материала: обгорелые доски, палки, куски картона и брезента образовывали ненадежные конструкции, которые, казалось, могли в любой момент повалиться набок. Кое-где за ними виднелись скелеты домов из бетона или крупного серого кирпича, с пустыми отверстиями вместо окон и дверей, с обвалившимися крышами и дырами в стенах.

Монровия была погружена во мрак, но в этом мраке кипела жизнь. Мужчины общались друг с другом, хрипло

крича и размахивая руками; женщины разводили огонь под котлами и что-то толкли в высоких деревянных ступах; группки голых детей перебежали через дорогу, не обращая ни малейшего внимания на приближавшиеся машины. На обочинах шла бойкая торговля: почти возле каждой лачуги стояли лотки, на которых были разложены нехитрые товары: мыло, спички, сигареты, печенье, сахар, свечи; продавцами были женщины или дети. Повсюду что-то шипело на маленьких жаровнях, из кассетных магнитофонов и радиоприемников хрипела музыка, люди жгли костры и что-то пили из пластмассовых бутылок, танцевали и горланили песни.

Машин на дороге было немного; в основном попадались такие же желтые такси, как и наше, в столь же жутком состоянии. Видимо, счастливики, которым удалось стать владельцами автомобиля, сразу же красили его в желтый цвет и отправлялись зарабатывать деньги извозом. Вокруг тархтели десятки мотоциклов, лихо обгоняя неповоротливые машины; на каждом из них сидело по два-три человека.

На дороге царил хаос, замедлявший и без того небыстрое движение. Не было ничего похожего на дорожные знаки или разметку. Темные фигуры беспечно ходили по проезжей части, не обращая внимания на движущиеся мотоциклы и машины, которые непрерывно сигналили, оглашая окрестности сплошным разноголосым воем. Увидев на встречном транспортном средстве знакомое лицо, водители останавливались прямо посередине дороги и завязывали друг с другом оживленную беседу.

Отсутствующее электрическое освещение заменяли импровизированные светильники, сооруженные из пластмассовых бутылок с обрезанным верхом; внутрь был засыпан песок, из которого торчали горящие свечи. Кое-где попадались керосиновые лампы. Лишь несколько больших зданий, окруженных высокими бетонными заборами с колючей проволокой, было освещено электрическим светом; оттуда доносилось мощное рычание дизельных генераторов, перекрывая даже несущуюся отовсюду музыку.

Я ошеломленно смотрел вокруг — на это загадочное, манящее к себе праздничное буйство живых красок, извергающееся на десятки метров вверх и хлещущее во все стороны огненными струями под покровом теплого, влажного одеяла тропической ночи. Мозг отказывался понимать увиденное, и я все глубже погружался в тупое заторможенное состояние.

* * *

Наконец, такси съехало с главной улицы, несколько раз повернуло и остановилось у коричневых железных ворот. Из-за высокого бетонного забора с протянутой по верху колючей проволокой выглядывало одноэтажное здание. Фары выхватили из темноты девушек в коротких юбках, которые сидели на корточках неподалеку и внимательно наблюдали за нами.

Таксист сигналил минут пять, но ворота никто не открывал. Чертыхаясь, Омар поднял с дороги камень, забрался на капот такси, прицелился и изо всех сил швырнул его за забор. Оттуда послышался возмущенный

возглас; заспанный охранник распахнул ворота, и машина въехала во двор.

Выйдя из машины, Гена протянул таксисту мятую пятидесятидолларовую бумажку; тот поклонился и благодарно прижал ее ко лбу:

— Спасибо, начальник! В любое время, окей?

Пройдя мимо большой деревянной клетки с двумя мартышками внутри и бетонной будки с генератором, оглушительно рычащим и выпускавшим в горячий воздух клубы серого дыма, мы вошли в дом. Здесь работали кондиционеры! Я с наслаждением вдохнул прохладный воздух и ощутил, что мозг снова начинает работать.

Я огляделся вокруг. Извилистые бетонные стены были кое-как замазаны голубой краской, а дверные и оконные проемы были настолько кривыми, что двери и окна закрывались не полностью, оставляя внешнему миру широкие щели. Кажется, примерно так должен был бы выглядеть изнутри домик Винни-Пуха. Впрочем, возможно, по местным меркам это был почти дворец.

Мне предназначалась небольшая квадратная комната с высоким потолком, обставленная плетеной мебелью; платяной шкаф, широкая кровать, стулья и тумбочка образовывали единый ансамбль в этническом стиле. Над окном гудел кондиционер.

— Знаешь, для чего это? — спросил Гена, показывая на стоявшую на тумбочке коробку с влажными салфетками.

Я пожал плечами.

— Стирать сперму с черных девушек, — пояснил Гена после многозначительной паузы.

Я понимающе хмыкнул.

— Пульт от кондера — вот здесь, ванная — вон там, полотенце — в шкафу. Слушай, ты с дороги не сильно устал? Может, в ночной клуб съездим?

— Разве здесь есть ночные клубы?

— Есть-есть. Только там всякое старье крутят. То, что здесь сейчас слушают, в Тель-Авиве уже отыграло полтора-два года назад.

— Это мне как раз-таки без разницы. Проблема в другом... У меня денег нет.

— Сегодня фирма за тебя платит, — великодушно махнул рукой Гена. — Сейчас я тебе местную симку принесу. У тебя мобильник с собой?

— Нет... В спешке улетал, не успел ничего взять.

— Ладно, я тебе свой отдам, — сказал Гена, выходя из комнаты. — Стоимость телефона вычтем из зарплаты.

Вернувшись через минуту, Гена бросил на кровать маленькую черную «Моторолу».

— Только здесь связь очень хреновая. В доме сеть почти не ловится. Так что звонить лучше на улице и особо при этом не прогуливаться. Поймал волну — стой на месте... Ну ладно, отдохни пока. Скоро механик пригонит нашу машину, тогда и поедем.

Я вставил симку в телефон и вскоре увидел на загоревшемся экране надпись «LiberCell».

«Жизнь налаживается», — подумал я и завалился с ногами на кровать.

Глава 3

Несколько часов спустя я сидел на плетеном диване в гостиной, жевал бутерброд с ветчиной и сыром и наблюдал за Геной, который прогуливался туда-сюда с голым торсом, примерял рубашки и начесывал торчавший кверху чубчик.

— Видел девушек у ворот? Это они меня ждут. Все время там сидят,— говорил Гена, глядя на себя в зеркало с самодовольной улыбкой.— Мы работаем много, работаем тяжело, но и отдыхаем тоже хорошо. В Израиле так считается: чтобы хорошо работать, нужно хорошо отдыхать...

В первом часу ночи мы вышли на улицу и сели в стоявший во дворе черный джип. Гена первым делом закурил сигарету и попытался включить кондиционер, но тот не подавал признаков жизни.

— Этим механикам руки надо поотрывать! — воскликнул Гена, стукнув кулаком по приборной панели. — Уже два раза все запчасти в машине поменяли на новые, а кондер все равно не работает!

Опустив стекла и открыв люк, Гена засунул диск в CD-плеер и выкрутил ручку громкости до предела. Из динамиков раздался оглушительный клубный музон, и мы выехали за услужливо открытые сонным охранником ворота, оглашая окрестности оргазмическими девичьими стонами и хриплым мужским речитативом «I want to fuck you here, I want to fuck you now».

— Новейшая продукция израильских диджеев, — проорал Гена мне в ухо. — Этот трек даже в Израиле еще официально не вышел!

Монровия к этому времени погрузилась в глубокий сон. Улицы либерийской столицы были совершенно темными и пустыми. Фары на мгновение выхватывали из темноты мертвые картинки: неподвижные очертания домов, одинокие черные столбы, горы мусора на обочинах. Ни свечей в пластмассовых бутылках, ни уличных продавцов, ни прохожих... Никаких признаков жизни!

«Может быть, пока мы сидели дома, правительство Либерии получило известие о готовящемся ядерном ударе или каком-нибудь смертельном вирусе и оперативно провело тотальную эвакуацию горожан?» — пришла мне в голову апокалипсическая догадка.

Гена вел машину так, как будто участвовал в соревнованиях по стритрейсингу: то вдавливал педаль газа до самого пола, с разгону ныряя в ямы на дороге и резво

выпрыгивая из них, то, разогнавшись, вдруг до предела выжимал тормоз на поворотах, вызывая громкий жалобный скрежет тормозных колодок.

— Мы что, опаздываем? — спросил я, перекрикивая музыку.

В ответ Гена самодовольно усмехнулся и так резко крутанул руль, что я чуть не свалился с сиденья.

«Вот гондон!» — пробормотал я, высунув голову в окно.

После двадцати минут острых ощущений мы наконец подъехали к двухэтажному зданию с неоновой вывеской «Pepperbush Night Club», светившейся в ночи разноцветными движущимися огоньками. В глубине клуба пульсировала громкая музыка, пускающая мощные басовые корни глубоко во влажную землю. У входа тусовалось полторы сотни африканцев, одетых в грязные лохмотья и резиновые шлепанцы.

— Слушай, Гена, — сказал я с тревогой. — Может, ну его на хуй? Поехали отсюда!

— Да не волнуйся ты! — отмахнулся Гена. — Выпьем по коктейлю и домой. Я знаю, что делаю.

Не успел я захлопнуть за собой дверь, как толпа дружно загудела и двинулась в нашу сторону.

— Начальник, не волнуйся, я присмотрю за твоей машиной!

— Пойдем со мной, у меня есть для вас первоклассные девчонки!

— Эй, друг, дай сигарету!

Гена, не говоря ни слова, нагнул голову вперед и попер сквозь толпу, как танк через кусты, давя своим груз-

ным телом все живое на своем пути и оставляя за собой метровый коридор свободного пространства. Я зашагал вслед за ним, крепко сжимая в руке мобильник.

Окружавшие меня оборванцы все как один были низкорослыми и худыми, с искаженными злыми лицами, от них разило потом и еще какой-то дрянью. Я сознавал, что их сделали такими жизненные обстоятельства, за которые они не несли ответственности, понимал, что ими двигали голод, болезни и нужда. Но сейчас я не мог воспринимать их как таких же человеческих существ, как я; в моих глазах они были ватагой жутких зомби из старого фильма ужасов, жаждущих моей плоти и крови. Руководимый голым инстинктом самосохранения, я в одно мгновение потерял привычную маску цивилизованного человека и с отвращением отпихивал от себя щуплых попрошайек, готовый покалечить любого, кто попытался бы меня остановить.

У самого входа в клуб на мое правое плечо легла женская рука с длинными ярко-красными ногтями. Повернув голову влево, я увидел африканку в белокуром парике, которая обворожительно улыбалась мне, сверкая двумя рядами крупных белоснежных зубов.

— Эй, ребята, я с вами! — громко сказала она, заговорщицки мне подмигивая.

Я и рта не успел раскрыть, как сидевший у входа охранник, качок с мощными плечами и здоровенными бицепсами, бесцеремонно развернул девушку в обратную сторону и дал ей крепкого пинка под зад. Неуклюже спрыгнув с лестницы и еле удержавшись при этом

на ногах, бедолага повернулась к охраннику и стала осыпать его руганью, яростно тараща глаза и размахивая кулаками; толпа сопровождала ее крики дружным хохотом и подбадривающими возгласами, а охранник невозмутимо уселся на свое место, глядя на бесновавшуюся девушку с выражением полнейшего безразличия на лице.

* * *

Вход стоил десять долларов с человека.

«Для большинства местного населения десять долларов — это довольно крупная сумма. Наверно, здесь тусуется только бомонд», — подумал я.

Пересчитав деньги, охранник кивнул и распахнул перед нами дверь.

Клуб представлял собой отделанное темным деревом помещение с высоким потолком. В прохладном полумраке гремела оглушительная музыка. В воздухе вращался большой диско-шар, отбрасывая во все стороны сотни ярких лучей. Это было красиво! Но то, что я увидел под диско-шаром, на танцполе, сразило меня наповал — особенно на фоне безобразных событий последних дней.

Я словно очутился в призрачном царстве теней и бликов... Я застыл на месте, чувствуя, как все быстрее стучит сердце в груди и как шевелятся волосы на голове. Перед мной извивались в диком чувственном танце полтора десятка изящных тонких фигурок, как будто вырезанных из черного дерева. Девушки были одеты в короткие полупрозрачные туники, которые едва прикрывали плавные

изгибы упругих мышц, ходящих волнами под атласной кожей. словно жрицы древнего культа, взывающие всем своим естеством к всемогущему космосу, они без остатка растворялись в танце, упиваясь своей красотой и сокровенным знанием тайн природы. Окружающего мира для них не существовало, и им ничего в нем не было нужно — они хотели лишь следить за своими танцующими отражениями в огромных зеркалах. Они звали меня в далекую первобытную галактику, где реальность состояла из прихотливых переплетений языков, дрожания влажных губ и неистового освобождения.

Арену этого доисторического амфитеатра, раскаленную докрасна обжигающими касаниями танцующих ступней, окружали трибуны с замороженными зрителями, жадно следившими за каждым жестом темнокожих богинь. Эта зона была отделена от танцпола массивными деревянными барьерами — нужными, скорее всего, для того, чтобы защитить танцовщиц от внезапных вспышек непреодолимого вожделения, которое порой охватывало распаленных наблюдателей.

Тем временем людей в клубе становилось все больше. Кое-где в полумраке мелькали и белые лица — чаще всего немолодые и, как правило, в сопровождении темнокожих спутниц. Я смотрел на этих бледнолицых патриархов с уважением и завистью: ведь они прибыли в этот сказочный первобытный мир гораздо раньше меня; вероятно, это были искатели приключений, авантюристы, о которых раньше мне случалось лишь читать в книгах, — повидавшие мир, изборожденные морщинами познания

и давным-давно, еще до большого взрыва, ставшие резидентами этой пульсирующей вселенной.

«Надо же! Нищая, разоренная войной страна, а людям все равно зачем-то нужны музыка, танец, красота», — удовлетворенно подумал я.

В воздухе стоял тот самый насыщенный густой запах, который я впервые почувствовал, когда спускался по трапу самолета несколькими часами ранее. Казалось, этот запах здесь был повсюду. «Наверное это какая-то вездесущая чудо-бактерия», — подумал я, делая очередной глубокий вдох. Во влажном полумраке клуба этот насыщенный аромат казался каким-то особенно волнующим и манящим.

Взяв в баре напитки, мы поднялись по деревянной лестнице на второй ярус. Гена стал прогуливаться из стороны в сторону со стаканом виски в руке и разглядывать темнокожих девушек, расположившихся на низких диванчиках. Я же, облокотившись на деревянный парапет и отхлебывая прохладную «отвертку», стал наблюдать за завораживающим действием на танцполе, у которого, казалось, не было ни начала, ни конца. У меня как-то незаметно возникло необычайно хорошее настроение. От ощущения «невыносимой легкости бытия» к горлу подступил горячий комок, и мир поплыл перед моими глазами... В этот момент я почувствовал легкое прикосновение к своей руке.

Повернувшись, я увидел миниатюрную африканку. У нее была тонкая, изящная фигура; черты ее лица тонули в полумраке. Она что-то пыталась мне сказать, но из-за гремя-

щей музыки я ничего не мог понять. Она жестами предложила отойти в сторону, я согласно кивнул. Она взяла меня за руку и повела за собой. Мы повернули за угол, шагнули в раскрытую настежь дверь и оказались в уборной.

Незнакомка прижала меня к стене и что-то тихо и хрипло прошептала, глядя мне прямо в глаза. Ее лицо, освещаемое мигающими отблесками неоновых огней, приблизилось к моему, ее губы плавно и беззвучно шевелились, глаза таинственно блестели в полумраке, а пальцы сжимали мой член сквозь джинсы.

Держа в руке стакан с дрожащей в нем «отверткой», я стоял у стены с раскрытым ртом, тщетно пытался вдохнуть и чувствовал, как мой член стремительно и неудержимо твердеет и увеличивается в размерах. Судорожно сглотнув, я положил девушке руку на плечо, еще не решив, что именно я собирался сделать — оттолкнуть ее, прижать к себе или просто опереться на нее, чтобы не упасть на пол в эпилептическом припадке.

Девушка восприняла мой отчаянный жест как сигнал к действию и без дальнейших разговоров затащила меня в кабинку туалета. Закрыв дверь на защелку, она опустилась на колени и стала расстегивать мне ширинку.

Тут я как будто взглянул на себя со стороны... Вокруг были грязные стены, исписанные англоязычной матерщиной; унитаз был перепачкан дерьмом и издавал соответствующий запах; девушка при тусклом свете лампочки, которая висела прямо над нами, подрагивая в такт пульсировавшей музыке, напоминала маленькую зубастую обезьянку с бананом во рту.

Вот он я, поэт и мечтатель, в вонючем загаженном туалете африканского ночного клуба, с готовностью вываливший наружу свой член, чтобы засунуть его в рот какой-то тощей африканке, которую я вижу впервые в жизни. Я вздрогнул, подался назад и стал торопливо застегивать ширинку.

— Что случилось, дорогой? — удивленно подняла брови девушка, тщательно артикулируя каждый слог, будто разговаривая с ребенком.

— Все в порядке... — смущенно пробормотал я, пытаясь обогнуть ее, чтобы выйти из кабинки. — Я просто... не хочу. Извини, это была ошибка...

— Ничего страшного, — великодушно махнула рукой девушка, вставая на ноги и преграждая мне дорогу. — Давай пятьдесят долларов.

— Пятьдесят долларов? — тупо повторил я. — Я не понимаю...

— Мне нужны деньги, чтобы заплатить за школу.

— Школу?

— Отдай мне мои деньги, — настойчиво произнесла она, повышая голос.

— Но у меня нет денег, — недоуменно сказал я, отказываясь верить в реальность происходящего.

— Ты пришел в ночной клуб без денег? — недоверчиво усмехнулась она.

— Ну да.

— А как ты купил входной билет? И свой коктейль?

— Друг за меня заплатил, — честно ответил я.

— Ладно, давай сюда мобильник и иди к другу за деньгами. Я здесь подожду.

— Не дам я тебе свой телефон! — возмутился я.

Отдать ей корпоративный мобильник, который я получил каких-то полтора часа назад и который на данный момент являлся чуть ли не единственным моим достоянием? Эта идея вызвала у меня искреннее негодование.

— Ну, тогда оставь мне свои кроссовки, — сказала она.

— Что? — разозлился я. — Ты с ума сошла?

Сверкнув глазами, девушкахватила стакан из моей руки, картинным жестом вылила его содержимое в унитаз и прошипела:

— Я сейчас разобью этот стакан, изрежу себя и скажу, что ты меня изнасиловал! В тюрьму сядешь, урод!

В этот момент в уборную вошел какой-то мужик и принялся дергать дверную ручку нашей кабинки, хрипло крича:

— Эй, что у вас там происходит? Я сейчас дверь вышибу!

Пристально глядя на меня, девушка громко сказала:

— Все в порядке! Сами разберемся!

— Выходите оттуда! Или я сам к вам войду. Даю вам две минуты! — угрожающе прорычал мужик и удалился, увесисто стуча каблуками по кафельному полу.

— Послушай! То, что ты сейчас делаешь, — это очень-очень плохо, — тихо сказал я, глядя девушке прямо в глаза и пытаясь вложить в эту фразу то, какое мучительное сожаление я испытывал по поводу ее постыдного поведения. В этот момент я напомнил себе проповедника, убеждающего закоренелого грешника в том, что ему нужно немедленно изменить свою жизнь, если он не хочет попасть прямиком в ад.

В ответ девушка лишь снисходительно усмехнулась — как взрослый при виде несмышленного ребенка, который в очередной раз сказанул какую-то забавную нелепицу.

— Ладно, пойдем вместе искать твоего друга, — сказала она после непродолжительной паузы. — Только без шуток!

Мы вышли из уборной и двинулись на поиски Гены. Девушка цепко держалась за мой локоть обеими руками. Мне казалось, что встречные африканцы при виде нас понимающе ухмылялись.

Гена стоял у бара в ожидании, пока ему нальют очередное виски со льдом. Увидев нас, он все понял без объяснений.

— Сколько хочет? — спросил он, нагнувшись ко мне.

— Пятьдесят.

Кивнув, он достал из кармана деньги и протянул девушке. Пересчитав купюры, она дружелюбно хлопнула меня по груди и неторопливо зашагала прочь, высоко подняв голову и с достоинством виляя бедрами.

Я пытался что-то сказать в свое оправдание, но Гена меня перебил:

— Скажи спасибо, что она не попросила двести. Все равно пришлось бы заплатить.

— Понятно, — сказал я. — Но все-таки запиши это на мой счет, окей?

— Да ладно, будем считать, что это часть наших общих расходов на отдых, — сказал Гена, покачиваясь из стороны в сторону. — У тебя что, совсем денег нет? Давай я тебе дам сто долларов, чтобы у тебя свои были. Но только это уже будет из зарплаты, конечно.

Я положил мятую сотенную купюру в карман рубашки и сел на диван. Напротив устроились Гена и худая выскокая африканка, с которой он познакомился за время моего отсутствия. Помахав официантке, Гена заказал нам всем по виски со льдом.

— Сама прибилась,— прокричал Гена мне на ухо.— Прикинь, она говорит, что ее зовут Фанта! Хорошо хоть не Кока-Кола.

Итак, моей первой работой в Либерии стал перевод беседы Гены и Фанты.

Отхлебнув виски из стакана, Гена кричал мне на ухо:

— Скажи ей, что я самый модный музыкальный продюсер в Израиле.

Девушка кивала и загадочно улыбалась.

— Скажи ей, что здесь играет старая музыка,— продолжал кричать мне на ухо Гена.— У нас в Тель-Авиве эти песни уже отзвучали полтора года назад! Переведи, что я ей запишу диск с самыми новыми песнями, которые здесь еще никто не слышал.

Девушка кивала и загадочно улыбалась.

— Переведи ей,— кричал Гена,— что я учился танцевать в самом лучшем шоу-балете мира, «Тодес» называется. Когда я выхожу на танцпол, вокруг меня сразу собираются все девушки в клубе, и возникают проблемы с их парнями. Поэтому обычно я не танцую на дискотеках.

Девушка продолжала загадочно улыбаться и кивать.

— Скажи ей, что я хочу иметь постоянные отношения, а не на одну ночь,— прокричал Гена и уточнил для меня:— Это я специально ей так говорю, чтобы не борзела.

На этот раз Фанта наконец нарушила молчание и сказала с обворожительной улыбкой:

— Я — домашняя девочка. Живу со своими родителями, хожу в школу. Сюда я в первый раз пришла, со своей подругой. У нее сегодня день рождения.

Пригубив виски, она брезгливо поморщилась и поставила стакан на стол. Длинные худые пальцы на длинных худых руках заканчивались длинными блестящими накладными ногтями. Полные алые губы казались огромными на темном вытянутом лице со впалыми щеками. В ушах покачивались гигантские круглые кольца.

После этих слов Фанты в разговоре наступила пауза. Темнокожая девушка сидела, облокотившись на стол и выставив в сторону бедро, и покачивала в воздухе сандалией, которая болталась на большом пальце ее ноги и, казалось, в любой момент могла свалиться на пол. Фанта со скучающим видом скользила взглядом по залу и, казалось, была не слишком впечатлена своим кавалером. Гена выдыхал сигаретный дым через ноздри, отпивая виски из стакана большими глотками и пристально, с головы до ног, разглядывая длинноногую красавицу. По его полному лицу стекали капельки пота.

Расправившись с виски, Гена решительно встал, взял Фанту за плечо и громко сказал ей на чистом английском языке:

— Let's go! Dance!

Фанта кивнула, и они зашагали вниз по деревянной лестнице. Гена шел, качаясь из стороны в сторону; одной рукой он по-хозяйски обнимал Фанту за плечо, а во вто-

рой держал дымящуюся сигарету. Прямо передо мной на столе лежали зажигалка и пачка сигарет... Вообще-то, в своей новой жизни я хотел бросить курить; тем более, что я с детства страдал от астмы, а никаких лекарств на случай приступа у меня с собой не было. Но только в этой новой жизни я отчего-то не чувствовал себя хоть сколько-нибудь новым. Я вытащил из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой и жадно затянулся. И вот я идею здесь, вдыхая и выдыхая сигаретный дым, неживой и неподвижный — как бессмысленная деревянная колода, лишенная мыслей и чувств, — и тупо смотрел по сторонам.

Происходящее в клубе напоминало уродливое цирковое представление из абсурдного, страшного сна. Тупая животная музыка играла так громко, что колонки хрипели и кашляли, вдавливая мощные басы прямо в спинной мозг. В сыром прокуренном полумраке скользко вибрировала и извивалась густой черной плотью бессмысленная человеческая масса. На арене цирка, под нелепым, облепленным стекляшками шаром, старательно вращали задами несколько десятков африканок в коротких платьицах, едва прикрывавших их тощие тела. Виляя бедрами, девушки похотливо прижимались друг к другу с плотоядными улыбками на лицах, самодовольно разглядывая свои отражения в зеркалах. Основным танцевальным органом у них были ягодицы; остальные части тела играли вспомогательную роль. Нагнувшись и оттопырив попы в сторону зрителей, девушки изо всех сил трясли и мотали ими из стороны в сторону. Еще одна разновид-

ность танца состояла в том, чтобы, стоя совершенно прямо, мелко сотрясаться туловищем: в этом случае дрожали и колыхались груди. В этом танце была только животная, сучья похоть, и больше ничего. Но самое мерзкое заключалось в том, что и эта животная похоть была неискренней, наигранной, ненастоящей, формальной... Они будто неумело имитировали поведение порноактеров, которые в свою очередь неумело имитировали поведение людей во время страстного секса; фальшь на танцполе была двойной, и это жалкое подобие подобия выглядело ни разу не сексуально и просто отвратительно.

Остальное пространство клуба было отделено от танцпола массивным деревянным барьером — скорее всего для того, чтобы оградить посетителей от возможного внезапного нападения кровожадных оборотней-танцовщиц. Здесь было душно и суетливо; мигающие неоновые огни выхватывали из полумрака нечеткие фигуры; они яростно жестикулировали и кричали друг другу на ухо, создавая непрерывный гул голосов.

В клуб входили все новые и новые люди, и внутри становилось очень тесно. Сесть было негде, и посетители со стаканами в руках топтались у барной стойки или дымили сигаретами у танцпола, оценивающе разглядывая танцующих девушек. Среди посетителей кое-где виднелись и белые лица — почти все немолодые, обрюзгшие, с морщинистыми, порочными лицами и в сопровождении черных спутниц. «Удивительное дело: нищая, разоренная войной страна, а в дорогом ночном клубе яблоку негде упасть», — подумал я.

В кадре появился Гена; он бесцеремонно тащил за собой Фанту, как пастух непослушную козу. Попыхивая дымящейся сигаретой, он беспечно ломился через толпу на танцполе, как слон сквозь молодой кустарник, наступая на ноги и бесцеремонно расталкивая танцующих.

Выйдя на центр танцпола, Гена остановился, поднял руки вверх (при этом из-под задравшейся майки выглянуло внушительное пузо) и начал выписывать бедрами замысловатые фигуры. Фанта смотрела на него, растерянно открыв рот. Африканцы показывали на Гену пальцами и снимали видео на своих мобильных. А Гена самозабвенно продолжал демонстрировать свои хореографические изобретения: то обнимал себя обеими руками, то драматично раскидывал их в стороны, то гладил себя пальцами по лицу, а с финальным аккордом зажигательной африканской песни грохнулся перед Фантой на колено, театрально протянув ей ладонь, как влюбленный рыцарь.

Минуту спустя Гена кричал мне на ухо, издавая запах перегара и пота:

— Скажи ей, что в Тель-Авиве я считаюсь лучшим танцором города... Да я знаю, что уже это говорил... Ничего, скажи еще раз... Эти дуры — они все тупые, как овцы, им надо все по пять раз повторять... Переведи, что я учился танцевать в лучшем шоу-балете мира, просто обычно я стараюсь этого не показывать...

«Не шляпа красит человека, а человек шляпу, — говорил я себе. — То же самое можно сказать и про работу. Тебе светят хорошие деньги. Тем более, выбора у тебя все равно нет. Делай, что говорят, и не выебывайся».

Однако же я по-прежнему не мог отделаться от ощущения, что мне приходится копать в чужом дерьме... Что я уже залез в него по локоть... Что я погружаюсь в него все глубже и глубже, по самую макушку...

«Ладно тебе, бывают работы намного хуже этой,— продолжал я убеждать себя.— Например, у этих проституток на танцполе, которые из всех сил стараются создать иллюзию красоты и волшебства в надежде, что их ягодицы заинтересуют какого-нибудь пожилого американца».

* * *

Было около трех часов ночи, когда, опустошенный и злой, я толкнул входную дверь клуба и вышел на улицу. Когда дверь захлопнулась за моей спиной, я с удовольствием отметил, что этот бесконечный, бессмысленный, мучительный музыкальный паралич, состоявший из стандартных ритмических обрубков, наконец-то стал на порядок тише, и я даже был в состоянии услышать собственный голос, произносивший все известные мне матерные выражения в русском и английском языках.

Несмотря на столь поздний час, воздух снаружи был по-прежнему горячим, влажным и ощутимо тяжелым. Надо мной переливалась разноцветными огнями неоновая вывеска. Окружающий мир, сколько хватало взгляда, был погружен в темноту. Я на пару секунд застрял на крыльце, пытаюсь вспомнить, в какой стороне стояла машина, и еле устоял на ногах, когда из клуба наружу вывалились Гена и Фанта, обнимаясь и хохоча.

Сойдя с крыльца, мы оказались в почти полной темноте.

Не успели мы пройти и нескольких шагов, как нас облепила галдящая толпа:

— Начальник, мы все это время сторожили твою машину! Что ты нам за это дашь?

— Друг, у меня для тебя кое-что есть, смотри сюда!

— Эй, мистер белый, где ты подцепил эту африканскую курицу?

Мы медленно пробирались сквозь сплошной человеческий кустарник из грязных, липких, вонючих худых тел. Нас хватали за руки, махали ладонями перед лицом, преграждали дорогу. Фанте доставалось побольше нашего: ее хватали за ягодицы, щипали за грудь и дергали за волосы, сопровождая все это грязными шутками. Девушка яростно отбивалась, раздавая оплеухи и осыпая оборванцев грязной руганью.

То, как нас встречали у клуба пару часов назад, было ерундой по сравнению с этим кошмаром. Тогда мы были кинозвездами, прибывшими на церемонию вручения «Оскаров»: мы шли по ковровой дорожке под вспышками фотокамер, и к нам любой ценой хотели прикоснуться навязчивые поклонники. Теперь, когда мы собрались уезжать домой и эти несколько моментов по пути от дверей клуба до машины для местной шпаны были последним шансом что-то от нас урвать, мы превратились в серийных убийц, которых, сразу же после объявления обвинительного приговора, вывели из здания суда к бесновавшейся толпе, пылавшей от праведного гнева и стремившейся предать нас мучительной смерти прямо здесь, чтобы покарать за совершенные

преступления и лишить возможности провести свои жизни в камерах пожизненного заключения за написанием мемуаров и размышлениями о неисповедимых путях Господних.

Мы уже почти дошли до машины, когда один из оборванцев внезапно протянул руку к моему сердцу, как будто намереваясь вырвать его из моей груди — как любят делать мастера кунг-фу в китайских боевиках, — но вместо этого быстрым движением засунул пальцы в нагрудный карман моей рубашки, оторвал его вместе с лежавшей там стодолларовой купюрой и растворился в толпе, плавно нырнув под ноги своих товарищей.

Все это произошло так быстро, что я пару секунд стоял с открытым ртом, пытаюсь понять, что случилось, а затем заорал и стал яростно расталкивать толпу, надрывно и хрипло матерясь. Я готов был задушить вора голыми руками, если бы смог его поймать... Но кто именно был этим вором? В темноте все оборванцы казались совершенно одинаковыми; я хватал за шиворот то одного, то другого, но никак не мог понять, кто из них совершил это варварское нападение на мой карман.

В этот момент я почувствовал постороннее шевеление в кармане джинсов; глянув вниз, я увидел свой телефон в худой черной руке, которая тут же исчезла у меня за спиной. Со свирепым ревом раненого медведя, окруженного стаей шакалов, я повернулся назад и яростно заорал:

— Кто взял мой телефон?!

Стоявшие передо мной оборванцы принялись суетливо крутить головами:

— Кто-то украл телефон начальника?

— Ты видел, кто взял телефон?

— Мистер, кто-то украл твой телефон?

— Вот он, смотри! — вдруг крикнул один из них, показывая пальцем на другого оборванца, который медленно отходил в сторону от собравшейся вокруг меня толпы. — Твой телефон у него!

— Сто-о-ой! — заорал я и, нетерпеливо расталкивая стоявших передо мной попрошаек, ринулся за воров. Тот быстро обернулся, глянул на меня краем глаза и побежал. Я рванул за ним, а вслед за мной вприпрыжку, с веселыми криками и улюлюканьем, двинулась вся толпа.

Беглец пробежал метров сто вниз по улице, а затем нырнул в узкий проход между домами. Прыгнув вслед за ним, я увидел в полумраке его спину и помчался вдогонку по узким извилистым коридорам. Все остальные преследователи почему-то сразу же отстали.

Проход между домами поворачивал то налево, то направо. С обеих сторон стояли кривые безобразные лачуги, кое-как сколоченные из фанеры, досок, кусков брезента и целлофана. Кроме меня и вора вокруг не было видно и слышно ни одной живой души. Торопливый топот наших ног отдавался гулким эхом в оглушительной тишине. Сверху, в просвете между скособоченными крышами лачуг, зловеще скалилась щербатая луна, освещающая происходящее глубоким синим светом.

Я почти догнал вора, когда тот неожиданно нырнул в выломанную в бетонной стене неровную рваную дыру. Я пригнулся и прыгнул вслед за ним — и оказался в полной темноте.

Замерев, я задержал дыхание и прислушался, но услышал только, как пульсирует кровь в моих висках.

— Эй, ты! Стой на месте! — хрипло сказал я.

Ответом мне была тишина. Я почувствовал, что холодное дыхание опасности ползет вверх по моей спине, и стал осторожно, ме-е-едленно поворачиваться назад, к выходу.

Тут сзади послышался быстрый шорох, и мне на голову с силой обрушилось что-то твердое и тяжелое.

* * *

Я пришел в себя от оглушительного звона в ушах. С трудом приоткрыв глаза, я увидел покачивавшееся надо мной черное лицо в обрамлении белокурого парика. Моя голова покоилась на коленях у той самой шустрой девушки, которая пыталась пройти в клуб вместе с нами. Мое тело было как будто ватным, голова — тяжелой, как гиря, а взгляд мне удавалось сфокусировать лишь с большим трудом.

Где я? Что происходит? Я осторожно приподнял голову и посмотрел по сторонам. Гена сидел за рулем, рядом с ним сидела его длинноногая подруга Фанта, а я лежал на заднем сиденье машины. Слабым голосом я спросил у белого парика:

— Ты кто?

— Это моя подруга, ее зовут Сусу, — ответила Фанта с переднего сиденья. — У нее сегодня день рождения.

— Тихо, тихо, малыш! — сказала Сусу, глядя меня рукой по волосам. — Плохие дяди сделали белому мальчику больно... Но все кончилось хорошо...

— Вы меня спасли? — спросил я, вспоминая, что со мной произошло.

— Тебя эти бомжи за руки-ноги принесли к нашей машине, — ответил Гена.

— Правда? Зачем? — спросил я.

— А зачем им нужен твой белый труп? — сказала Фанта. — Чтобы полиция и войска ООН устроили у них в квартале очередную облаву? Они уже получили все, что у тебя с собой было ценного: деньги, телефон, кроссовки.

Посмотрев на свои ноги, я увидел, что кроссовок на них действительно не было.

— А теперь они будут ждать, чтобы ты снова пришел, — продолжала Фанта. — Чтобы снова тебя ограбить. Глупыш, ну разве можно носить деньги в кармане?

— А где их нужно носить? — удивился я.

— В носках! — поучительно сказала Фанта. — Или в трусах. И никому нельзя показывать, что они у тебя есть. Вы, белые, такие наивные! Они же все заодно: официантки и охранники в клубе подсмотрели, что ценного у вас есть с собой, и сообщили уличным грабителям, а у них схема отработана: одни отвлекают внимание, другие воруют.

— У тебя что, тоже все украли? — спросил я у Гены.

— Не все, — хмуро ответил он. — Мои туфли на мне остались.

Мы сбились с пути, заблудившись в темных переулках, и с полчаса бестолково кружили по молчаливым серым дворам с плетеными хижинами, похожими друг на друга как две капли воды. В одном из таких дворов колеса ма-

шины намертво застряли в куче песка. Гена судорожно жал на газ, но все было впустую.

— Ебаные механики! — выругался Гена.— Полный привод не работает...

Минут десять мы впустую буксовали и тщетно пытались вытолкнуть машину из песка. Несмотря на производимый нами дикий шум, ни одна живая душа не выглянула из домиков, чтобы возмутиться или же предложить помощь.

— А где все люди? — спросил я Сусу.— Почему никто не выходит?

— Боятся! — ответила она.— Ночь — это время грабежа и убийств. А вдруг это снова повстанцы вернулись?

Делать было нечего: мы бросили машину и двинулись пешком. Вокруг стояла мертвая тишина, как будто мы шли по мертвому городу, брошенному своими мертвыми жителями.

Виллу компании «Металл Либерия» мы нашли довольно быстро; это был единственный дом в округе, где жили белые, и наши подруги знали, где его искать. Гораздо сложнее оказалось попасть внутрь: охранники снова спали беспробудным сном. Мы молотили кулаками в ворота, стучали по ним ногами... Охрану разбудили только увесистые булыжники, которые девушки, вскарабкавшись к нам на плечи, ловко швыряли поверх ворот в темный двор.

Ввалившись в свою комнату, я стащил с себя мокрую рубашку с рваной дырой на груди и безвольно рухнул на кровать.

Сусу села рядом. Помолчав с минуту, она сказала:

— Фанта говорила мне твое имя, но оно слишком сложное, и я его забыла. Так как тебя зовут?

— Евгений... — прохрипел я, уткнувшись лицом в подушку.

— Бигини, скажи, ты работаешь в ООН?

— Нет... — мысленно я предложил ей заткнуться.

— Почему? — искренне удивилась она. — Ты же белый, разве ты не можешь получить работу в ООН?

— Ладно, я попробую. Только не сегодня...

— Обязательно, попробуй! — серьезно сказала Сусу. — Завтра же. Бог тебе в помощь! Работать в ООН — очень хорошо и приятно. Большая белая машина, куча денег — и никаких обязанностей.

Она сняла блузку, оставшись в бюстгальтере и коротких шортах, легла на кровать рядом со мной и глубоко вздохнула. Перед моими глазами оказался безобразный шрам на ее левом плече, по виду совсем свежий. Он был грубо зашит нитками; сквозь дырочки понемногу сочился гной.

— Что это такое? — спросил я, поднимая голову.

— Пару дней назад, когда я шла домой после дискотеки, на меня напали хулиганы, хотели забрать телефон. Я стала убегать, меня догнали, один из них ударил меня ножом в спину.

— А кто зашивал рану?

— Сестра. У нее есть швейная игла и нитки.

Нижняя часть спины и левый бок у Сусу были покрыты сплошной елочкой из старых шрамов, коротких и толстых. Я не стал спрашивать, что это такое, потому что не хотел услышать еще одну душераздирающую историю. Чрезмерная жалостливость не раз толкала меня на необдуманные поступки. В детстве я таскал домой бездомных собачек

и котиков, будучи не в состоянии вынести их беззащитного, несчастного вида; Сусу уже начинала вызывать у меня похожие чувства... Нет, нет, нет.

— Бигини, ты точно не хочешь секса со мной? — жалобно сказала Сусу после минутного молчания. — Хочешь, я сделаю тебе маленький «сосать-сосать»?

Я посмотрел на Сусу, морщась от чудовищной головной боли.

— Нет, спасибо, — сказал я, отворачиваясь.

— Но почему? Почему? Я тебе совсем не нравлюсь? — и Сусу разрыдалась, сев на кровати и закрыв лицо руками.

Тело ее содрогалось, а по щекам текли настоящие слезы. Я никогда не мог равнодушно наблюдать за плачущими женщинами... Вот и теперь мне стало жалко эту несчастную худую девчонку с таким жутким шрамом на спине.

— Сусу, ты мне нравишься, — соврал я, пытаюсь изобразить искреннее выражение лица. — Но, видишь ли... Меня дома ждет невеста! И я не хочу ей изменять.

— Тогда я хочу просто быть твоим другом! — сказала Сусу, немного успокоившись, но все еще всхлипывая.

— Ну вот и хорошо, — сказал я. — Давай дружить. Только без секса.

Сусу кивнула, снова улеглась рядом со мной и стала рассказывать мне про свою жизнь.

В пятнадцать лет она стала встречаться с немцем, который работал в какой-то благотворительной организации. Их роман длился около года, а потом у немца закончился контракт, и он уехал домой.

К моменту нашей встречи Сусу уже лет семь искала белого принца по ночным клубам Монровии. Жизнь проститутки была нелегкой и полной опасностей. Если ей не удавалось снять клиента, то нужно было сидеть в клубе до утра, так как в темноте до дома она живой и невредимой не добралась бы — местная шпана таких, как она, не жаловала.

— У меня нет времени на черных парней, — говорила Сусу. — Они грубые и жестокие. Они бьют женщин, забирают у них деньги. Я ищу хорошего белого парня, который сделает мне ребенка и будет обо мне заботиться, присылать мне деньги из-за границы на воспитание малыша. И когда-нибудь заберет меня к себе. Наш ребенок будет белым-белым... Он будет светловолосым и голубоглазым, как его отец...

Я смотрел на Сусу слипающимися глазами, вполуха слушая ее неспешные мечтательные рассуждения. В соответствии с традициями Достоевского и Толстого нужно было с готовностью отдать ей свою последнюю рубашку. Но зачем ей моя грязная, пропитанная потом рубашка с рваной дырой у сердца? Чем я мог помочь ей и всем этим бедным изможденным людям, которые, как бабочки на свет лампы, летели в дом из темноты, будто это могло что-то изменить в их безрадостной жизни, полной унижений, нужды и страданий? Чувствуя себя последним негодяем, я постепенно погрузился в глубокий сон...

Глава 4

...который продлился часа полтора, не больше.

Меня разбудил звук голосов за дверью. С трудом приоткрыв глаза, я огляделся по сторонам. Сквозь занавески проникали утренние лучи солнца. Я был по-прежнему одет в свои джинсы с вытертыми коленями; носки и рубашка с оторванным нагрудным карманом валялись на полу. Сусу, в бюстгальтере и шортах, спала рядом со мной на кровати.

Мне срочно нужно было отлить. Я медленно встал с кровати, с ощутимым усилием сгибая непослушные конечности. Еще не до конца проснувшись, я добрых пять минут повсюду искал кроссовки — пока не вспомнил о событиях минувшей ночи.

«Скорее всего, мои вездеходы Camel Active уже гоняет один из тех вчерашних оборванцев», — подумал я.

Зевая и щурясь, я вышел из комнаты и очутился в гостиной, заполненной светом и прохладным воздухом. Там, за большим деревянным столом, увлеченно беседуя, сидели белый мужчина и пятеро африканцев. На стене громко шипел большой кондиционер.

Белому мужчине на вид было лет сорок — сорок пять. У него было квадратное лицо, смуглая кожа, черные волосы с проседью, мускулистые руки и волосатая грудь, выглядывавшая из рубашки цвета хаки. В общем, он был похож на полевого командира. Сидя во главе стола, он что-то показывал на разложенной на столе карте. Африканцы, приподнявшись со своих мест и наклонив головы, внимательно следили взглядом за его пальцем, плавно двигавшимся по возвышенностям и впадинам вечнозеленого тропического ландшафта.

Растерявшись от неожиданности, я замер на месте. Я забыл, что дверь моей комнаты выходит прямо в гостиную, а туалет находится дальше по коридору. Знакомство с новыми людьми в столь ранний час и в моем столь неприглядном виде в мои планы не входило. В мои планы входило только, как говаривал один приятель, «выплюнуть веревку» — и вернуться в комнату, чтобы все-таки как следует выспаться. Пока я раздумывал, ретироваться ли мне обратно в свои покои или попытаться незаметно прошмыгнуть мимо почтенного собрания в направлении уборной, дверь протяжно проскрипела за моей спиной и захлопнулась с непоправимо громким звуком.

Компания за столом обернулась, и все шестеро уставились на меня с неподдельным изумлением, как будто

неожиданно увидели у себя в спальне средневекового рыцаря в железных доспехах или Деда Мороза в красной шубе.

После бесконечных тридцати секунд молчаливого взаимного разглядывания белый мужчина хлопнул себя ладонью по лбу и громко воскликнул:

— Ах да! Ты, должно быть, новый переводчик Гены? Точно, ты же вчера должен был приехать! Я совсем забыл!

Я утвердительно кивнул, не двигаясь с места. Компания продолжала разглядывать меня с живым любопытством. Охваченный смущением, я принял решение вернуться в свою комнату и надеть хотя бы грязную, рваную рубашку на свой тощий, бледный, усыпанный родинками голый торс, посреди которого торчало лишь несколько рыжих волосков. Чтобы как-то обозначить свой уход, я сделал правой рукой неопределенный жест, изобразил сожаление на лице и стал плавно поворачиваться, одновременно пытаюсь нащупать левой рукой ручку двери.

— О боже, какой ты белый! — весело воскликнул мужчина в военной рубашке. — Ты используешь пудру или какую-нибудь специальную мазь для кожи?

Африканцы заулыбались, сверкая зубами. Я снова замер на месте, застигнутый врасплох этим вопросом.

— Нет, я не использую пудру, — честно ответил я. — Просто в стране, откуда я приехал, мало солнца.

— Бедный, бедный мальчик! — сочувственно покачал головой мужчина. — Зато здесь солнца слишком много. Смотри, как бы оно не сожгло тебе кожу!

— Он женится на нашей африканской сестре и останется здесь жить,— сказал Омар, который встречал меня в аэропорту накануне,— и через пять лет его кожа станет такой же, как у нас!

— Кожа белого человека никогда не станет такой, как у африканца,— авторитетно заявил его сосед по столу.— Ни через пять лет, ни через десять.

— Если его жена пойдет к колдуну, то колдун сможет сделать его кожу черной,— настаивал на своем Омар.

— Да, но только на время,— согласился его сосед.— А если он уедет из Африки, то его кожа опять станет белой.

— Бери стул и садись к столу,— сказал мужчина в военной рубашке.— Мое имя — Шимон, а как тебя зовут?

— Евгений.

— Ефгени,— повторил он довольно похоже.— Хорошо, что ты приехал. Гена не состоянии подниматься с постели к нашей ежедневной планерке. Мы собираемся здесь в семь утра, а он встает только к обеду, когда мы все уже давно разъезжаемся по заданиям. Поэтому он постоянно не в курсе того, что происходит. Я прошу тебя послушать то, о чем мы будем говорить, и пересказать Гене.

Я молча кивнул, присаживаясь на плетеный стул с краю стола.

— Итак, здесь присутствует мозговой центр нашего проекта,— сказал Шимон, обводя рукой присутствующих.— Это топ-менеджеры нашей компании, тебе нужно будет работать в тесном контакте с ними. Они все мусульмане, поэтому их всех зовут Мохаммедами. Чтобы не пу-

таться, мне приходится называть их по фамилиям: достопочтенный Корома, Корома-младший, Омар, Дьялло и Вильямс. Наша компания зовется «Металл Либерия», мы занимаемся сбором и экспортом больших партий металлолома. Этой информации тебе пока достаточно; остальное, я думаю, ты поймешь по ходу. А сейчас вернемся к обсуждению нашего основного проекта — объекта «Бонг Майнс».

— Так вот, — кашлянув, сказал высокий худощавый африканец, которого Шимон представил как Корому-младшего, — в Бонг Майнс мы дополнительно наняли пять рабочих. Это было сделано по твоей просьбе, чтобы ускорить темпы работ и набрать достаточно металлолома к приходу корабля.

В отличие от других африканцев, с которыми я успел пообщаться, Корома-младший говорил на хорошем английском, почти без местного акцента. У него был низкий хриплый голос и быстрые, веселые глаза; большую часть времени у него на лице играла хитроватая, но дружелюбная улыбка; говоря, он постоянно поправлял бейсболку на голове. На столе перед ним лежал лист бумаги с подсчетами, с которыми он периодически сверялся.

— Сколько там теперь всего рабочих? — спросил его Шимон.

— Вместе с этими — сто пять. Мы платим рабочим и охранникам по три доллара в день, десятерым резчикам — по пять долларов в день. Теперь всего на выплату заработной платы у нас уходит 285 долларов в день, или 8550 долларов в месяц. До того как мы наняли дополнительных рабочих, у нас в день на зарплату уходило

270 долларов, или 8100 долларов в месяц. За минувший месяц зарплату мы еще не платили. Люди волнуются.

— Сегодня мы ожидаем перевода, — сказал Шимон. — Если все будет нормально, то завтра будем выдавать зарплату. Инша Алла!

— Инша Алла! — с готовностью повторил Корума-младший. — Кроме того, у нас заканчивается рис, которым мы кормим рабочих. В день на это уходит пятидесяतिकилограммовый мешок риса. Я хотел бы напомнить, что если без денег либериец еще сможет прожить, но без риса — и дня не протянет!

— Ты же знаешь, Шимон, — сказал достопочтенный Корума, пожилой степенный африканец, одетый в широкую белую рубашу с африканскими узорами. — Утром мы едим вареный рис, в обед мы едим жареный рис, а вечером мы едим холодный рис! Либерийцы убили своего президента из-за риса.

— Да-да, я уже слышал эту историю, — кивнул Шимон, усмехнувшись. — Рис — это святое. Рисом мы рабочих обеспечим. Сколько газа у нас осталось?

— Около двадцати баллонов, — сказал молодой Корума. — Этого хватит от силы на два дня.

— Понятно, — сказал Шимон. — Сегодня нужно отвезти пустые баллоны на фабрику и поменять их на полные. Какие еще есть проблемы?

— Рабочие недовольны работой без выходных. Они просят... — начал Корума-младший.

— Нам нельзя сбавлять темп, — перебил его Шимон. — Иначе мы не наберем достаточно металлолома, чтобы

загрузить корабль. Тех, кто будет возмущаться или подначивать других, увольняй сразу. И скажи им: когда загрузим корабль, все получают бонус — по двадцать долларов каждому.

— Ага! Вот это — правильное решение. Эта новость приободрит рабочих, — кивнул Корома-младший. — Кроме того, они просят дать им средства индивидуальной защиты.

— Средства индивидуальной защиты? — переспросил Шимон. — Какие именно?

— Рабочие рукавицы, резиновые сапоги, защитные очки и каски, — перечислил Корома-младший, сверяясь с бумажкой и поочередно загибая пальцы на руке.

— Vaffanculo! Я все это уже покупал и передавал на объект неделю назад! — яростно воскликнул Шимон, хлопнув ладонью по столу.

— Рабочие говорят, что старые средства индивидуальной защиты износились, и просят дать им новые, — улыбаясь, ответил Корома-младший.

— Мы же отвезли им три больших коробки! Этого должно было хватить как минимум на месяц, — раздраженно проговорил Шимон. — Скорее всего, негодяи «износили» все это добро к себе домой, и теперь их жены используют наши «средства индивидуальной защиты» для работы в огороде... Корома, ты должен лучше контролировать моральное состояние твоих сотрудников.

Корома-младший замолчал, опустив голову и нахмурившись.

Достопочтенный Корома ободряюще потрепал его по плечу и сказал Шимону с укоризной:

— Дело в том, Шимон, что в этой стране недавно закончилась пятнадцатилетняя гражданская война. Я и мой племянник были за границей и сохранили человеческий облик. Но тем, кто остался здесь, пришлось превратиться в диких зверей — чтобы выжить. Корوما старается изо всех сил, делает все возможное, чтобы реализовать наши планы. Но контролировать моральное состояние диких зверей — задача не из легких. Ты можешь сколько угодно вести с ними беседы о морали, но если у них появится возможность украсть что-нибудь, то они ее не упустят. Они сначала украдут и только потом будут думать о возможных последствиях своего поступка. Это реальность, с которой должен считаться каждый, кто хочет работать в Либерии.

— Ну ладно, ладно, — примирительно сказал Шимон, — по сравнению с масштабом нашего проекта сапоги и перчатки — это мелочь. В этот раз, ввиду сжатых сроков реализации проекта, я согласен все это купить. Тем более, что речь идет об обеспечении безопасных условий работы для сотрудников нашего предприятия. Но я не собираюсь покупать их снова раньше, чем через месяц! Прошу тебя, Корума, четко и ясно объяснить каждому работнику, что если его рукавицы снова «износятся» раньше времени, то он будет таскать металл голыми руками.

— Будет сделано, сэр! — ответил Корума-младший преувеличенно бодрым тоном и отдал честь.

Шимон усмехнулся и повернулся к Коруме-старшему:

— Достопочтенный, есть ли новости от суперинтенданта округа Бонг? Когда он подпишет наши документы?

Корома-старший не спеша прикурил сигарету и выпустил дым изо рта.

— Он подпишет договор. В этом сомнений у меня нет.

— У меня тоже нет сомнений, что подпишет,— сказал Шимон.— Он ведь уже получил от нас внушительный задаток. И наверняка желает получить остальное. Вопрос в том, когда он это сделает? До прибытия корабля у нас должны быть на руках подписанные документы, иначе мы не сможем вывезти металлолом из страны.

Корома-старший величавым движением стряхнул на пол пепел со своей сигареты и высокомерно усмехнулся.

— Шимон, я был сенатором округа Бонг задолго до того, как этот суперинтендант впервые обнаружил на своем теле детородный орган. Он для меня — пацаненок. Я его вот здесь держу,— и Корома красноречиво похлопал рукой по большому расписному карману своей просторной африканской рубашки.

— Дistinguished Корома, я прекрасно осведомлен о вашем авторитете,— сказал Шимон.— Именно поэтому мы с вами и работаем. Но все-таки скажите, когда господин Нганагана подпишет с нами договор? Мы ведь уже несколько месяцев режем металл в Бонг Майнс, а документов на аренду этого объекта у нас на руках до сих пор нет.

— Я позвоню ему прямо сейчас,— решительно сказал Корома-старший и достал из кармана черный кирпичик «Нокиа».

Близоруко щурясь, Корома-старший набрал нужный номер и поднес телефон к уху. Абонент не снимал трубку.

Подождав с полминуты, достопочтенный Корома презрительно бросил телефон на стол и издал уголком рта цыкающий звук, изображая крайнее недовольство.

— Проблема в том, что Нганагана слишком любит вот это, — объяснил Корома-старший, прижав к своей груди две фиги, символизирующие одну из особенностей женской анатомии; при этом Корома-старший хитро прищурился, и на лице у него появилось озорное выражение. Остальные африканцы понимающе заулыбались.

— Скорее всего, Нганагана развлекается где-нибудь с очередной подружкой и совсем забросил государственные дела, — объяснил Корома-старший и добавил, нагибаясь вперед и ритмично ударя ладонью по столу. — Волноваться не о чем — я до него доберусь и заставлю его все подписать.

— Я ожидал, что это случится гораздо раньше... — покачал головой Шимон. — Но раз уж этим занимаешься ты, достопочтенный, то волноваться и вправду нечего. Хорошо, переходим к нашему складу в порту. Как там обстоят дела, Дьялло?

Мохаммед Дьялло обладал самой рафинированной внешностью из всех присутствовавших. Это был невысокий худощавый парень с тонкими чертами лица и небольшой бородкой. На запястьях у него покачивались золотые браслеты, на пальцах блестели кольца. Откашлявшись, Дьялло стал говорить, глядя прямо перед собой и плавно жестикулируя обеими руками.

— Мы строим вокруг арендованного нами участка кирпичный забор, чтобы наш металлолом не растащила

местная шпана. Половина участка уходит в болото. Это место нужно засыпать песком. Мы уже привезли пять грузовиков песка, и теперь рабочие лопатами засыпают ямы. Но это занимает много времени, да и песок уходит в болото... Если бы у нас был экскаватор Вильямса, то дело пошло бы гораздо быстрее...

— Кстати, Вильямс, когда мы сможем посмотреть на наш экскаватор? — спросил Шимон у высокого упитанного африканца с крупными чертами лица.

— Вчера мы почистили гидравлику, и экскаватор сделал вот так, — с этими словами Вильямс медленно поднял руку вверх, пока она не заняла горизонтальное положение, и затем пару секунд судорожно потрясал в воздухе напряженной кистью. Затем рука Вильямса обмякла и безвольно упала обратно на его колено, а сам он издал звук «пш-ш-ш-ш-ш».

— Это вселяет надежду, Вильямс, — сказал Шимон. — Я рад, что экскаватор, который должен был начать работать на нашем складе две недели назад, наконец-то подает признаки жизни.

— Но на площадке еще нет забора! — воскликнул Вильямс. — Воры в первую же ночь растащат экскаватор на куски...

— Там круглые сутки дежурят охранники, — сказал Шимон.

— Уверен, что ваши охранники ночью даже и нос из своего контейнера побоятся высунуть! — покачал головой Вильямс. — Это же рядом с портом! Там банда на банде сидит! Сначала нужно построить забор...

— Это не твоя забота, Вильямс, как мы будем охранять свой экскаватор, — повысил голос Шимон. — Твоя задача — доставить его на участок.

— Но нам не хватает денег на запчасти! — воскликнул Вильямс. — Они оказались слишком дорогими... Да и проблема их найти...

— Надо было думать об этом до заключения контракта, — сказал Шимон. — Я заплатил тебе семь тысяч авансом за этот драндулет, чтобы ты мог купить недостающие детали. Я дал тебе эти деньги с условием, что ты починишь экскаватор и доставишь его к нашему складу в течение десяти дней. Ты читал, что в контракте написано? Погоди, я тебе прочитаю. «В случае невыполнения сроков поставки на продавца налагается штраф в размере ста долларов за каждый день просрочки, которые вычитаются из суммы окончательного платежа». Если ты поставишь экскаватор завтра, то я тебе заплачу уже не семь тысяч пятьсот долларов, а только шесть. Чем дольше ты его чинишь, тем меньше я тебе заплачу. Провозишься еще два месяца — и тебе придется отдавать мне экскаватор бесплатно.

— Но Шимон... Ты же знаешь, что он не мой. Хозяйка экскаватора на такое не согласится... — с тревогой сказал Вильямс.

— Это ты мне предложил эту сделку, а не хозяйка, — резко сказал Шимон. — Значит, ты несешь ответственность. К тому же в плату за экскаватор заложена и твоя комиссия. Если хочешь ее получить — хоть в лепешку расшибись, но выполни свои обязательства! Или пеняй сам на себя...

«Крутой мужик этот Шимон! И какой грандиозный проект!» — сказал я себе. От масштабности планов «Металлической Либерии» голова шла кругом. Я попал к настоящим акулам бизнеса и искателям приключений, жестоким и беспощадным! Я-то думал, что такие дела могут твориться только в кино; да и теперь меня не оставляло ощущение, что я просто оказался по ту сторону экрана.

В этот момент дверь моей комнаты открылась нараспашку, и из нее вышла полуголая Сусу. Из одежды на ней были только моя рубашка и носки: из-под незастегнутой рубашки виднелись черные волосы на лобке, сквозь дыру на месте нагрудного кармана выглядывал лиловый сосок.

Сусу остановилась в дверном проеме, облокотившись о косяк, широко зевнула и произнесла капризным тоном:

— Бигини, я голодная. Принеси мне что-нибудь поесть, пожалуйста! Я буду ждать внутри.

С этими словами она повернулась и скрылась в комнате, виляя бедрами и громко хлопнув дверью. Кто-то из африканцев удивленно присвистнул.

— О боже, Ефгени! — воскликнул Шимон с искренним изумлением. — Ты ведь только вчера приехал... Это было настолько срочно?

Я открыл рот, чтобы сказать, что на самом деле все было совсем не так, как кажется, но вместо этого только промышал что-то невнятное. Чтобы объяснить, как и почему Сусу оказалась в моей комнате, пришлось бы слишком много рассказать, и вряд ли этот рассказ положительно отразился бы на моей репутации.

— Игини, братан! Прошу тебя, как следует позаботься об этой африканской курице! — подмигнул мне Омар. Африканцы дружно расхохотались.

— Друг мой, — сказал Шимон. — Ты, конечно же, имеешь полное право приводить к себе девушек, это же твоя комната. Но постарайся сделать так, чтобы они не прерывали наши утренние собрания и не пугали наших гостей. Хорошо еще, что сейчас здесь все свои. А если бы к нам пришли официальные лица или партнеры по бизнесу? Какое впечатление на них произвела бы наша компания?

— Да, конечно, я все понимаю... — ответил я сдавленным голосом, встал из-за стола и направился в свою комнату.

* * *

Сусу лежала на кровати в моих носках и рубашке, закинув ногу на ногу. Она с отсутствующим видом смотрела в потолок, почесывая длинными накладными ногтями кожу под белокурым париком, и не обращала на меня ни малейшего внимания.

Если ночью в Сусу было какое-то дерзкое уличное обаяние, то при дневном свете она казалась просто вульгарной и потрепанной. Тело у нее было чересчур худым, а лицо было похоже на рыбье: толстые лиловые губы резко выдавались вперед, нос был приплюснутым и с большими ноздрями, высоко на лбу карандашом были нарисованы искусственные брови вместо полностью выщипанных своих, а глаза были безнадежно пустыми.

С какой стати она надела на себя мои вещи? Что за странная идея? Чем дольше я смотрел на Сусу, тем в большей степени жалость к этой бедолаге брала верх над раздражением, и я решил спокойно и вежливо, без ругани, как мужчина, отправить девушку домой.

Собравшись с мыслями, я глубоко вздохнул и мягко, но уверенно и авторитетно сказал:

— Послушай, Сусу! Мне надо работать... Одевайся.

— Что? — вскрикнула Сусу, вскакивая с места. — Выбрасываешь меня на улицу?

— Э-э-э, что ты имеешь в виду? — растерянно спросил я, разом утратив уверенность и авторитет. — Мне кажется, тебе пора идти домой...

— Это тебе дорого обойдется! — еще громче крикнула она, с ненавистью глядя на меня, и затем спокойно прибавила: — Дай мне сто долларов, и я уйду.

— Какие еще сто долларов? И почему именно сто?

Почему-то в этот момент меня действительно заинтересовали закономерности ценообразования на местном рынке сексуальных услуг. В самом деле, откуда они берут эти конкретные цифры? Почему ночью в общественной уборной с меня запросили пятьдесят долларов, а утром в моей комнате — уже сто? Почему именно сто, а не семьдесят или сто двадцать?

— Мне нужны деньги, чтобы пойти в школу, — отекала Сусу, капризно скривив губы.

Снова — уже второй раз за сутки, причем при сходных обстоятельствах — услышав про эту загадочную «школу», во имя которой местные девушки готовы были на шантаж,

вымогательство и еще неизвестно какие преступления, я разозлился не на шутку. Прошу заметить, что я в этот момент страдал от чудовищной головной боли и все так же срочно хотел отлить.

— Нет у меня денег! — твердо сказал я. — Собирайся и иди домой!

— Хочешь меня вышвырнуть? — повторила она и снова улеглась на кровать. — Попробуй.

— Ну, это уже ни в какие ворота не лезет! — пробормотал я себе под нос, ходя по комнате из стороны в сторону. — Не успел приехать, как какая-то Суса свалилась на мою голову. По доброте душевной разрешил ей здесь переночевать, а теперь из своей собственной комнаты не могу ее выгнать!

— Ругаешь меня на своем языке, да? — сказала Сусу с презрительным выражением лица. — Это тебе даром не пройдет!

«Что делать? — задал я себе классический русский вопрос и почесал затылок. — Для начала хотелось бы вернуть рубашку и носки; отдавать их добровольно Сусу явно не намерена, а если я начну самостоятельно снимать их с нее, то получится, что я как будто ее раздеваю... Что же с ней произошло? Вроде бы я ее ничем не обидел, повода для такого поведения ей не давал. Может, у нее что-то наподобие временного помешательства?»

Я шагнул к Сусу и положил ей руку на плечо, собираясь попросить ее вести себя по-человечески.

В ответ девушка выгнулась, как разъяренная кошка, вцепилась ногтями в мое запястье и злобно прошипела:

— Только дотронься до меня, и я вернусь с полицией.
Я выдернул руку и почти выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

К счастью, собрание уже закончилось, и в гостиной никого не было. В доме было тихо; только на стене громко шипел кондиционер, да тикали часы.

Вне себя от радости, я ринулся в туалет.

«Как же все-таки мало нужно человеку для счастья!» — думал я, стоя над унитазом в позе брюссельского писающего мальчика.

* * *

Меряя шагами гостиную и кухню, я пытался найти какой-нибудь выход, но в голову приходило только одно — взять деревянную колотушку, которая висит на стенке в кухне, и врезать этой дуре по затылку. А куда потом девать труп? Тьфу ты, нет, нужно успокоиться и придумать, как выкурить Сусу из моей комнаты мирными методами. Но для начала нужно было немного успокоиться.

Я вышел на крыльцо дома, чтобы подышать свежим воздухом, и невольно зажмурился: все вокруг было залито ослепительно ярким светом. Небо было абсолютно чистым, нежно-голубым, без единого облачка! В Беларуси такое небо бывает нечасто.

Воздух был влажным, густым и теплым; я будто нырнул с головой в приятную ванну. Погода была идеальной: ясной, свежей, теплой, куда лучше дневного зноя и ночной духоты. Ощущение было таким удивительно приятным,

что у меня чаще забилося сердце и закружилась голова. Я облокотился на бетонные перила, и мои пальцы коснулись какого-то предмета; посмотрев вниз, я увидел пачку сигарет и зажигалку.

«Вообще-то, я вроде хотел бросить... Ну ладно, покурю еще разок», — решил я.

Глубоко, с удовольствием затянувшись, я огляделся по сторонам. Дом со всех сторон был окружен высоким бетонным забором, поверх которого крупными кольцами вилась колючая проволока.

Справа от крыльца находилась бетонная будка, сверху донизу покрытая черной копотью; внутри с громким рычанием пыхтел, подпрыгивал и плевался серым дымом тяжелый железный ящик — дизельный генератор, который снабжал дом электричеством.

Слева от крыльца стояла деревянная конструкция около четырех метров в высоту, на самом верху которой располагалась большая пластмассовая бочка. Из нее торчали две узкие пластмассовые трубы: одна уходила в бетонное кольцо колодца внизу, вторая была присоединена к дому. Это была водонапорная башня, которая подавала воду из колодца в дом.

Прямо перед крыльцом находилась большая прямоугольная клетка, сколоченная из досок и палок, в которой по переплетениям бамбука и лиан прыгали две худых макаки.

«Если боевые действия вдруг возобновятся, «Металлическая Либерия» полностью готова к осаде, — раз-

мышлял я, затягиваясь терпким дымом.— Собственные источники воды и электричества есть. А когда закончатся консервы, можно будет съесть макак».

Безмятежность этого утреннего пейзажа нарушали лишь сновавшие повсюду ящерицы разных размеров и расцветок. Во дворе их было, кажется, два или три десятка. Они лежали на песке, гонялись друг за другом по забору, стремительно избегали на стену дома. Некоторые из них были довольно упитанными.

«Интересно, они съедобные? — подумал я.— Макак-то надолго не хватит».

Неожиданно где-то совсем рядом раздалось вежливое покашливание. Повернувшись, я увидел африканца, который, по-видимому, только что вышел из-за угла дома. Он был одет в шапку-ушанку, шубу с меховым воротником, красные шорты и желтые кеды; в правой руке он держал длинное мачете. Я вздрогнул и попятился в сторону двери.

— Доброе утро, боссман! — сказал африканец, приветливо улыбаясь.— Я охранник. Я защищаю этот дом от грабителей.

— Да? — сказал я настороженно, готовый в случае чего быстро нырнуть за дверь.— А почему ты так одет? Тебе что, холодно?

— Да, боссман! Ночью очень-очень холодно! — с чувством сказал он; для большей выразительности он обхватил себя за плечи и изобразил сильную дрожь.— Поэтому вон там, в ящике у ворот, мы держим шубу для охранников, которые дежурят в ночную смену.

Я с удивлением посмотрел на него: когда мы ночью шли домой, я обливался потом. Было градусов двадцать пять, и никакого ветра.

«Может, это сумасшедший, который зарубил охрану и проник во двор, чтобы убить белых эксплуататоров?» — подумалось мне.

Африканец, однако, не подавал никаких признаков агрессии; напротив, он миролюбиво улыбался, переминаясь с ноги на ногу. Потоптавшись так с полминуты, он подошел поближе к крыльцу и прошептал с заговорщицким выражением лица:

— Та симпатичная блондинка все еще в доме?

— Да... — ответил я, и мое хорошее настроение немного ухудшилось. — погоди, а откуда ты вообще знаешь, что она здесь?

— Так я же открывал вам ворота, когда вы утром пришли! Ты разве не помнишь?

— Я себя неважно чувствовал... Да и темно было...

— Меня зовут Эймос, — сказал африканец. — Боссман, у тебя закурить не найдется?

Я протянул Эймосу открытую пачку; он внимательно посмотрел мне в глаза и одним движением вытащил сразу несколько сигарет. Растерявшись от неожиданности, я молча наблюдал, как Эймос чиркнул спичкой и закурил, непринужденно засунув остальные сигареты в карман шубы.

— Курить вредно, — произнес я с нескрываемой иронией.

— Нет, совсем нет! — решительно запротестовал ох-

ранник.— Выкурив сигарету, я чувствую себя сильным, очень-очень сильным!

При этом он жестами и мимикой изобразил, каким сильным он себя чувствует: сжал кулаки, напряг бицепсы, нахмурил брови и вытаращил глаза. Затем он облокотился на перила и с удовольствием затаился.

— Боссман, ты ведь недавно приехал? — спросил Эймос после минутной паузы.

— Да, вчера вечером.

— Можно я дам тебе совет? Будь осторожен с либерийскими девушками! Они очень-очень плохие!

— Серьезно? — заинтересовался я. — Почему?

— Война сделала их такими, — грустно сказал Эймос. — Девяносто девять процентов либерийских девушек — проститутки. Им нужны только деньги! Ради денег они сделают все что угодно... Если хочешь действительно хорошую девушку — скажи мне, и я приведу тебе свою сестру.

Мы курили в тишине, задумчиво разглядывая друг друга. Однако же надо было что-то решать с моей белокурой подругой! Пока она не прописалась в моей комнате окончательно.

Я затушил сигарету и спросил у Эймоса, перед тем как вернуться в дом:

— Скажи, а ящерицы съедобные?

Мой вопрос вызвал у него приступ смеха:

— Конечно, нет! Иначе я бы уже жарил их на раскаленных углях.

Полуголый Гена стоял перед зеркалом в гостиной, благосклонно разглядывая свое отражение. Из одежды на нем было только обернутое вокруг бедер полотенце. Вооружившись лаком и расческой, Гена колдовал над своей прической. Его полные бока подрагивали при каждом движении; икры ног своей тяжеловесной монументальностью напоминали дорические колонны. Вид у Гены был, как у римского патриция, который только что покинул термы и готовился пойти на заседание Сената.

Дверь в комнату Гены была открыта; на его кровати валялись две африканки, которые весело и громко переговаривались, качая ногами в воздухе. Длинную и худую Фанту я уже видел накануне; вторая девушка была низкого роста и полноватой.

— Доброе утро, — сказал я.

В ответ Гена хмыкнул, кивнув головой своему отражению.

— А вторая девушка откуда взялась? — спросил я.

— Вышел на улицу и взял еще одну, — лениво ответил Гена. — Они тут все время сидят у ворот.

— Слушай, у тебя деньги есть?

— Есть немного. А зачем тебе?

— Сусу уходить не хочет. Требуется сто долларов...

Гена повернулся ко мне с любопытным видом:

— Что ты с ней сделал, что она столько требует? Кулак ей в жопу засовывал?

— Ничего я с ней не делал! — воскликнул я. — У нас вообще секса не было!

— А-а-а... — разочарованно протянул Гена, снова поворачиваясь к своему отражению в зеркале. — Так, может, в этом все дело?

Пошарив в своей комнате по сумкам и полкам, Гена наскреб только тридцать долларов. Все остальное у него вытащили оборванцы у ночного клуба

— Попробуем сообща уболтать ее на тридцатку, — сказал Гена. — Объясни ситуацию моим подругам, пусть помогают.

Внимательно выслушав меня, Фанта и Тата (так звали вторую девушку), выразили удивление непомерной жадностью Сусу и с готовностью согласились помочь.

Вчетвером мы подошли к моей комнате. Я хотел было открыть дверь, но вместо этого постучался в нее. Сусу громко, по-хозяйски ответила:

— Кто там?

— Это я.

— Бигини? Входи!

Я приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Сусу сидела на кровати, по-прежнему одетая в мои носки и рубашку. Разложив на покрывале содержимое своей сумочки, она красила губы, глядя на себя в маленькое щербатое зеркальце. Мельком глянув в мою сторону, она сказала, не переставая краситься:

— Бригаду спасателей с собой привел? Эй, вы там! Заходите внутрь!

Фанта и Тата вошли в комнату и сели рядом с ней на кровать. Гена встал у меня за спиной, дымя сигаретой.

— Сестра... — душевно начала разговор Фанта, положив Сусу руку на плечо.

— Можешь даже не начинать этот «сестринский» разговор! — оборвала ее Сусу. — Бигини провел со мной ночь и теперь должен обо мне позаботиться.

— Послушай... — сказала Тата, поглаживая Сусу по колену.

— Привести меня домой, а потом вышвырнуть на улицу?! — повысила голос Сусу. — Не получится! Я хочу сто долларов здесь и сейчас, и точка!

В окне показалось лицо Эймаса:

— Эй вы там, что за шум? — строго прикрикнул он на нас сквозь москитную сетку. — У вас все в порядке?

— Нет, не в порядке! — заорала Сусу. — Твою африканскую сестру оскорбляют и унижают. Немедленно вызывай полицию!

За спиной охранника неожиданно нарисовались еще двое молодых людей, парень и девушка, которые с тревогой заглядывали внутрь комнаты.

— Начальник! — обратился Эймас к Гене. — Мне сходить за полицией?

— Нет-нет! — замахал руками Гена. — Не надо!

— Послушай, Сусу, — сказал я. — Мы дадим тебе тридцать долларов. Больше у нас нет!

— Тридцать долларов? — скривившись, протянула Сусу с выражением безмерного презрения на лице и улеглась на кровать. — Охранник! Зови полицию.

Фанта и Тата шепотом попросили Гену и меня удалиться, чтобы дать им возможность поговорить с Сусу «по-своему», и мы вышли на улицу покурить.

Солнце поднималось все выше, ослепительно сияя в лазурном небе. Воздух с каждой минутой становился горячее, и вскоре по лицу, груди и спине уже текли капли пота. Поприветствовав белое начальство, дворник Огастес и уборщица Лаки, которые минуту назад заглядывали в окно, принялись каждый за свою работу.

Огастес, нагнувшись, косил траву полуметровым мачете. Впрочем, также справедливо было бы сказать, что он перекапывал двор: лезвие погружалось в землю на несколько сантиметров, и при каждом ударе в сторону летели комья земли, камни и клочки травы вместе с корнями. Покошенные участки двора напоминали свежевспаханное поле.

Лаки высыпала в ведро несколько стаканчиков стирального порошка, залила туда воду из-под крана, окунула в ведро тряпку и бросила ее на пол в гостиной. Затем она встала на тряпку обеими ногами и начала передвигаться по крыльцу прыжками, двигая бедрами то вправо, то влево. За ней тянулся шлейф из мыльной пены и пузырей.

К крыльцу подошел Эймос, стрельнул сигарету и принялся рассказывать, как опасно иметь дело с либерийскими девушками.

— Слушай, Гена,— спросил я.— А твои подруги не просят денег?

Гена усмехнулся:

— Я им сказал, что хочу принять мусульманство и взять в жены их обеих.

Не знаю, как именно Фанта и Тата уговаривали Сусу «по-своему», но кончилось это тем, что она высунулась

в окно и истошно заорала: «Помогите! Помогите! Убивают!»

Переглянувшись, мы было ринулись в дом, но тут раздался громкий стук в ворота. Там стояли соседи, вооруженные мачете, палками и камнями. Понадобилось минут десять эмоциональных объяснений, чтобы они поверили, что все в порядке и что здесь никого не убивают, после чего соседи наконец свалили, недоверчиво оборачиваясь назад.

Происходившее напоминало банальный театральный спектакль, который давно должен был закончиться, но волей невидимого режиссера все длился и длился. Я был бы рад выйти прочь из зрительного зала, но проблема была в том, что я находился одновременно и в первых рядах партера, и на сцене, причем играл чужую роль, не зная текста и даже не будучи знаком с сюжетом пьесы. Я хотел бы сменить амплуа, но нужно было дожидаться занавеса... В какой момент произошла та самая судьбоносная ошибка и какая именно ошибка — то событие или стечение обстоятельств, которое привело меня сюда и заставило выполнять эти действия, говорить эти слова, думать эти мысли? И было ли возможно сделать что-то в прошлом, чтобы это странное настоящее стало иным?

После полутора часов уговоров Сусу удалось убедить, что она меня неправильно поняла: на самом деле она мне очень понравилась, просто сегодня у меня много очень важных дел, а завтра я ей позвоню. Сусу — нехотя — согласилась принять тридцать долларов, но выдвинула дополнительные условия: во-первых, чтобы мы отвез-

ли ее домой, а во-вторых, чтобы моя рубашка осталась у нее — потому что она хотела сама ее постирать и зашить, а также в качестве гарантии нашей следующей встречи. Наблюдая за тем, как Сусу запихивала мою бедную израненную рубашку в свою сумочку, я догадывался, что никогда больше ее (рубашку) не увижу... Чтобы Сусу убралась наверняка и поскорее, а также в качестве широкого жеста, вместе с трубочкой из мятых долларовых купюр я сунул ей в руку пачку влажных салфеток, которыми Гена рекомендовал «стирать сперму с черных девушек».

Тем временем Гена отправил Огастеса на поиски джипа, который с ночи торчал в куче песка где-то по соседству. В ожидании машины все три девушки вышли на крыльцо, уселись на стулья, закинув ноги на парапет, и стали дружелюбно болтать с уборщицей и охранником. Солнце уже стояло высоко в небе, поливая мир ослепительными горячими волнами света.

— Слушай, Гена, — сказал я ему смущенно, — У меня ведь из одежды теперь только джинсы и носки остались. Мне ехать не в чем.

Порывшись в своем шкафу, Гена отжалел мне растоптанные шлепанцы и просторную майку с надписью на иврите, которая повисла на моем худом туловище, как мешок из-под картошки.

Полчаса спустя Огастес благополучно пригнал машину во двор. Гена и Фанта сели спереди, Тата, Сусу и я — сзади. За несколько утренних часов черный джип сильно нагрелся, и внутри было жарко, как в парилке. Опустив стекла, девушки тут же принялись весело щебетать меж-

ду собой, взволнованные возможностью средь бела дня прокатиться по Монровии на крутой тачке.

Проехав несколько кривых разбитых улочек, машина выехала на широкую грунтовую дорогу и вклинилась в неторопливую вереницу автомобилей, среди которых преобладали выкрашенные в желтый цвет раздолбаные легковушки-такси, часто без окон и дверных ручек; они громко дребезжали, осторожно пробираясь по многочисленным ухабам и канавам и испуская клубы черного дыма. Как правило, каждая такая машина везла по шесть-семь пассажиров в салоне, а часто еще два-три человека сидело сзади, в открытом багажнике, свесив ноги в шлепанцах. Водители непрерывно сигналили и надрывно орали, высунувшись в открытые окна; таким способом они сообщали прохожим, что у них еще есть свободные места.

Кроме такси на дороге нередко встречались большие белые джипы «Nissan Patrol» с символикой ООН и различных благотворительных организаций. Внутри, за тонированными стеклами, с включенными на полную мощность кондиционерами, сидели белые люди в солнцезащитных очках.

Дома вдоль дороги были в основном полуразрушенными, почерневшими, кое-где со следами от пуль на стенах; вдоль домов текли ручейки нечистот. Тротуаров как таковых не было: прохожие передвигались по обочинам, шагая по зловонным кучам отбросов. Люди мочились, стоя у края дороги.

Повсюду сновал народ; воздух был переполнен криками и летевшими отовсюду хриплыми звуками афри-

канской музыки. По проезжей части бегали продавцы всякой всячины, засовывая в окна проезжавших автомобилей свой товар: печенье, конфеты, воду в маленьких пакетиках, таблетки, кепки, мыло, газеты, подушки.

Прохожие в большинстве своем были одеты в рваные майки, шорты и сланцы. Вокруг было много калек: слепых, безногих, безруких, покрытых язвами и струпьями; кое-как пробираясь к окнам машин, они демонстрировали свои увечья и, бормоча или завывая, просили дать им «хоть что-нибудь». Мужчина с грязными дредами и пыльной всклокоченной бородой, одетый в красный халат на голое тело, не спеша шел прямо по середине дороги. Регулировщик на бетонном возвышении в центре перекрестка слушал музыку в наушниках и танцевал и размахивая руками в жарком тяжелом воздухе; водители машин проезжали мимо, не обращая на него никакого внимания.

Вскоре черный корпус джипа прогрелся настолько, что даже дверей невозможно было коснуться руками. Было тяжело дышать: воздух был обжигающе горячим, влажным и наполненным выхлопными газами и разнообразной тошнотворной вонью. Все мое тело было покрыто густым вязким потом, на джинсах и майке проступили большие влажные пятна, пот капал из штанин, стекал со слипшихся прядей волос, заливал глаза. Я чувствовал себя как рыба, которую жарили в кипящем масле на медленном огне.

Слева от нас между домами поблескивала синяя громадина Атлантического океана; сквозь оглушительный городской гвалт до меня временами доносился шум

волн. Мне хотелось выйти из этого раскаленного черного драндулета и побежать к берегу, на ходу стягивая с себя одежду и бросая ее на белоснежный песок, с разбегу прыгнуть в несущуюся навстречу высокую волну и погрузиться с головой в прохладную воду.

— Что это за улица? — спросил я у Сусу.

— Это бульвар Табмена, — ответила она. — Он очень длинный — начинается на окраине Монровии и тянется до самого центра города. С правой стороны, за теми домами, — широкая река и мангровые болота, а слева — морское побережье.

— Получается, море совсем близко отсюда?

Ответ был очевиден, но было приятно хотя бы поговорить о том, до чего мне так хотелось добраться.

— Монровия вся растянута вдоль моря, — равнодушно сказала Сусу. — До него здесь отовсюду близко.

— Здорово! — вздохнул я.

— Что ж тут хорошего?

— В моей стране нет моря, и многие мечтают жить на морском берегу.

— Глупые люди! — воскликнула Сусу. — Мы, африканцы, боимся моря. Оно разрушает все: дома, генераторы, машины. Его волны постепенно проглатывают нашу землю: порой целые улицы обваливаются в воду. Я вот живу в рыбацком поселке на берегу, но к морю и близко не подхожу. Даже плавать не умею.

— А это что за дом? — спросил я у нее, показывая на стройное белое здание, около двадцати этажей в высоту, стоящее почти на самом пляже. Этот небоскреб рез-

ко выделялся на общем фоне своей ухоженностью — он прямо-таки сверкал на солнце.

— Это штаб-квартира ООН,— ответила Сусу.— Бигини, помнишь, ты обещал мне ночью, что сегодня будешь устраиваться на работу в ООН? Ты же белый, тебе это будет несложно.

— Ладно, я попробую,— сказал я с иронией.— А вдруг получится?

— Бог в помощь! — кивнула Сусу с серьезным видом, прижавшись к моему плечу, и тихо повторила, задумчиво глядя в куда-то вдаль: — Бог в помощь.

«Она что, напрочь забыла о том, что вытворяла сегодня утром? Или здесь такое поведение в порядке вещей? Неужели она всерьез думает, что я ей когда-нибудь позвоню?» — недоумевал я, чувствуя что-то наподобие уколов совести.

* * *

Проехав всю Монровию насквозь с ее блошиными рынками и смердящими свалками, высадив Тату и Фанту где-то на полпути, мы наконец выбрались из города и покатались по узкой грунтовой дороге, протянувшейся вдоль побережья. С моря дул сильный теплый ветер. Волны высотой в человеческий рост наотмашь ударялись о песчаный берег. Высунув голову в окно, я жадно вдыхал морской воздух.

— Дальше машина не проедет,— сказала Сусу.

Гена заглушил двигатель, и мы вышли из машины. Впереди было песчаное футбольное поле, по которому

бегали полуголые дети; за ним виднелся маленький рыбацкий поселок, состоящий из кривых глиняных домиков. Гена достал сигарету и закурил.

— Бигини, хочешь посмотреть, где я живу? — спросила Сусу.

Я кивнул, и мы зашагали к поселку, по щиколотку погружаясь в горячую пыль. Дети ринулись нам навстречу; несколько малышей, года по три-четыре, обхватили меня руками за колени и, улыбаясь, смотрели снизу вверх. Один, совсем кроха, побежал вслед за другими, но, оказавшись рядом, остановился и несколько секунд тревожно всматривался в мое лицо, а потом вдруг разрыдался, повалился на колени и, закрывшись ладошками, уткнулся лицом в песок.

— Он боится белого человека! — засмеялись остальные.

Кое-как оторвавшись от детей, мы подошли к поселку, окруженному веером из качающихся на ветру пальм. Океан был скрыт от взгляда насыпью на берегу, покрытой редкой сухой травой; о его близости говорили оглушительный шум и хлопья пены, взлетающие в воздух при каждом ударе волн и плавно падающие на перевернутые продолговатые каноэ, которые лежали на берегу в тени пальм. У каноэ сидели на корточках полуголые африканцы, привязывая к своим сетям крупные пенопластовые поплавки. Они добродушно помахали нам руками и громко, чтобы перекричать шум океана, прокричали вразнобой: «Привет-привет, как дела?» Они казались удивительно спокойными, расслабленными и свободными...

Я помахал им в ответ и вслед за Сусу с трудом протиснулся в узкий проход между домами.

Я словно попал в какой-то игрушечный городок: глиняные домики были маленькими и кривыми, с низкими дверями и без окон, как будто ребенок вылепил их из мокрого песка. Женщины чистили ножами рыбу и варили что-то в чугунных котлах. Мужчины курили, сидя на глиняных ступеньках; у их ног в пыли ползали дети. Запах рыбы, казалось, был повсюду. Мы поворачивали то влево, то вправо, поднимались по ступенькам вверх и снова спускались вниз.

«Настоящий лабиринт! Интересно, я сам смогу найти выход отсюда?» — подумал я.

— Здесь живут иммигранты из Сьерра-Леоне, — рассказывала Сусу, поворачиваясь ко мне на ходу. — В основном рыбаки и их семьи. Поселок специально построен так, чтобы запутать нежданных гостей — полицейских или грабителей...

Сусу со всеми здоровалась и представляла меня:

— А это Бигини, мой друг. Он работает в ООН.

Вскоре я догадался, что она водила меня по кругу — чтобы все ее друзья и знакомые успели меня увидеть.

Наконец Сусу показала рукой на небольшую глиняную будку:

— А вот и мой дом. Входи!

Я открыл узкую деревянную дверь и, пригнувшись, шагнул внутрь. Комната была погружена в полумрак, и после яркого солнца на улице первые несколько мгновений я ничего не мог разглядеть. Попытавшись выпрямиться, я ударился макушкой о глиняный потолок: он был та-

ким низким, что встать в полный рост было невозможно. Из мебели здесь был только матрас, который занимал почти весь пол. В углу стояли почерневшая жаровня и алюминиевый котел. На вбитых в стену гвоздях висели блузки и платица. На кровати спала беременная женщина.

— Это моя сестра, — представила ее Сусу. — Ее парень уехал на заработки в другой город.

Сусу молча прижалась к моей груди, я неуверенно положил руки ей на плечи. Мне было жаль ее, но чем я мог помочь? Где-то совсем рядом раздавались глухие удары волн о берег, отсчитывая неумолимо бежавшее вперед время. А где-то вдаль надрывался автомобильный гудок — видимо, Гена начал беспокоиться.

Сусу провела меня до выхода из городка. Его обитатели радушно улыбались и махали руками мне вслед. Неужели они действительно были искренне рады меня видеть?.. Далеко не везде в белорусской глубинке так приветливо встретят незнакомца с иным цветом кожи.

— Я буду ждать от тебя звонка, — сказала Сусу на прощание и хитро прищурилась. — Твою рубашку я постираю, поглажу и заштопаю. Получишь ее при нашей следующей встрече...

Я грустно усмехнулся и зашагал по раскаленному, ослепительно-белому, сияющему под африканским солнцем футбольному полю, плавно, как во сне, переставляя ватные ноги, мимо бегавших вокруг меня вприпрыжку детей, поднимая шлепанцами горячие облачка пыли, провожаемый дружными детскими криками:

— White man! White man! White man!

Тяжело дыша и обливаясь потом, я плюхнулся на заднее сиденье машины. Гена сидел на водительском месте, дымя сигаретой; своей величавой и мягкотелой тяжело-весностью он напоминал борца сумо на пенсии.

Рядом с ним, качаясь из стороны в сторону, топтались два худых парня, показывали на стоявший у их ног алюминиевый таз с крупными рыбинами и наперебой убеждали Гену:

— Боссман, на рынке такая рыба будет стоять в три раза дороже! Это утренний улов! Рыба свежая-свежая!

Продавцы рыбы говорили с видимым трудом и никак не могли сфокусировать взгляд на собеседнике. Они очень старались быть серьезными, но их рты все равно предательски растягивались в широкие белозубые улыбки.

— Никак не пойму, сколько рыб они продают и по какой цене? — спросил у меня Гена и, не дожидаясь ответа, продолжил общаться с продавцами рыбы на ломаном английском. — Ноу, ноу, мани ту мач! Три долларс максимум!

— Что? Три доллара? — воскликнул один из них. — Это слишком мало! Мы хотим десять долларов!

— Боссман, мы предлагаем тебе хорошую цену, — сказал второй. — Это гораздо дешевле, чем на рынке.

— Три долларс, окей? — равнодушно сказал Гена, мастерски выпуская изо рта колечки дыма.

— Эй-йя! — разочарованно протянул второй и сказал своему другу. — По-моему, боссман не готов к сделке. Пойдем!

— Подожди,— остановил его первый и повернулся к Гене.— Только потому, что мы тебе друзья, я тебе помогу, окей? Давай восемь долларов.

— Ноу, ноу! — покачал головой Гена.— Три доллара, финиш!

— Э-э-э, мэн...— сказал второй парень своему другу.— Только время теряем. Пойдем отсюда!

— Подожди,— остановил его первый и повернулся к Гене.— Боссман, хочешь немного ганджи?

— Бесплатно? — поинтересовался Гена с невинным видом.

Вопрос Гены вызвал у ребят искреннее веселье.

— Вот это боссман, так боссман! Ладно, меняю ганджу на сигареты,— сказал второй, отсмеявшись, и достал из кармана маленький бумажный сверточек.

Взамен Гена протянул ему несколько сигарет. Парни закурили, попрощались и пошли прочь, что-то напевая и пританцовывая.

— Здесь марихуана стоит дешевле сигарет,— объяснил Гена, нажимая на газ.— Она тут сама повсюду растет, а сигареты — импортные. Сможешь скрутить?

Ганджа была завернута в папиросную бумажку. Там было все подряд: вместе с листьями лежали и шишечки, и палки. По-хорошему нужно было бы убрать все лишнее, но в едущем по ухабам автомобиле это было бы сложно сделать, и я кое-как свернул все содержимое пакетика в одну толстую самокрутку. Прикурив, я затаился и передал косяк Гене, свободной рукой убирая с лица мокрые волосы, с которых соленым дождем катились вниз капли пота.

— Когда еврей торгуется, негр может отдыхать,— сказал Гена, выдохнув столб дыма.

— А зачем ты вообще торговался? — спросил я его.— У тебя же денег нет.

— Просто так,— пожал плечами Гена.— Все равно скучно.

Откинувшись на сиденье, я выдыхал терпкий дым в открытое окно, глядя на медленно проплывавший мимо пестрый тропический пейзаж: лохматые пальмы на обожженной красной земле, ярко-желтый песок на берегу и синие волны до самого горизонта. Временами вдоль дороги попадались маленькие строения, сколоченные из фанеры и бамбука. Как правило, двери были низкие, а окна отсутствовали; видимо, дом для африканцев был только местом для сна, поэтому наличие доступа естественного света в жилище не имело значения. Да и всякой кусачей-ядовитой живности в такое жилище было труднее попасть.

У многих домов стояли столики с разложенным на них товаром: свечами, мылом, спичками, сигаретами, печеньем. Продавцами были дети, часто — совсем еще маленькие, пяти-шести лет. Их родители тем временем дремали на скамейках в тени пальм, лениво поднимая голову при нашем приближении и провожая нас сонными взглядами из-под прижатой ко лбу ладони.

Казалось, африканцы по праву рождения обладали всем тем, чего не доставало неловкому, напряженному, мрачному мне: философским спокойствием, естественным обаянием, природным достоинством. Для того чтобы иметь все это, им не нужно было читать толстые книги,

разбираться в международной политике и уметь пользоваться электронными деньгами. Впрочем, вряд ли они воспринимали свое состояние как некую ценность; многие из них были бы рады получить высшее образование, жить в большом городе и иметь в своем распоряжении всевозможные блага западной цивилизации. Но стали бы они от этого счастливее?

В городских условиях люди с рождения окружены преимущественно рукотворными предметами: машины, компьютеры, телевизоры... Испытывая на протяжении жизни слишком много слишком сильных влияний, личности нивелируются, острые углы сглаживаются, люди превращаются в безликих, похожих друг на друга манекенов, готовых к коллективной деятельности и мирному сосуществованию, черпающих из СМИ и кинофильмов указания о том, как нужно себя вести, чего хотеть, к чему стремиться, о чем думать и кем быть...

Глаза у меня начали слипаться... Я и сам не заметил, как повалился на сиденье и уронил самокрутку на пол. Вскоре меня опутали горячие липкие щупальца африканской сиесты, ослепительный дневной свет послушно отступил и померк, и я бесформенным мешком увесисто провалился в бездонную пропасть сна.

Глава 5

Я проснулся от криков Шимона; он бегал по двору и что-то орал на смеси английского и иврита. Рядом с машиной дымил сигаретой Гена, сурово хмурясь, сочувственно качая головой и с трудом сдерживая зевоту.

Приехав домой, Шимон полчаса сигналил у ворот, пытаясь разбудить спящих охранников. Теперь он угрожал всем виновным жестокой расправой. Директор охранного агентства должен был подъехать с минуты на минуту.

— Если я его сейчас встречу— задушу голыми руками. Поговорите с ним сами! — крикнул Шимон, плюясь слюной.— Скажите ему, что если я еще раз увижу его людей спящими, то сразу же разорву с ним контракт и за этот месяц не заплачу ему ни цента!

И Шимон ушел в дом, хлопнув дверью так, что она чуть не слетела с петель.

Пару секунд спустя он выглянул из двери и погрозил Гене пальцем:

— Прекрати бросать окурки на землю! Наш двор и так уже на какой-то притон похож.

И снова хлопнул дверью.

Дождавшись, когда Шимон скроется из виду, Гена потянулся, как ленивый кот на теплом подоконнике, сладко зевнул во весь рот и повернулся ко мне:

— Слушай, ты же сможешь сам поговорить с этим охранным директором? Я пока пойду прилягу.

— А что я ему скажу?

— Скажи ему, что он — гондон. Да не волнуйся ты! Не так страшен негр, как его малюют...

Гена усмехнулся своей шутке и бросил окурочек на землю.

— Слушай, Гена, одолжи сигарет,— попросил я.— В счет зарплаты.

— Да не вопрос, бери! — ответил Гена, идя в дом.— В джипе несколько пачек валяются.

Я остался стоять на крыльце, охваченный волнением и тревогой. Я представления не имел, как себя вести с директором охранного агентства... Он же все-таки начальник!

Я никогда не представлял себя в роли начальника. Разве что начальника своего ноутбука — диктатора файлов AVI и MP3, властелина компьютерных игр, тирана форумов и блогов. А в настоящем, не виртуальном мире я обычно занимал позицию, скажем так, ироничного наблюдателя. То есть того, кто сам ничего не делает и не го-

ворит, но едко и с удовольствием критикует других. Конечно же, я успешно придумывал разные навороченные обоснования своей жизненной позиции, но истинная причина заключалась в том, что я боялся ответственности, людей и вообще реальности.

Моя музыка была скорлупой, которой я отгородился от внешнего мира. В тепличных условиях современного мегаполиса я мог бы прожить в этом яйце всю жизнь, отрешенно разглядывая свое отражение и блики собственных иллюзий на его белоснежных стенках. Но теперь скорлупа покрылась трещинами и начала рассыпаться у меня на глазах, и мне нечем было прикрыть свою наготу. Все, что я знал и умел, оказалось совершенно бесполезным. Гигантский незнакомый мир нависал надо мной громадными тяжеловесными глыбами, а я сидел перед ним хилым новорожденным птенцом, который бестолково хлопал своими синеватыми голыми крылышками и пугливо щурился на солнечный свет.

Охваченный приступом мучительной беспомощности и тревоги, я стоял на крыльце, сжав зубы и вцепившись побелевшими пальцами в парапет. На меня и раньше время от времени накатывало такое состояние — особенно когда мне приходилось оказываться в центре внимания или самостоятельно принимать решения, а порой и просто так, без видимых причин. Неспешное ежедневное чередование обыденных происшествий вызывало у меня невроты и агорафобию. От невинных бытовых бесед соседей по транспорту или новостей по ТВ у меня начинались головокружение и тошнота. Я чувствовал себя

комфортно только наедине с собой или на сцене; все остальное время я ощущал себя рыбой на горячем песке, тоскливо дожидаясь времени, когда я мог наконец остаться один, включить ноутбук или взять в руки гитару. Вот и теперь: вроде бы все было в порядке, физически мне в данный момент ничего не угрожало, но меня прямо-таки трясло от ужаса и отчаяния.

И вот теперь обычные лекарства — музыка, компьютер и одиночество — стали для меня недостижимой роскошью. Это была совершенно иная, незнакомая, непонятная ситуация. Напрасно я искал внутренним взглядом какой-нибудь новый источник энергии, который мог бы служить основанием для оптимизма и жизненным стимулом. Вряд ли кому-то здесь захочется слушать мои душераздирающие песни — пожалуй, африканцам они покажутся нелепыми. Собственно, как я буду их исполнять — хлопая в ладоши? Я не удивился бы, если бы в этой стране не оказалось ни одной гитары. Доступа к интернету у меня не было, значит, описать свои приключения в каком-нибудь блоге у меня тоже не получится. Даже аву в соцсетях не обновить! Я умер и оказался на том свете. И теперь мне совершенно ничего не хотелось. Мертвые ведь тоже, наверное, ничего не хотят? Мне срочно нужно было найти что-нибудь, к чему можно было бы стремиться — иначе оставалось только упасть на бетонное крыльцо и начать разлагаться. Что бы это могло быть, с учетом обстоятельств? Разве что искупаться в океане — погрузиться как можно глубже в темную прохладную соленую воду и больше никогда не выныривать... Я смотрел

в пространство и кусал губы, пытаясь проглотить горячий комок, который трепыхался и дрожал у меня в горле.

В этот момент я почувствовал прикосновение к своей ноге; вздрогнув от неожиданности, я отпрянул в сторону. У крыльца стоял худой африканец в форме охранника, почтительно подняв ладони вверх.

— Боссман, шеф, сэр! — выпалил он, употребив сразу все известные ему уважительные формы обращения. — Припадаю к вашим ногам! Меня зовут Эби. Я не спал! Я просто был за домом, патрулировал задний двор!

— Ладно, не ври! — устало сказал я. — Уж лучше бы честно признался, что спал.

— Хорошо, я расскажу тебе правду! — шепотом сказал Эби, оглядываясь по сторонам и подходя поближе. — Дело в том, что мне платят двадцать один доллар в месяц. Этого не хватает даже на еду! Поэтому я все время голодный, уставший и хочу спать. Лучше бы вы нас наняли не через агентство, а напрямую, и платили бы нам те деньги, которые сейчас забирает себе наш директор. Тогда бы мы не были все время такими сонными. Ты знаешь, в Либерии на все очень высокие цены! Нашей зарплаты не хватает на жизнь. К тому же мне приходится каждый день на такси добираться сюда и обратно домой тоже!

— На такси? — удивился я. — А сколько стоит доехать сюда на такси от твоего дома?

— Один доллар.

— А обратно?

— Один доллар.

— И как часто ты работаешь?

— Через день! — возмущенно воскликнул охранник.

— То есть ты тратишь тридцать долларов в месяц на такси?

— Я не считал общую сумму, но... Наверно, так и есть,— уже менее уверенно ответил он.

— Тогда зачем ты работаешь? Ты же тратишь на такси больше, чем вся твоя зарплата!

— Ну... — задумался охранник. — Просто чтобы не сидеть на месте!

Из-за дома раздались звуки музыки; завернув за угол, я увидел Огастеса и Лаки. Они полулежали на скамейке, поставив рядышком на землю небольшой кассетный магнитофон. Из динамика на полной громкости хрипели романтические баллады ирландского бой-бэнда «Westlife». Огастес и Лаки раскачивались в такт и подпевали в припевах.

— Я знаю их всех по именам, — сказала Лаки, мечтательно глядя в ярко-голубое небо. — Один из них когда-нибудь возьмет меня в жены!

— Который? — поинтересовался я, разглядывая коробку кассеты с изображением пяти симпатичных белокурых парней.

— Все равно, какой! — ответила она. — Они все хорошие.

— Боссман, а ты любишь музыку? — спросил Эби.

— Да, очень! — ответил я, посмотрев на охранника с удивлением.

— Тогда тебе нужно прийти в нашу церковь. Она вон там, через дорогу. Послушаешь, как я играю на барабанах.

— А гитара у вас есть? — спросил я с надеждой.

— Гитара? — Эби наморщил лоб. — Нет, у нас есть только клавишные и барабаны. Так вот, если тебе понравится, как я играю на барабанах, то, может быть, ты организуешь, чтобы меня взяли в одну из музыкальных групп в твоей стране? Ты станешь моим менеджером и заработаешь много денег. Я очень хорошо играю!

— Эби, отстань ты от боссмана со своими барабанами! — махнул на него рукой Огастес.

— Ты ведь недавно приехал? — спросила меня Лаки. — Добро пожаловать в Либерию! Как тебя зовут?

— Евгений, — ответил я.

— Йегьени... Тебе нужно больше есть, — посоветовала она с серьезным видом.

— Зачем? — удивился я.

— Чтобы стать большим и толстым, — объяснила она, — как настоящий начальник. Как Гена.

И она показала руками, какого внушительного размера должна быть моя талия, чтобы я мог считаться настоящим начальником. Опустив голову вниз, я глянул сквозь свисавшую до подбородка челку на свой тощий торс без малейших признаков мускулатуры. На моей бледной коже резко выделялись голубые вены и россыпи родинок. Вообще-то, мне нравилось быть худым... Но здесь, похоже, худоба была не в почете.

— Йегьени, у меня кончился стиральный порошок, — сказала Лаки. — Поэтому я не смогла помыть пол в твоей комнате. Дай мне денег, чтобы я могла сходить за ним. Тогда я и пол помою, и одежду постираю. А сейчас нечем стирать...

— Боссман, у меня «катлас» сломался,— перебил ее Огастес, показывая на лежавшее под скамейкой мачете со щербатым лезвием.— Мне теперь работать нечем.

— Было бы странно, если бы он не сломался, когда ты им землю рубил,— ответил я.

— Нет-нет-нет, это просто был плохой, слабый «катлас»! — запротестовал Огастес, даже привстав с места.— Если ты дашь мне денег, я куплю новый, крепкий!

— Да это разве тот «катлас», который у тебя был утром? — спросил Эби, вытаскивая из-под скамейки ржавое, покаленное мачете.— Утром у тебя был совсем новый «катлас». А этот весь черный, поцарапанный. На нем даже ручки нет.

— Конечно, это тот же самый «катлас», тупица! — подпрыгнул Огастес.— Ты лучше попробуй так работать, как я, вместо того чтобы спать у ворот!

— Хорошо же ты работаешь, что у тебя каждый день «катлас» ломается! — не отступал Эби.— Думаешь, я не замечаю твоих маневров?

— Замолчи! Или я тебе сейчас пощечину дам! — надвигался на него Огастес, угрожающе поднимая кверху ладонь. Он был выше и явно крепче охранника.

— А ты не порти мне игру! Тогда я не буду мешать тебе! — сказал Эби, отступая назад.

В этот момент где-то рядом раздался громкий автомобильный гудок. Эби побежал открывать ворота, а Огастес занял исходное лежачее положение на скамейке.

Во двор с гроыханием и скрежетом въехало желтое такси и остановилось у крыльца, испустив из выхлопной трубы облако черного дыма. Из машины вышел плотный усатый мужчина невысокого роста и неспешно, с чувством собственного достоинства направился в мою сторону — так, видимо, и должен передвигаться африканский начальник. За ним следовал высокий худой парень в форме охранника.

— Д-добрый д-день, с-сэр! — сказал мужчина низким хриплым голосом и отдал мне честь по-военному. — Меня зовут Чарльз, я — д-директор охранного агентства, а это — мой п-помощник. Шимон п-просил меня с-срочно п-приехать. Что с-случилось?

— Ну, не то чтобы что-то особенное случилось, — сказал я, смущенно почесывая затылок. — Просто ваши охранники постоянно спят. Когда к воротам приезжает машина, они ничего не слышат и...

— Т-ты! — грозно крикнул Чарльз в сторону Эби, который робко стоял у ворот, переступая с ноги на ногу. — Иди с-сюда!

Тот подбежал к нам и встал рядом с помощником Чарльза. Оба вытянулись по стойке «смирно».

— В-внимание! — отрывисто выкрикивал Чарльз, как военачальник, перед которым стоял гарнизон бойцов, идущих на решающее сражение. — Наша з-задача — з-защитить наших к-клиентов! Т-ты — с-стоишь у ворот и не п-пропускаешь п-преступников! Т-ты — находишься в з-задней части д-двора! Я...

Чарльз сделал драматическую паузу, поднял подбородок кверху и торжественно проговорил:

— Я с-сегодня всю ночь б-буду лично находиться з-здесь, чтобы обеспечить б-безопасность этого д-дома! В-вольнo!

Завершив свою пламенную речь, Чарльз медленно повернулся ко мне:

— П-передай своим б-братьям, что они могут с-спать с-спокойно! Я — один! — защищу вас всех!

Закончив свое показательное выступление, Чарльз оглянулся по сторонам, как будто желая увидеть реакцию публики. Не увидев во дворе никого, кроме насмешливо разглядывавшей его прислуги и пары испуганных его криками мартышек в клетке, Чарльз кашлянул в кулак, взял меня за локоть и отвел в сторону.

— А где Ш-шимон и его б-брат?

— Разве Гена брат Шимона? — переспросил я. — Я не знал.

— Я не осведомлен о с-степени их родства, — пояснил Чарльз. — Говоря «б-брат», я п-подразумеваю «с-соотечественник».

— А-а... Они дома. Спят, скорее всего.

— П-правильно делают, — сказал Чарльз. — П-полуденная жара — самое п-подходящее время для сна. У в-вас есть чего-нибудь п-попить?

— Точно не знаю, — неуверенно ответил я. — Кажется, в холодильнике есть кока-кола.

— П-пойдет, — кивнул Чарльз.

— Зайдете?

Чарльз махнул рукой своему заместителю:

— Бобби, иди сюда!

Я усадил гостей на диван в гостиной, принес из холодильника две банки колы и сел напротив.

— Я з-заметил нескольких весьма п-подозрительных особ возле вашего к-компаунда. Я имею в виду д-девушек,— сказал Чарльз, делая особое ударение на последнем слове.— Кто они, и что они здесь д-делают?

— Это друзья Гены. Ждут его,— ответил я.

Чарльз насмешливо усмехнулся и одним махом выпил полбанки колы.

— Т-ты ведь недавно п-приехал в Либерию? — спросил он, вытирая губы тыльной стороной ладони.

Этот вопрос уже начал выводить меня из себя. Как они определяли, что я недавно приехал? По бледному цвету кожи? По длине волос? Или по наивному выражению лица?

— Вижу, что т-ты здесь новенький,— продолжил Чарльз, не дожидаясь ответа.— П-позволь т-тебе кое-что объяснить.

«Что на этот раз? — подумал я, мрачно глядя на Чарльза.— Что мне надо потолстеть, или постричься, или еще что-нибудь? Может, сегодня в Либерии День мудрых советов?»

— Д-дело в т-том, что в нашей стране недавно закончилась гражданская война,— сказал Чарльз.— Моральные устои нашего народа п-пошатнулись до основания. В столице Либерии, к-которая называется Монровия, п-полно п-преступников. Вся эта молодежь, которая

слоняется п-по улицам б-без дела,— п-потенциальные п-преступники. Я п-приветствую вас в нашей стране, потому что понимаю, что вы — инвесторы, вы п-помогаете восстановить экономику нашей страны. П-поэтому я готов вам п-помогать. Но вам нужно с большой осторожностью относиться к тем людям, которые вас окружают и которых вы называете д-друзьями.

— Полностью с вами согласен,— сказал я, впечатленный его величавой манерой изъясняться.— Я вообще никого не считаю своим другом. Такой у меня характер.

— С-совершенно п-правильная п-позиция! — одобрительно кивнул Чарльз.— В Монровии есть несколько крайне опасных районов, где я бы не советовал вам находиться в темное время суток. П-позвольте, я напишу для вас названия этих районов.

Он взял лежавшую на столе школьную тетрадь в клетку, открыл ее на первой странице, достал из нагрудного кармана рубашки шариковую ручку и написал огромными буквами, произнося вслух каждый слог:

— Дуала маркет! Это раз!

Написанные гигантскими каракулями, эти два слова заняли всю страницу. Чарльз перевернул лист и написал таким же гигантским почерком:

— Рэд лайт! Это два!

Теперь и вторая страница оказалась исписанной, и он перешел на следующую.

— Свободный порт Монровии! Три!

На этой странице места уже не было, и он снова перевернул лист.

«Так он, пожалуй, за пару минут всю тетрадку испишет», — подумал я.

— Кладбище Палмгроув! Это четыре!

«С какой стати я пойду на местное кладбище, тем более в темное время суток?» — подумал я, замороженно наблюдая за тем, как Чарльз старательно вырисовывает буквы латинского алфавита.

— Вест Пойнт! Очень опасное место! Много преступников! Это пять!

Дойдя до восемнадцати, Чарльз задумался. Засунув в рот ручку, он с сожалением перелистывал оставшиеся чистые страницы, которые ему явно не хотелось оставлять незаполненными. Наконец он со вздохом закрыл тетрадку и протянул ее мне.

— Запомните эти названия и никогда не ходите в эти места, особенно н-ночью!

— А днем можно туда ходить?

— Днем там оченьлюдно и шумно. Это идеальные условия для к-карманников. Днем лучше тоже туда не ходить.

— А в остальные места можно ходить ночью?

— Ночью я не советовал бы вам п-покидать ваш д-двор, к-который находится под защитой моих людей,— авторитетно заявил Чарльз.

— А если мне будет необходимо пойти в одно из этих мест ночью?

— В этом случае рекомендую вам п-позвонить мне, и я буду лично сопровождать вас во время этого рискованного п-путешествия,— сказал Чарльз, широко улыба-

ясь.— Разрешите спросить, где у вас находится уборная? Я вернусь через минуту.

Чарльз скрылся в туалете, и я остался наедине с Бобби, который понемногу тянул колу из банки и молча буравил меня прищуренными маленькими глазами с масляной улыбкой на лице. Мне стало не по себе.

— Значит, у тебя нет друзей? — вкрадчиво спросил Бобби высоким голосом, по-кошачьи растягивая слова.— Хочешь, я буду твоим другом?

Я молча смотрел на него, пытаюсь понять, что именно в его поведении кажется мне странным.

— Ты очень умный парень, чудесный парень,— почти пропел Бобби, нагибаясь вперед.— Ты пойдешь очень далеко. Но тебе нужна помощь. Хочешь, я буду тебе помогать? Мы будем лучшими друзьями — все время, пока ты будешь в Либерии. А когда ты отправишься назад в Европу, я поеду с тобой и буду помогать тебе там. Нам будет очень хорошо вместе...

Я поморщился и отвел взгляд в сторону. Из-за не слишком мужественной внешности меня регулярно принимали за гея. Однако же мысль о физической близости с лицами своего пола не вызывала у меня особого энтузиазма и желания экспериментировать в этом направлении.

Бобби продолжал что-то говорить с улыбкой на лице, но я его уже не слушал. Смелчак, однако! Будь я геем, рискнул бы я так дерзко клеить первого встречного? Я и с девушками-то на улице мог познакомиться, только если перед этим основательно принял на грудь.

Я с сочувствием и даже некоторым уважением посмотрел на тонкую шею Бобби, одиноко торчащую из рваного, серого от грязи и времени воротника рубашки. Интересно, он делает подобные предложения всем белым, с которыми работает его босс? И часто ли ему сопутствует удача?

К счастью, Чарльз вскоре вышел из уборной и бросил своему помощнику:

— Пойдем, Бобби!

Я проводил их до машины, борясь с желанием дать Бобби пинка под зад. Огастес и Лаки дремали, полулежа на скамейке, под романтические баллады «Westlife» о счастливой и несчастной любви. У ворот стоял Эби и изо всех сил боролся с сонливостью. Прислонившись спиной к бетонному ограждению, он пытался стоять по стойке «смирно», но его голова снова и снова непослушно падала на грудь...

— Это — мой автомобиль, — сказал Чарльз, махнув рукой на такси. — Я еще т-таксистом работаю. Т-таким образом, у меня три б-бизнеса.

— Три? А какой третий?

— Ч-читаю лекции в университете.

— Ого!

— А еще я с-содержу ломбард.

— Это, получается, уже четвертый бизнес?

— Ну да. А еще я п-проповедую в церкви.

— И как же вы все успеваете?

— Я не сплю.

— Совсем?

— Не больше д-двух часов за ночь! Так-то вот,— сказал Чарльз, садясь за руль.— Ладно, мне пора ехать по делам. Мы с Бобби сегодня еще п-приедем к вам на ночную смену. Скажи своим б-братьям, что п-под моей защитой они могут спать спокойно! Увидимся вечером.

Машина тронулась с места, заполнив полдвора серым дымом. Бобби, высунув голову из окна, заговорщицки подмигнул мне со все той же масляной улыбкой на лице.

— Тьфу ты! — сплюнул я и пошел к джипу за сигаретами. Там, под задним сиденьем, я обнаружил недокуренную утреннюю самокрутку.

Через минуту я уже стоял на крыльце, выпуская дым в знойный полуденный воздух. Ощущение было такое, как будто я курил в парилке. Выдыхаемый мной дым был, наверное, прохладнее окружающего воздуха. Было около двух часов дня; судя по всему, зной достиг своего пика. Или будет еще жарче? У меня и так уже мозги плавились, и шевелить ими получалось с большим трудом. Как люди вообще существуют в этом климате?

Настроение у меня было ниже плинтуса. За минувшие сутки по моему самомнению было нанесено слишком много сокрушительных ударов. У меня украли деньги и телефон, с меня сняли обувь и рубашку, все подряд поучают меня, как маленького, а тут еще охранник любовь предлагает... Ни с кем другим не могло бы случиться столько нелепых историй за одни сутки!

К крыльцу подошел Эби, вежливо кашлянул и продолжил начатый ранее разговор:

— Лучше бы вы наняли нас напрямую. Мы бы с радостью уволились из агентства! Шеф забирает большую часть того, что платят за нашу работу...

— Может быть, вам лучше попросить шефа о том, чтобы он увеличил вам зарплату?

— Это бесполезно,— покачал головой Эби.— У него очень жадная жена. Она «съедает» все его деньги... Либерийские женщины — очень-очень алчные. Раньше у меня была девушка — очень красивая, большая такая! Она родила от меня ребенка, а теперь не хочет со мной общаться. Живет у своей матери, а та даже на порог меня не пускает.

— Почему?

— Потому что я беден! У меня мало денег...

— Только поэтому?

— Эх, Йегфени... — горестно покачал головой Эби.— Здесь, в Либерии, девушка на тебя даже и смотреть не будет, пока не дашь ей денег.

«Если бы в Беларуси женщины так же бескомпромиссно относились к вопросу финансовой состоятельности мужчин,— подумал я,— то половина белорусских детей росла бы без отцов».

— Но я сказал ей во время нашей последней встречи,— продолжал Эби.— «Ты поступаешь очень, очень глупо. Ведь жизнь не статичная, она динамистичная».

— Какая?

— Динамистичная.

— А что это значит?

— Что жизнь не стоит на месте, — пояснил Эби. — Так говорит пастор церкви, где я играю на барабанах. Сегодня я беден, но завтра могу стать богатым. И тогда она будет жалеть о своем решении...

Эби замолчал, задумчиво качая головой и, видимо, рисуя в уме картины своего грядущего реванша. Я молча затыгивался терпким дымом, глядя на двух мартышек, которые неумоимо скакали в своем деревянном домике. Время постепенно замедлялось и вскоре остановилось совсем. Здесь, на экваторе, оно не имело значения. Завтрашний день не существовал, равно как и вчерашний. Казалось, африканцы существовали в каком-то ином измерении. Эти люди, которые, просыпаясь утром, не знали, удастся ли им сегодня раздобыть чего-нибудь поесть, и могли годами ходить в одной майке, а обуви не иметь вовсе, выглядели такими невозмутимыми, гармоничными и свободными! Особенно по сравнению со мной — угловатым, нервным меланхоликом.

* * *

Положив локти на перила, я смотрел на ярко-желтый песок под крыльцом, где носились друг за другом оранжевые ящерицы, изящно изгибаясь и отбрасывая в стороны фонтанчики пыли. Время от времени они неожиданно останавливались и начинали выполнять ритмичные отжимания на передних лапках.

«Что такое этот материальный мир? — подумал я. — Только лишь зыбкое призрачное отражение в мутном зеркале моего разума, и ничего более».

Внезапно моя голова стала очень тяжелой и начала медленно, но неуклонно падать вниз. При помощи колоссального усилия воли и титанического напряжения мышц шеи мне удалось в последний момент предотвратить удар лбом о бетонные перила, что вполне могло иметь такие же катастрофические последствия для нашей планеты, как столкновение с крупным космическим телом, учитывая, что моя голова весила никак не меньше астероида средних размеров.

С трудом оторвав локти от парапета и выпрямившись, я стал посреди крыльца, широко расставив ноги для лучшей устойчивости, качаясь из стороны сторону, как пьяная корова. Может быть, улечься вздремнуть прямо здесь, на бетонном полу? Пару минут я всерьез обдумывал эту возможность, взвешивая степень вероятности каких-нибудь неприятных последствий. Может быть, у них тут водятся какие-нибудь многоногие ухвертки, которые проникают в организм спящего на земле человека и откладывают в его крови сотни тысяч крохотных яиц? В самом деле, я до неприличия мало знал о местной флоре и фауне... Медленно и осторожно я начал двигаться в сторону входной двери, тяжело переставляя ноги, как исполинская черепаха.

До такого близкого, но такого далекого порога, за которым меня ждали несколько сотен кубометров прохладного кондиционированного воздуха, а также моя широкая скрипучая кровать, оставались считанные сантиметры, когда в доме послышались стремительные шаги, и входная дверь с грохотом распахнулась, вызвав паде-

ние нескольких кусков штукатурки со стен и паническое бегство зазевавшихся ящериц.

Стукнув мускулистой, смуглой, покрытой густыми черными волосами грудью мой многобедный лоб, Шимон вытаращил глаза и весело воскликнул:

— Vaffanculo! Ефгени, друг мой! Как дела?

Выспавшийся Шимон был бодрым и звонким, как весенний огурец. Он смотрел на меня с дружелюбной улыбкой на лице и ждал ответа. Я открыл рот и всерьез задумался над его вопросом. Это просто формальное приветствие, или же он действительно интересуется состоянием моих дел? В любом случае, с каких именно слов лучше было бы начать свою речь? Тяжеловесные, неповоротливые мысли в моей голове шевелились со скоростью движения материков по поверхности мантии Земли, которые вроде бы планируют через триста миллионов лет объединиться в один гигантский суперконтинент.

Вне всякого сомнения, мои напряженные размышления со временем дали бы свои плоды, и я когда-нибудь что-нибудь наверняка ответил бы, но Шимон не стал дожидаться, пока я сформулирую свои мысли, вместо этого задав еще один, более конкретный вопрос:

— Вы говорили с директором охранного агентства?

— Да... Он приезжал... Но...— начал сбивчиво объяснять я.

— Ты сказал этому негодяю,— нетерпеливо перебил меня Шимон,— что мы расторгнем контракт с его фирмой, если его сотрудники еще раз будут обнаружены спящими на рабочем месте?

Я запнулся и растерянно почесал голову. Вроде бы ничего такого я Чарльзу не говорил. По правде говоря, по ходу разговора с ним я начисто забыл об инструкциях Шимона относительно стратегии ведения этих переговоров... Шимон, прищурившись, смотрел на меня из-под нахмуренных бровей.

Собрав волю в кулак, я придумал довольно-таки складный ответ:

— Чарльз сказал, что сегодня ночью он лично будет находиться здесь, во дворе, чтобы проконтролировать своих сотрудников.

— Ничего себе! — с интересом отозвался Шимон. — За те две недели, что он предоставляет нам свои услуги, он много чего говорил, но такого я от него еще не слышал. Посмотрим, что из этого выйдет.

— А еще охранники предлагают нанять их напрямую, без агентства, — добавил я, вспомнив о предложении Эби.

— Это еще зачем?

— Они говорят, что начальник забирает себе львиную долю денег, а им остаются крохи. Что из-за этого они недоедают и поэтому все время хотят спать.

Шимон только отмахнулся от этой в общем-то неплохой идеи, как от надоедливой мухи:

— У нас большие планы в Либерии, но создание собственного охранного агентства в них точно не входит. Лучше уж мы будем дополнительно кормить охранников, если это поможет им лучше выполнять свои обязанности. А где Гена? Он мне нужен.

— Он пошел прилечь.

— Обычно у этого мальчика рабочее время начинается после десяти часов вечера,— усмехнулся Шимон.— Но сегодня мне понадобится его помощь.

Он повернулся, распахнул дверь и пошел в дом, крича громко и нараспев— как мама, зовущая из окна своего малолетнего сына, который заигрался с ребятами во дворе:

— Ге-на! Ге-е-на-а! Vaffanculo! Ге-е-на-а!

Однако разбудить Гену было непросто. Сначала Шимон вежливо стучал по двери Гениной комнаты костяшками пальцев, ласково предлагая ему «открыть глазки» и «на минутку выглянуть в окошко». Каждый раз Гена отвечал, что уже встает и сейчас выйдет, но затем, видимо, снова засыпал. Шимон ждал несколько минут на диване в гостиной, нетерпеливо поглядывая на настенные часы, а потом вскакивал со своего места и снова начинал стучать в дверь, с каждым разом все громче и настойчивей. Я наблюдал за происходящим с вялым интересом, поедая бутерброды с ветчиной и сыром.

Через двадцать минут после начала осады Шимон решил пойти на решительный штурм: хрипло ругаясь на иврите, он подбежал к двери Гениной комнаты и стал изо всех сил молотить по ней кулаком. Расшатанный этим кавалерийским напором замок вывалился из гнезда и с глухим стуком покатился по дощатому полу внутри комнаты. Дверь медленно, со скрипом открылась, и перед нами предстал заспанный Гена; слегка приподнявшись с постели, он смотрел на нас с крайне недовольным видом.

— Ну что случилось? Почему нельзя поспать? — спросил он обиженно.

— Гена! — возмущенно воскликнул Шимон, вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

Некоторое время они переругивались на иврите; затем Гена вышел из комнаты с возмущенным выражением лица и направился во двор. В одной руке он держал зажженную сигарету, а в другой — телефон.

Через минуту с улицы послышался его голос:

— Привет, папа. Нормально дела, работаем. Ну, какие новости... Работаем... Слушай, па, нам сейчас срочно деньги нужны. Сегодня. Рабочим платить и другие расходы. До закрытия банка пару часов осталось. Ага, объясни, что срочно. Ну, хоть сколько. Пусть по «Вестерн Юнион» на меня отправит, сколько сможет. Перезвони, когда будешь знать, ладно? Нет, не курю я. Просто дышу так. Здесь жарко, тяжело дышать. Да не курю я, сказал ведь. Ага, маме привет. Пока.

Глава 6

Вскоре Гене перезвонили и сказали, что деньги отправлены. Нужно было торопиться в банк, но Гена заявил, что голодным никуда не поедет, и пошел на кухню жарить яйца с беконом. Шимон хрипло ругался на иврите, с трудом сдерживаясь, чтобы не наброситься на него с кулаками. Полуголый Гена тем временем стоял у плиты и невозмутимо добавлял в сковороду специи и соусы.

— Я Шимону сказал, что на этом корыте не поеду, — объяснил мне Гена суть их спора, кивая в сторону окна, сквозь которое был виден блестящий на солнце черный джип. — Там же кондиционер не работает! Сейчас в городе пробки. Пока до банка доберемся, заживо зажаримся. Эту машину надо в ремонт отдать.

— Тогда как мы поедем?

— Я сказал Огастесу, чтобы нашел мне мотоцикл,— ответил Гена.— Кстати, я только что отдал Лаки в стирку свою одежду и постельное белье. Ты что-нибудь стирать будешь?

— Лаки говорила, что у нее стиральный порошок кончился,— вспомнил я.

— Не обращай внимания,— зевнул Гена.— У них постоянно все кончается и ломается. На этот случай я храню у себя в комнате несколько пачек стирального порошка. Так ты будешь что-нибудь в стирку отдавать?

— Ну,— задумался я.— Разве что носки...

— Да уж, после этой твоей, как ее там, это будет не лишнее. У нее вполне могла быть какая-нибудь зараза на ногах.

Мои носки лежали в комнате на полу. Беларусского производства, темно-серые, с ромбиками, растянутыми резинками и протертые на пальцах. За последние несколько дней на их долю выпало немало опасностей. Их могли снять с меня ночные грабители, да и Сусу могла их утащить с собой. Практической ценности они на данный момент для меня не представляли: кроссовок у меня уже не было, а со сланцами носки не поносишь. Однако они были дороги мне как напоминание о том недавнем, безвозвратно ушедшем времени, когда я был счастливым обладателем пары удобных спортивных вездеходов.

Вскоре Огастес пригнал во двор потрепанный китайский мотоцикл. Гена сел за руль, я устроился на заднем сиденье. Шимон, нахмурившись и недоверчиво приподняв брови, глядел на нас с крыльца и неодобрительно

качал головой. Гена нажал на газ, и мотоцикл вынес нас за ворота, вклинившись в густую массу людей на улице, наполненной до краев оглушительным городским шумом.

На наковальню темно-красного латерита раз за разом шумно падал раскаленный солнечный молот, озаряя кривые улочки либерийской столицы зловещим ядовито-желтым светом. Африканцы, с густой испариной на коже, обожженной палящим солнцем, устало склоняли головы под невыносимой тяжестью гигантского атмосферного пресса, состоявшего из горячего влажного воздуха и ослепительного света.

Бродячие продавцы с заунывными хриплыми криками толкали перед собой деревянные тележки, на которых были свалены в кучу товары широкого потребления: кокосы, магнитофонные кассеты, газеты, печенье, поношенная одежда и обувь. Женщины, обернутые вокруг туловища цветными тканями, несли на головах пластиковые мешки с углем, тазы с грязными клубнями, спортивные сумки. Худые дети, одетые в гигантские, не по росту, майки, весело прыгали через канавы и рылись в мусорных кучах. Гене приходилось постоянно сигналить, чтобы сонные, неторопливые люди успевали отпрыгнуть в сторону.

Полчаса спустя мы подъехали к серому бетонному зданию, стены которого были украшены следами от автоматных очередей. У входа, под грязно-белой вывеской «Всеафриканский банк», дежурила целая толпа калек, которые при нашем появлении пришли в движение и устремились к нам, опираясь на костыли или же приветственно пома-

хивая обрубками рук. Через мгновение они окружили нас плотным кольцом, наперебой прося дать им хоть что-нибудь, предлагая посторожить мотоцикл или оказать другие услуги. Калеки источали такую оглушительную вонь, что я невольно зажмурился и сжал ладонями виски.

Лопоухий паренек обхватил мой локоть двумя культиями и, щербато улыбаясь, гнусаво заорал мне в ухо:

— Белый человек, помоги инвалиду войны!

Два охранника в темно-синей униформе грубо отпихивали калек в сторону, прокладывая нам дорогу; те в ответ надрывно орали хриплыми голосами и яростно размахивали костылями над головой, угрожая проломить охранникам головы, раздробить ребра и затем вволю поиздеваться над их бездыханными телами.

Благодаря охранникам мы кое-как прорвались сквозь эту зловещую толпу, торопливо поднялись по ступенькам и вошли в банк.

Мы оказались в просторном помещении с высоким потолком и выкрашенными желтой краской бетонными стенами. Кассиры сидели вдоль стены за большими деревянными столами; к каждому из них тянулась длинная очередь посетителей. Уныло вздыхая, вытирая струящийся по лицам пот, очередь смотрела на стенные часы, равнодушно делящие время на части секундной стрелкой, которая то торопливыми рывками опадала вниз, то снова с трудом ползла вверх, замедляя шаг под неумолимым всепроникающим давлением влажного воздуха.

— Это надолго... — вздохнул Гена.

Мы встали в очередь. Гена принялся играть в змейку

на телефоне, а я стал наблюдать за тем, как сотрудники банка работали с клиентами.

В этой нищей, разоренной войной стране счастливые обладатели должности кассира в отделении банка, по-видимому, считали себя представителями касты избранных и вели себя с соответствующей их особому положению неспешной царственной величавостью. Они манерно всплескивали руками и снисходительно закатывали глаза, обнаружив ошибку в бланке, который кое-как заполнила, держа огрызок карандаша своими толстыми мозолистыми пальцами, грустная тетка с прической в форме редиски. Они томно зевали во весь рот, со скучающим видом разглядывая грязные потеки на потолке, пока стоявший напротив посетитель, нервно переминаясь с ноги на ногу и запинаясь от волнения, сбивчиво излагал суть вопроса. Очевидно, эти кассиры достигли своей цели в жизни и теперь наслаждались каждой секундой своего рабочего времени и совершенно никуда не торопились. Соответственно, очередь почти не двигалась.

— Смотри, там банкомат стоит, — сказал Гена, оглянувшись по сторонам. — Пойдем, попробуем снять немного денег с карточки. Хоть кока-колы возьмем попить.

Раз за разом Гена упрямо засовывал свою «Визу» в банкомат, и всякий раз тот с презрительным гудением выплевывал ее обратно.

— Эй, иди сюда! — позвал Гена щуплого охранника, неспешно прогуливавшегося по залу.

— Что случилось? — спросил тот, подходя поближе.

— Почему банкомат не работает? — спросил Гена.

— Эта штука не работает? — переспросил охранник.

— Нет! — возмущенно сказал Гена. — Я засовываю туда карточку, а она выпрыгивает обратно.

— О... — уважительно сказал охранник, понимая кивая головой.

— Что «о»? — передразнил его Гена. — Почему банкомат не работает?

— Не работает? — озадаченно переспросил охранник.

Гена покраснел от раздражения. Подойдя к охраннику вплотную и глядя на него сверху вниз, Гена сказал высоким, прерывающимся от волнения голосом:

— Вот именно! Я вставил карточку в банкомат, а он выплюнул ее обратно!

Охранник недоуменно посмотрел на Гену и на всякий случай отдал ему честь.

— Извините, сэр! А что он должен сделать?

— Распознать ее! — возмущенно взмахнул рукой Гена.

— О... — уважительно сказал охранник, кивая головой.

— Смотри, — сказал Гена, поворачиваясь к банкомату. — Я вставляю карточку в банкомат...

Охранник подошел поближе и даже нагнулся вперед, чтобы лучше все видеть. Карточка вошла в карт-ридер, и банкомат издал приятное тихое гудение; затем дисплей внезапно погас, и банкомат перестал подавать признаки жизни. Гена замер с открытым ртом и поднятой кверху рукой, которой готовился достать карточку, когда она выпрыгнет наружу.

Выпрямившись, охранник воскликнул с неподдельным изумлением:

— Что?.. Эта штука проглотила ее!

Яростно матерясь, Гена принялся стучать кулаком по кнопкам банкомата.

Схватив его за руку, охранник строго сказал:

— Боссман, немедленно прекрати ломать этот механизм!

— Как я его сломаю, если он и так не работает? — закричал Гена. — Ты же все видел!

— Я видел, что автомат перестал работать, после того как ты засунул в него свою карточку, — сказал охранник. — Может быть, с твоей карточкой что-то было не так?

Вокруг нас уже начала собираться толпа любопытных. Люди переводили взгляд с банкомата на нас и спрашивали друг у друга:

— Что случилось?

— Что происходит?

— Ты видел, что случилось?

Повернувшись к зрителям, охранник принялся излагать всю историю с самого начала:

— Вот как все было. Я делал свою работу, ходил по залу — все как обычно. Тут — вдруг! — меня позвал боссман: «Эй, иди сюда».

Бесцеремонно расталкивая столпившийся народ, к нам пробился директор банка и не терпящим возражений тоном пригласил нас пройти в свой кабинет.

Поднявшись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж, мы вошли в просторный кабинет, где... работал кондиционер! Я стал жадно вдыхать прохладный воздух, ощущая, как у меня с каждой секундой прочищаются мозги.

— Присаживайтесь, — сказал директор банка, указав на массивный деревянный стол в центре кабинета.

Я потянул за спинку стула, чтобы отодвинуть его от стола; стул остался стоять на месте, как будто был приклеен к полу.

— Красное дерево, — с улыбкой сказал директор банка. — В огне не горит, в воде тонет. Охранник, чего стоишь, помоги моему клиенту!

Директор был одет в стильный темно-синий костюм и черные лаковые туфли с острыми носами. Пиджак был без лацканов и носился без рубашки, открывая обзору центральную часть груди — видимо, по местной моде. На обоих запястьях у директора красовались массивные золотые браслеты, на пальцах рельефно блестели крупные золотые перстни. Голова у него была гладко выбрита, на переносице красовались очки в блестящей позолоченной оправе, сквозь которые он внимательно нас разглядывал.

— Итак, в чем проблема? — спросил он.

— Я хотел бы узнать, почему ваш банкомат не хотел принимать мою карточку? — робко поинтересовался Гена, несколько подавленный властными манерами директора.

— Дело в том, что одни карточки работают с нашими банкоматами, а другие — нет, — снисходительно объяснил директор.

— А почему тогда банкомат съел мою карточку? — язвительно поинтересовался Гена. — Потому что одни карточки он съедает, а другие — нет?

Директор вопросительно посмотрел на охранника.

Тот вытянулся по стойке «смирно» и стал обстоятельно объяснять:

— Да, действительно, этот механизм проглотил карточку боссмана! Дело было так...

Выслушав охранника, директор пересел поближе к нам.

— Видите ли,— сказал он, кашлянув в кулак,— этот автомат работает в тестовом режиме. Его к нам недавно привезли из-за границы, и мы пока еще не знаем, как его наладить.

— Но почему он тогда стоит в зале во включенном состоянии? — воскликнул Гена.

— Он не должен был быть включен,— покачал головой директор.— Может быть, дети баловались и случайно нажали на кнопку. Там столько людей! За всеми не уследишь. В любом случае охрана должна была вас предупредить.

Повернувшись к охраннику, директор хрипло заорал на него:

— Ты! Почему ты их не остановил?

Охранник испуганно попятился назад, пожимая плечами:

— Но, боссман... Мне-то откуда знать? Я думал, белый человек знает, что делает...

Директор повернулся к нам:

— Меня зовут Муса, и я буду рад помочь вам всем, чем могу. Итак, с какой целью вы пришли в мой банк?

— Нам нужно получить десять тысяч долларов по «Вестерн Юнион»,— ответил Гена.

Муса протянул нам лист бумаги и ручку:

— Напишите имя и страну отправителя. Сейчас мои люди принесут ваши деньги.

— Секретный код нужно писать? — спросил Гена.

— Нет, — с высокомерной улыбкой ответил директор. — Это ведь мой банк.

— Ладно. Скажите, а когда я получу назад свою карточку? — спросил Гена.

— Не волнуйтесь, мы сегодня же вызовем механика, вскроем автомат и достанем вашу карточку. Напишите на этом листе также ваши телефонные номера, чтобы мы могли с вами связаться. Хотите холодной воды или кока-колы?

Нам принесли две покрытые испариной, прохладные бутылки кока-колы, накрытые сверху полосками туалетной бумаги. Задумчиво почесав голову, я вытер бумагой всю бутылку сверху донизу.

— Что ты делаешь? — насмешливо прошептал Гена. — Бумага нужна, чтобы убрать ржавчину с горлышка.

Он откупорил бутылку, и на стеклянном ободке под железной крышкой обнаружились толстые рыжие полосы. Очевидно, во влажном тропическом климате железо особенно сильно окислялось.

— А зачем приходят в банк все эти люди внизу, в зале? — спросил я у Мусы.

— В принципе, затем же, что и вы, — ответил он с улыбкой. — Они получают переводы из США, от своих родственников. За время гражданской войны туда эмигрировало больше ста тысяч либерийцев. Теперь они присылают своей родне по десять — двадцать долларов на проживание.

Забавно, но эти переводы — основной источник поступления валюты в страну. И международные гранты и кредиты. Вот в какой стране мы живем! На днях газеты написали, что в Либерии самый высокий уровень безработицы в мире — восемьдесят пять процентов. Но, дорогие друзья, поверьте мне, что это лишь временное явление. Либерия обладает огромными ресурсами: железная руда, золото, алмазы, красное дерево, каучук... Говорят, что на нашем шельфе есть нефть и газ. Пройдет несколько лет, и Либерия снова, как в былые времена, станет путеводной звездой Западной Африки!

В кабинет вошла сотрудница банка, неся в руках перевязанные резинками пачки мятых, грязных долларовых купюр, издававших сильный запах плесени и пота. Казалось, что эти ветхие бумажки могут рассыпаться в любой момент.

— Хорошенько припрячьте деньги перед тем, как выходить из банка, — сказал Муса. — На улице полно воров. Кстати, в следующий раз, когда вам нужно будет получить перевод, поднимайтесь сразу ко мне. У иностранных инвесторов нет времени на то, чтобы стоять в очереди. Если вам понадобится помощь в бизнесе, вы также можете ко мне обратиться. У меня очень мощные связи в этой стране, и я буду рад вам помочь.

Повернувшись к охраннику, он резко сменил любезный тон на грозный и хрипло заорал:

— Ты! Проведи моих друзей до машины. И смотри, чтобы с ними ничего плохого не случилось. В противном случае — пеняй на себя!

Ведя нас вниз по темной лестнице, охранник взволнованно бормотал:

— Я вообще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из посетителей когда-нибудь подходил к этой штуковине... Я хотел вас предупредить, но не успел...

— Здесь есть туалет? — перебил его Гена.

— Да, конечно, — закивал охранник. — Для сотрудников банка. Я вас проведу.

Он открыл деревянную дверь с табличкой «Personnel Only», и мы двинулись по узкому коридору. Здесь стоял оглушительный запах ветхих денег. Проходя мимо открытых дверей, я видел на столах кипы пестрых местных купюр, которые были в таком же жутком состоянии, как и те американские доллары, что нам выдали в кабинете директора.

— Вот туалет, — охранник указал рукой на приоткрытую деревянную дверь.

Гена галантно распахнул ее передо мной.

— Сэр, там только один унитаз! — воскликнул охранник.

— Ничего страшного, — сказал Гена и подмигнул ему.

— О... — заулыбался охранник. — Окей, окей...

Гена вошел в туалет вслед за мной и, нащупав рукой выключатель, зажег свет. Уборная представляла собой маленькую комнатку с унитазом без стульчака. Рядом стояло ведро с водой и черпак. С потолка на проводе свисала одинокая лампочка. Дверь запиралась при помощи загнутого гвоздя, вбитого в косяк.

Гена плотно прикрыл дверь, надавив на нее всем телом, и повернул гвоздь.

— Теперь охранник подумает, что мы — педики, — сказал я.

— Пусть думает, что хочет, — буркнул Гена, доставая пачки долларов из газетного листа, в который их заботливо завернул для нас директор банка. — Вдруг он в сговоре с этими ворами, которые нас ждут на выходе?

Расстегнув ширинку, Гена засунул себе в трусы несколько долларовых пачек и протянул мне остальные. Я проделал то же самое.

— Вот почему здесь деньги воняют, — пробормотал я. — Потому что их здесь носят в трусах и носках. И неизвестно, в каких еще местах...

* * *

Выйдя из туалета, Гена дал охраннику, который ждал нас в коридоре с ухмылкой на лице, пять долларов, чтобы тот помог нам благополучно добраться до мотоцикла. В ответ охранник поцеловал купюру и прижал ее ко лбу, нагнув голову в благодарном поклоне.

Распахнув входную дверь банка, охранник достал из-за пояса дубинку и сказал:

— Идите за мной быстрым шагом! Ни в коем случае не останавливайтесь!

И зашагал вниз по ступенькам, крича:

— Всем расступиться! Дорогу! Дорогу!

Вскочив на ноги, калеки дружно с оглушительным ревом устремились в нашу сторону.

— Пиздец, они же нас сейчас на части порвут! — испуганно взвизгнул Гена.

Оттолкнув охранника в сторону, он побежал вниз по ступенькам.

Я рванул вслед за ним.

До мотоцикла, который стоял в двадцати метрах от входа, оставалось уже совсем немного, когда Гена споткнулся о чей-то костыль и растянулся на земле; я, в свою очередь, споткнулся о него и бухнулся рядом.

Раздался дружный хохот. Около моего лица замелькали черные ноги в шлепанцах, и хриплые голоса закричали:

— Куда это вы так торопитесь?

— У белого человека дом горит?

— Я помогу вам встать, окей?

Несколько рук одновременно схватили меня за бока, плечи и руки. Тут где-то рядом раздались громкие голоса охранников; они бесцеремонно вклинились в толпу, осыпая попрошайек ударами дубинок. Те в ответ угрожающе замахали костылями... Это было похоже на начало серьезной потасовки.

Гена встал на четвереньки и крикнул мне:

— Поперли отсюда! Скорее!

Не поднимаясь с земли, на четвереньках мы проползли между ног дерущихся и торопливо взобрались на мотоцикл. Гена завел двигатель и, дав на сигнал гудка, поехал прямо через толпу. Калек осыпали нас ругательствами и хватали за одежду, но через десять секунд, опрокинув по пути несколько человек, мы выбрались на дорогу и помчались прочь, петляя между машинами и обгоняя другие мотоциклы.

- Посмотри, за нами никто не едет? — крикнул Гена.
Глянув назад, я проорал в ответ:
— Хуй знает! Там сто мотоциклов едет!
— Ладно, на всякий случай поднажмем.

Через несколько минут мы оказались на большом бетонном мосту через широкую реку. Отсюда открывался красочный вид: трущобные районы, состоящие из десятков тысяч пестрых домиков; обугленные бетонные здания довоенного времени; песчаные берега реки, заваленные горами мусора. Вдалеке виднелись почерневшие останки еще одного моста, центральная часть которого обвалилась в реку; с двух оставшихся обрубков в воду грузно свисали щербатые бетонные глыбы.

Под мостом раскинулся гигантский блошинный рынок — торговые ряды, сколоченные из досок, на которых лежали разнообразные товары и дремали их продавцы; между рядами бродили тысячи людей. За рынком начинались ремесленные кварталы: по обеим сторонам дороги сплошными рядами тянулись лавки, где продавались разнообразные инструменты, запчасти и стройматериалы, и ремонтные мастерские, где махали молотками и крутили гаечными ключами рабочие в грязных робах.

Впереди, чуть поодаль, на фоне безбрежной синей массы Атлантического океана слегка покачивались мачты кораблей и темнели причалы в порту. А сверху нам равнодушно светило гигантское тропическое солнце, зыбко пламеня в голубом небесном куполе.

Проехав мимо длинного бетонного ограждения с надписью «Свободный порт Монровии», мы свернули налево и вскоре оказались у склада, где компания «Металл Либерия» планировала хранить свой металлолом.

Склад представлял собой продолговатую поляну, покрытую редкой, выжженной солнцем травой. Посередине стоял большой металлический контейнер. Людей видно не было.

Дальний край площадки уходил в болото; там, в густой зелени, что-то квакало, шуршало и плескалось.

«Не крокодилы ли там купаются?» — с тревогой подумал я.

В передней части площадки было начато строительство забора, который на данный момент представлял собой невысокую, в полметра вышиной, кладку из крупных глиняных кирпичей с двухметровым зазором в том месте, где позже планировалось поставить ворота. Сквозь эту дыру мы и въехали внутрь.

Спрыгнув с мотоцикла, я услышал какой-то шум сзади. Обернувшись, я вздрогнул от неожиданности: на земле вдоль кирпичной кладки лежало полтора десятка африканцев, укрывшихся от солнца в тени недостроенного забора.

Подняв ладони кверху, они вразнобой приветствовали белое начальство вялыми возгласами:

— Хэллоу, боссман! Хэллоу!

Из-за контейнера, широко улыбаясь, неспешно вышли трое Мохаммедов. Мы обменялись рукопожатиями; при этом в момент расцепления ладоней каждый из них

слегка проводил средним пальцем по внутренней стороне моей ладони, цепляясь им за мой средний палец.

Заметив мое недоумение, Корума-младший воскликнул:

— Ага! Ты еще не умеешь здороваться по-либерийски! Сейчас я тебя научу.

Оказалось, что для совершения истинно либерийского рукопожатия необходимо было, чтобы здоровающиеся зацепились друг за друга средними пальцами, одновременно упираясь большим пальцем в средний палец товарища; когда пальцы соскакивали, должен был раздаться двойной щелчок. Когда после нескольких попыток я, наконец, успешно выполнил этот трюк, лежавшие у забора рабочие разразились аплодисментами и одобрительными криками.

— Пойдем в тень,— сказал Мохаммед Омар, кивая в сторону контейнера.— Солнце сегодня слишком жаркое.

За контейнером было немного прохладнее. Неподалеку возвышалось несколько ржавых резервуаров для нефтепродуктов. В акватории порта из воды тут и там торчали мачты затонувших кораблей; в сторону берега бежали пенные гребешки. Мне вдруг показалось, что океан постепенно приподнимается кверху, готовясь обрушиться на нас своей гигантской массой...

Гена угостил Корому-младшего сигаретой, и они закурили.

— Почему люди не работают? — строго спросил Гена.

— Че! — воскликнул Мохаммед Дьялло и стал загибать пальцы.— Цемента нет, песка нет, кирпичей нет...

— Хорошо, хорошо,— перебил его Гена, вытаскивая из ширинки пригоршню мятых, влажных купюр.— Сколько вам нужно?

— Четыреста долларов — на кирпичи,— сказал Омар, задумчиво глядя на Генины штаны.— Пятьсот долларов — на цемент. Триста долларов — на песок.

— Окей, тысяча двести,— сказал Гена, отсчитал нужное количество купюр и хотел было засунуть остальные деньги обратно.

— Сто долларов — транспортировка кирпичей, цемента и песка,— поспешно добавил Мохаммед Дьялло, подходя ближе.

Нахмурившись, Гена отсчитал еще несколько бумажек.

— Двести долларов — на инструменты,— сказал Кором-младший, выдыхая дым через нос.

— Вы что, не могли все сразу сказать? — проворчал Гена.

— Пятьсот долларов на зарплату рабочим,— сказал Мохаммед Дьялло, посмотрел на бескрайнюю линию горизонта в сине-голубой дали и добавил: — И двести долларов на питание рабочих.

— Слушайте, я же просил: говорите все сразу! — возмущенно воскликнул Гена, считая купюры.— Чтобы по десять раз в карман не лазить.

— Тысяча двести долларов — аренда бульдозера на два дня,— неумолимо прохрипел Омар, неотрывно глядя вытаращенными глазами на уменьшавшуюся пачку купюр в Гениных руках.

Гена хотел что-то сказать, но, закашлявшись дымом, молча отсчитал требуемую сумму.

— Тысяча пятьсот — наша зарплата, — проникновенно добавил Кором-младший, учтиво хлопая Гену по спине.

— Ваша зарплата — в следующий раз, — сказал Гена, засовывая оставшиеся несколько бумажек в карман джинсов.

Прощавшись с Мохаммедами, мы хотели уехать, но рабочие преградили нам дорогу.

Переминаясь с ноги на ногу и щурясь на солнце, они жалобно заныли:

— Боссман, мы хотим пить!

— Сегодня очень жарко!

— Дай нам денег на холодную воду!

Гена вздохнул, порылся в кармане и выдал им несколько бумажек. Рабочие сдержанно поблагодарили его, кивая головами. Когда мы отъехали от площадки, я обернулся назад; рабочие смеялись, что-то кричали и выплясывали замысловатый танец.

* * *

Едва мы выехали с площадки и снова оказались на дороге, как нас остановил сотрудник дорожной полиции — худой африканец в рубашке, джинсах и шлепанцах. О его принадлежности к местному ГАИ говорил лишь потертый бейдж на грязном шнурке, который болтался у него на шее. Как и все вокруг (включая меня), он был покрыт густым слоем пыли и пота, который струился по его лицу и шее.

— Почему ездите без шлема? Я конфискую мотоцикл,— рявкнул гаишник, брызгая слюной и обдавая нас смесью запаха марихуаны и алкогольного перегара. Быстрым движением руки он выдернул ключ из замка зажигания и сунул его к себе в карман. Вокруг нас тут же начал собираться народ, радостно предвкушая интересное зрелище и шумно комментируя ситуацию.

Полицейский так грубо орал на нас и вел себя с такой удивительной наглостью, как будто он был хозяином как минимум этой улицы, а то и всей Монровии. Он был не очень похож на стража порядка. Скорее он вел себя как уличный минский бандит образца середины девяностых, из тех, что крышевали торговые ларьки на Комаровском рынке,— типаж, который под давлением белорусских силовых ведомств практически исчез в двухтысячные годы. Работа полицейского была не настолько крутой, как у кассиров в банке, но все-таки давала определенный доход и ставила в привилегированное положение по отношению к другим либерийцам.

На бейдже гаишника, который он по ходу разговора периодически совал нам под нос, был изображен государственный герб Либерии, представляющий собой причудливую композицию, напоминающую пейзаж художника-примитивиста: безлюдное морское побережье, одинокая покосившаяся пальма, брошенные кем-то тачка и лопата, корабль, проплывающий мимо на всех парусах, летящий в противоположную сторону белый голубь с листом бумаги в клюве, половина солнца, почти закатившегося за залитый бескрайней водной гладью горизонт, и сверху— наци-

ональный девиз: «Любовь к свободе привела нас сюда». Я рассматривал эту странную картинку и пытался вспомнить, что она мне напоминала, почти забыв о существовании стоявшего перед нами стража порядка.

Пока гаишник плевался слюной, Гена аккуратно сунул ему в руку пару зеленых купюр; тот сразу же успокоился, вернул ключи и предложил взять его на работу начальником охраны.

— Мы ведь друзья, да? Пожми мою руку! Добро пожаловать в Либерию! — говорил он, качаясь из стороны в сторону. — Как называется ваша компания?

— «Металлическая Либерия» — ответил Гена.

— Как? — озадаченно наморщил лоб полицейский. — «Моральная Либерия»?

— Что? — очнувшись от задумчивости, спросил я у полицейского. — Как ты сказал?

— Что он говорит? Какая Либерия? — заинтересовался толпившийся вокруг нас народ.

— «Металлическая Либерия», — отрезал Гена с мрачным видом.

— А, так вы металлоломом занимаетесь? — воскликнул полицейский. — Тогда вам очень повезло! Я знаю очень хорошие места, где очень-очень много металлолома...

— А почему ты не задерживаешь этих нарушителей? — перебил его Гена, показывая на чернокожих мотоциклистов, которые ездили мимо нас без шлемов, босиком, по три человека на одном мотоцикле.

— У вас еще раз ключи забрать? — снова разозлился гаишник.

Гена молча завел двигатель, и мы медленно поехали сквозь толпу зевак, дававших нам дорогу неохотно и с явным разочарованием от того, что шоу так быстро закончилось.

Мы остановились у первого встречного автомагазина, чтобы купить мотоциклетные шлемы. Хозяин, пожилой ливанец с густой щетиной на щеках, дымил сигаретой, сидя в высокой деревянной будке; оттуда ему было видно все, что происходило в самых дальних уголках магазина. Остальными сотрудниками были африканцы; они лениво полулежали на прилавках или же дремали, сидя на ящиках с товарами.

— Добрый день, господа! — шумно и радушно приветствовал нас ливанец, как будто встречая хороших друзей, с которыми давно не виделся. — Рад вас видеть! Сейчас отправлю человека, чтобы посторожил ваш мотоцикл... Желаете чашечку ливанского кофе? Нет? Разрешите спросить, из какой страны вы приехали?

— Из России, — угрюмо сказал Гена, выразительно глянув на меня, и отошел к витрине, где были разложены мотоциклетные аксессуары.

— Вы не из ООН и не из благотворительных организаций, — хитро прищурился ливанец. — Разрешите спросить, что привело вас в эту ужасную страну?

— Бизнес, — не оборачиваясь, отрезал Гена.

Ливанец замолчал и разглядывал нас сверху, окутанный клубами сигаретного дыма. Лицо колоритного торговца, покрытое недельной щетиной, излучало уверенность в себе и завтрашнем дне. А ведь он круглосуточно

находился здесь, в одном из самых стремных районов Монровии, окруженный одними африканцами, в магазине с товаром на несколько сотен тысяч долларов. Что давало ему эту уверенность? Неужели он не беспокоился ни о чем, не боялся? Я на его месте, наверное, через пару недель свихнулся бы от тревоги. А этот ливанец, похоже, чувствовал себя вполне комфортно и на своем месте в этой «ужасной стране». Вероятно, он чувствовал бы себя на своем месте где угодно. В чем его секрет?

— Вам не нравится жить в Либерии? — спросил я.

— Нет, конечно! — не задумываясь, ответил он.

— Тогда почему...

— Потому что, — перебил меня ливанец, — больше нигде я не смог бы зарабатывать такие быстрые деньги. Я покупаю дешевые товары в Ливане, привожу их сюда и продаю в несколько раз дороже. В Либерии ведь ничего не производится. Рынок пустой!

— Но здесь ведь опасно?

— И не говори, брат... Постоянная головная боль... — сказал ливанец, сжимая ладонями виски. — Работаю здесь несколько месяцев, потом мне на смену приезжает брат, а я лечу в Ливан — полечить нервы, побыть с семьей, отдохнуть...

И он задумался о чем-то, затягиваясь сигаретой. Значит, ливанец не ловил кайфа от жизни в тяжелых условиях! Он просто умел держать себя в руках, справляться с напряжением, тревогой и страхом.

— Послушайте! Каким бы «бизнесом» вы тут ни занимались, я хочу вам посоветовать одно: никогда, ни при

каких обстоятельствах не доверяйте африканцам,— вдруг громко сказал ливанец, ничуть не стесняясь присутствия чернокожих сотрудников.— Они все — воры и лжецы. Не верьте никому! Только так вы сможете здесь выжить... Если вам что-то понадобится — обращайтесь ко мне. Я знаю эту страну как свои пять пальцев и могу решить любой вопрос.

— Сколько? — спросил Гена, показывая на темно-синий шлем.

— Этот? Тридцать пять долларов.

Гена удивленно приподнял брови и недоверчиво покачал головой, глядя на ливанца с искренним осуждением, как будто тот сказал что-то крайне неприличное.

— Я дам за этот шлем пятнадцать долларов,— наконец сказал Гена не терпящим возражений тоном.

— Сколько? — изумленно воскликнул торговец, даже приподнимаясь со своего места, чтобы лучше слышать и видеть собеседника.

— Тридцать,— сказал Гена.— За два шлема...

Ожесточенный торг продолжался целую вечность. Обе стороны пускали в ход все более неожиданные аргументы, отчаянно борясь за каждый доллар. У сотрудников магазина начисто пропала сонливость: они с искренним азартом следили за ходом дискуссии, сопровождая происходящее взволнованными возгласами.

В итоге Гена купил два шлема за сорок два с половиной доллара. Ливанец отсчитал сдачу либерийскими деньгами, презрительно кривя губы при виде такой неслыханной жадности.

На улице Гена сказал с самодовольной усмешкой, прикуривая сигарету:

— Когда еврей торгуется, араб может пойти покурить!

Мы продолжили путь в шлемах на голове. Должен признаться, что в такую жару носить этот головной убор было не слишком приятно: пот заливал глаза, было тяжело дышать, и мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание.

* * *

В час пик на бульваре Табмена была ужасная пробка. Мы свернули с главной дороги и поехали в объезд — кривыми узкими улочками, отчаянно сигналив проходим, которые беспечно гуляли по проезжей части. Вдруг воздух заполнился густым горьким дымом, и дорогу нам перегородили толпы бегущих куда-то людей.

Горели трущобы; целый квартал был охвачен пламенем. Стоявшие вплотную друг к другу хибары, сложенные из фанеры, картона, брезента, целлофана, бамбуковых палок и сухих листьев, были идеальным местом для пожара. Теперь над ними плясали высокие языки огня. Густой дым поднимался в голубое небо, как гигантское пугало в черном плаще, равнодушно наблюдавшее за панической суетой крошечных муравьишек.

Ошалевшие обитатели трущоб бегали вокруг охваченных пожаром домов, крича и завывая. Женщины выбегали из клубов дыма с детьми и пожитками в руках, беспорядочно кидали все это на землю и неслись обратно спасать остальное.

Рядом с кучами спасенного добра — алюминиевых котелков, одежды, стульев — стояла толпа зевак. Они оживленно галдели и показывали пальцами на погорельцев, даже не пытаясь чем-нибудь помочь.

— Что они делают? — усмехнулся Гена. — Угорят же из-за этого мусора.

— Нужно вызвать пожарных! — воскликнул я.

— Ага, и скорую помощь на вертолете. Здесь всего этого нет. Другое дело, что сообщая они могли бы потушить пожар — вместо того, чтобы стоять и смотреть.

— Сейчас я им объясню, что делать!

Я прыгнул с мотоцикла и стащил с головы шлем. Вот он, тот самый момент, когда я смогу проявить решительность, мужественность и бесстрашие! Чувствуя себя героем, призвание которого — защищать слабых и помогать оказавшимся в беде, я растолкал оживленно тараторящих людей и встал перед толпой, чувствуя спиной пульсирующий жар огня.

— Послушайте! — срывающимся голосом закричал я, отбрасывая с лица мокрые волосы. — Вместе вы сможете остановить огонь! Берите любые сосуды — котелки, кастрюли, ведра — и бегите к ближайшему источнику воды...

Мои слова потонули в издевательском хохоте и улюлюканьи.

— Белый человек пришел нас спасать! — кричали они. — Иди своей дорогой, мальчик, пока не опалил себе прическу!

Напрасно я пытался перекричать их... Невероятно! Эти люди не хотели, чтобы им помогали. Повесив голову,

я пошел сквозь толпу зевак, которые, добродушно посмеиваясь, ободряюще похлопывали меня по плечу.

Гена ждал меня у мотоцикла с ироничной усмешкой на лице, выпуская в воздух кольца сигаретного дыма.

Глава 7

И мы покатили дальше, виляя по узким кривым улочкам. По обеим сторонам дороги рядами тут и там стояли прилавки, на которых лежали всевозможные товары. У меня создавалось впечатление, что основным занятием либерийцев была продажа друг другу мыла, свечей, крекеров и других бытовых товаров. За прилавками сидели дети или женщины с детьми; они приветливо махали нам руками, ладони которых были ощутимо светлее остальной кожи.

— Знаешь, почему у негров ладони и ступни белые? — спросил у меня Гена, повернув голову назад. — Однажды бог решил покрасить всех людей в черный цвет. Поставил их в ряд с прижатыми к стене руками и стал красить по очереди. Ладони и ступни хотел потом закрасить, но увлекся и не заметил, как краска кончилась...

На очередном изгибе улицы я внезапно увидел впереди, в нескольких метрах от нас, потрепанный синий фургон, ехавший навстречу по нашей стороне дороги.

Гена резко повернул руль влево. Мотоцикл понесло в сторону, и мы стали заваливаться на левый бок, скользя по дороге, как фигурист на льду во время выполнения навороченной спирали. Мотоцикл стал плавно поворачиваться вокруг своей оси, наклоняясь все ближе к дороге. Гена повернул руль в другую сторону, и мотоцикл, продолжая поворачиваться, стал плавно подниматься вверх.

Для того чтобы описать это происшествие, мне понадобилось семьдесят шесть слов; в реальности же все это произошло за две-три секунды. Мое время почти остановилось, и я успел заметить и рассмотреть кучу разных деталей вокруг и задуматься о десятке разных тем.

Когда переднее колесо мотоцикла с размаху въехало в торчащее из земли железное ограждение, мое тело взмыло вверх и зависло в воздухе вверх ногами, словно я был акробатом, выполнявшим сложный трюк на арене цирка. Вскоре гравитация взяла свое, и, перелетев через руль, я ударился головой о землю и свалился на спину в полутора метрах от мотоцикла.

Несколько секунд я слышал только гул в ушах и видел только ватный красно-серый туман. Во рту стоял металлический привкус, как будто я поужинал медной проволокой. Открыв глаза, я увидел ярко-голубое небо. Медленно перевернувшись на бок, я стащил с головы шлем. На месте удара о землю на нем была глубокая вмятина.

«Будь я без шлема, эта вмятина могла бы быть в моем черепе», — спокойно подумал я.

Я встал на ноги и осмотрел себя со всех сторон. Ни переломов, ни серьезных ушибов вроде бы не было. Единственным видимым повреждением была рана на левой ноге: после торможения о грунтовое покрытие дороги из моей лодыжки оказался выдеран лоскут кожи размером с крупную монету. Из раны сочилась кровь, тонкими ручейками стекая вниз по ноге на шлепанец и падая алыми каплями в дорожную пыль.

Гена неподвижно лежал рядом с мотоциклом, не проявляя признаков жизни. Я тронул его за плечо; он застонал, открыл глаза и посмотрел на меня, моргая и щурясь от солнца. В этот момент он напоминал испуганного ребенка, который только что получил от родителей ремнем по попе. Крови и серьезных ран на нем видно не было.

Со всех сторон к нам сбегался народ, крича и махая руками; звуки голосов доносились до меня как будто издалека, сквозь толстый слой ваты. Фургон, с которым мы чуть не столкнулись, остановился поперек дороги; из кузова испуганно выглядывали женщины и дети, а водитель выпрыгнул из кабины, подбежал к нам и участливо склонился над Геной.

— Он в порядке? — спросил он у меня, пытаясь приподнять Гену с земли.

Гена оттолкнул его руку и сел, покачиваясь из стороны в сторону и сжимая голову руками.

— Вызывай полицию, — слабым голосом сказал Гена.

— Может, и врача вызвать? — спросил водитель фургона.

— И врача, — согласился Гена. — Пусть осмотрит нас и зафиксирует повреждения.

Вскоре прибыли полицейские и врач из соседней клиники.

В окружении галдящей толпы врач осмотрел Гену, который стонал при каждом его прикосновении, и обнаружил несколько ссадин и синяков. Моим единственным повреждением была содранная кожа на лодыжке.

Обработав наши раны йодом и заклеив их пластырем, врач с некоторым сожалением констатировал:

— Серьезных ран я не нашел. Тем не менее, когда вы завершите юридические формальности, я рекомендую вам пройти более тщательный осмотр в моей больнице.

— Теперь в полицию, — процедил Гена сквозь зубы. — Я эту сволочь засужу! Всю жизнь будет на штрафы работать!

И мы двинулись в участок.

Впереди с важным видом вышагивали полицейские. Рядом с ними семенил водитель фургона, объясняя на ходу, как и что случилось, кто он такой, из какого племени, чем занимается, сколько у него родни и так далее. За ними шли мы с Геной, толкая вперед мотоцикл. Позади нас топала шумная толпа зевак, которая по ходу движения стремительно увеличивалась за счет присоединения все новых любопытных. Небо быстро темнело, и к полицейскому участку наша процессия подошла почти в полной темноте.

Пригнув голову, чтобы не удариться о низкий потолок, я шагнул в бетонное строение с пустыми проемами вместо дверей и окон. За столом в центре сидел начальник полицейского участка и с глубокомысленным видом что-то писал в тетради. Не проронив ни слова, он величественно кивнул вошедшим полицейским и жестом предложил нам сесть на низкую лавку у стены, рядом с деревянной клеткой, где скучало с полдюжины задержанных правонарушителей.

Сопровождавшие нас зеваки, которые хотели присутствовать при разбирательстве, стали быстро заполнять помещение. Начальник, разом выйдя из своего медитативного состояния, встал с места, грозно сдвинул брови и заорал так громко, что я вздрогнул от неожиданности.

— Немедленно очистить служебное помещение от посторонних! Обвиняемые и пострадавшие остаются, остальные — на улицу!

Полицейские стали энергично выгонять незваных наблюдателей на улицу, используя для этого как словесные методы внушения в виде криков и угроз, так и грубую физическую силу в форме пинков и затрещин. Сидевшие в клетке правонарушители комментировали их действия одобрительными возгласами, советуя им то «наподдать как следует этому придурку в красной майке», то «врезать дубинкой еще вон тому уроду в синих шортах».

Полицейским удалось выполнить поручение шефа лишь отчасти: народ продолжал заглядывать в окно и топтаться в дверях, не обращая внимания на настойчивые требования полицейских не мешать следствию. Лица зевак источа-

ли такое жадное любопытство, что заставить их уйти смогли бы разве что резиновые пули или слезоточивый газ.

Время шло. Мы молча сидели, глядя на начальника отделения, который снова погрузился в задумчивость и продолжил неторопливо писать в своей тетради. Гена достал из кармана сигареты, но стоявший рядом полицейский сказал, что курение в участке запрещено.

Начальнику отделения потребовалось минут двадцать, чтобы записать наши имена, гражданство и прочую базовую информацию. Затем нам как пострадавшим предоставили первое слово. Гена с моей помощью кратко рассказал о случившемся: мы двигались по дороге в полном соответствии с правилами движения и на изгибе дороги едва избежали столкновения с фургоном, ехавшим по встречной полосе.

Затем слово дали водителю фургона. Он встал со своего места, вышел на середину помещения и около получаса обстоятельно и с многочисленными подробностями излагал свою версию событий. Сначала он в деталях рассказал о том, чем занимался в течение дня, где был и откуда ехал; хотя это совершенно не относилось к сути дела, начальник участка выслушал это пространный рассказ с большим интересом и иногда задавал уточняющие вопросы. Затем водитель фургона перешел к описанию инцидента на дороге. Так как он с семьей ехал с рынка с покупками, а его дом находился на другой стороне улицы, это, по его мнению, давало ему право выехать на встречную полосу за пару сотен метров до его дома.

Полицейский начальник глубокомысленно кивал и делал записи в своем блокноте, а затем объявил, что он и его

коллеги удаляются на совещание. Приказав всем оставаться на местах, он вышел на улицу в сопровождении двух подчиненных и семенившего вслед за ним водителя фургона.

— Я не понял: это следствие или это уже суд? — плачущим голосом спросил Гена. — Какое еще совещание?

Гена поднялся было, чтобы выйти на улицу покурить, но полицейские в грубой форме потребовали, чтобы он вернулся на место.

— Почему обвиняемому можно выйти, а пострадавшему нельзя? — спросил Гена с возмущением.

— Начальник приказал, чтобы все оставались на местах, — невозмутимо отвечали стражи порядка на этот и все последующие вопросы Гены.

Время шло. Толпившийся у входа и у окон народ смотрел на нас во все глаза, громко комментируя ситуацию, отпуская дурацкие шутки и громко хохоча. Наши соседи, арестанты, пытались завязать с нами светскую беседу о своей нелегкой доле в частности и о несправедливости в мире вообще; полицейские советовали им закрыть «свои поганые рты», в противном случае угрожая им скорой и жестокой расправой; зеваки азартно потешались и над теми, и над ними.

Рана на моей ноге неприятно ныла: кровь, понемногу вытекавшая из-под пластыря, привлекала десятки кусачих мошек, которые, дружно жужжа, веселой гурьбой описывали круги вокруг моей лодыжки, пытаясь приземлиться поближе к краю кровоточащей раны и впиться в нее своими хоботками. Я думал о том, что, если бы сфотографироваться в этой обстановке, получилась бы

сенсационная ава для моих аккаунтов в соцсетях... Тем временем Гена каждые пять минут звонил Шимону, нервно вертя в пальцах зажигалку.

— Он говорит, чтобы мы бросали все это и срочно везли деньги на офис,— жаловался мне Гена.— Шимон меня еще плохо знает! Я от своего никогда не отступаю. Шимон — грамотный бизнесмен, но у него есть одна слабость — при малейших трудностях он сразу начинает суетиться и паниковать. Когда мы летели в Либерию, прямо в аэропорту обнаружилась одна проблема, из-за которой поездка оказалась на грани срыва. Шимон тут же начал беситься, орать и уже готов был все бросить и остаться в Израиле. Но я посоветовал ему успокоиться и немного подождать... И решил проблему!

Посмотрев на меня с загадочным выражением лица, Гена вдруг закашлялся с громким свистом в груди и сплюнул на пол комок мокроты.

— У тебя астма? — удивленно спросил я.

Гена молча кивнул, продолжая кашлять. Я посмотрел на него с сочувствием. Астма мучила меня с семнадцати лет. Меня тогда как раз исключили из школы, и я пошел работать в театр машинистом сцены. Через несколько месяцев в сыром подвале без окон, в окружении пыльных декораций, у меня начались периодические приступы удушья. Несмотря на это, как и Гена, я так и не смог окончательно бросить курить — хотя лучше мне от этого, понятное дело, не становилось. То, с чем нам жаль расставаться, для чего-то нам да нужно; наверняка людям для чего-то нужны и их болезни.

Вернувшись с «совещания», начальник участка вынес свой вердикт: мотоциклист ехал слишком быстро, что и стало причиной аварийной ситуации.

— Но фургон ехал по встречной! — возмутился Гена.

— Столкновения не было? Не было, — грубо перебил его начальник участка. — Мотоциклист упал по собственной вине: набрал слишком большую скорость и не справился с управлением. Дело закрыто.

Гена покраснел от злости и вскочил на ноги. Он смотрел на полицейского с вытаращенными глазами:

— Но... То есть... Как это? Стоп! Я ведь... Он... Там...

Грозно посмотрев на Гену, начальник участка оглушительно рявкнул:

— Все свободны!

Гена вздохнул и понуро пошел к выходу; я двинулся за ним.

Сначала арестанты в клетке, а затем и зеваки разразились смехом и издевательскими комментариями. Мы с трудом протолкались к нашему мотоциклу сквозь весящуюся толпу и обнаружили, что кто-то слил бензин из топливного бака. Ругаться и искать виновных было бесполезно, и мы молча потащили мотоцикл по улице, высматривая заправку.

Было около восьми часов вечера. На улицах зажглись свечи в пластиковых бутылках. В полумраке сновали темные фигуры, кричали многочисленные хриплые голоса и надрывались кассетные магнитофоны. По обочинам текли ручьи из нечистот и помоев, источая сильную вонь;

у домов возвышались большие кучи мусора, по которым босиком бегали дети в рваных «взрослых» майках до земли.

Несколько подростков вызвались помочь нам найти заправку и сообща толкали мотоцикл, постоянно повторяя, что заправка уже совсем рядом. Двадцать минут спустя мы снова вышли к полицейскому участку... Похоже, эти балбесы прикалывались над нами! Прогнав их, мы пошли наугад и вскоре нашли то, что искали.

Заправка представляла собой деревянный стол со стоящими на нем трехлитровыми банками с бензином ярко-красного цвета, в котором плавали какие-то подозрительные лохмотья. Заправка бензобака выглядела следующим образом: в трехлитровую банку с топливом вставлялся шланг, другой его конец обхватывал губами сотрудник заправки и тянул в себя воздух, а когда бензин начинал заливаться ему в рот, быстрым движением забрасывал шланг в отверстие бака.

Сплюывая на землю красную слюну, продавец бензина мокрыми пальцами несколько раз пересчитал мятые купюры, которые дал ему Гена.

Немного подумав, он бодро кивнул с белозубой улыбкой:

— И корэ, гу-гу!

Лишь когда мы снова поехали по темным улицам, я понял, что это было искаженное «It's correct, good-good». Почему-то на моем лице сама собой появилась улыбка. Я продолжал улыбаться всю дорогу до дома, глубоко вдыхая теплый вечерний воздух.

Шимон стоял на крыльце со скрещенными на груди руками, освещаемый сверху дрожащим светом одинокой, качавшейся на ветру лампы, вокруг которой остервенело кружились толпы насекомых. Его губы были изогнуты в презрительной гримасе, а осуждающий взгляд, казалось, мог прожечь дыру в резиновом колесе мотоцикла.

Едва дождавшись, пока заглохнет двигатель, Шимон поднял руки вверх и крикнул во все горло:

— Vaffanculo!

Мартышки испуганно заметались по своей клетке, а мирно дремавший на скамейке Огастес вздрогнул от неожиданности, попытался встать и неуклюже повалился на землю. Мы невольно рассмеялись, и это еще больше разозлило Шимона.

— Я обещал твоему отцу, что буду за тобой присматривать,— сказал Шимон сквозь зубы.— Какого хрена ты гоняешь по ночам на мотоцикле по этому безумному городу, где полно преступников?

— Я сам могу за собой присмотреть, мне не пятнадцать лет! — обиделся Гена.— И вообще, не забывай, что это я познакомил тебя со своим отцом. Я — акционер этой компании!

— Ты безответственный ребенок, а не акционер! — воскликнул Шимон, в сердцах ударяя ладонью по парпету.— Ты вообще не думаешь о работе, а только ищешь приключений на свою задницу! Мы в Бонг Майнс уже напилили гору металла, а площадка в порту до сих пор не готова — работа стоит, потому что нет стройматериалов.

Я попросил тебя съездить в банк за деньгами, а ты мало того что попал в аварию на этом дурацком мотоцикле, так еще и полдня просидел в полицейском участке.

— Я уже был в порту и за все заплатил,— с вызовом ответил Гена, закуривая сигарету.

Последовала напряженная пауза. Шимон молча смотрел на Гену, вцепившись в парапет побелевшими пальцами. Гена, облокотившись на мотоцикл, невозмутимо выпускал в воздух колечки дыма.

— Кому, сколько и за что ты заплатил? — спросил Шимон.

— Заплатил Мохаммедам,— сказал Гена, задумчиво глядя вверх.— Столько, сколько они сказали. За цемент, кирпичи и все такое.

— Я очень рад, что ты наконец-то решил поучаствовать в деятельности нашей компании,— тихо сказал Шимон.— Но я хочу тебе напомнить, что ее директором являюсь я. И подобные действия нужно согласовывать со мной. Сколько денег у тебя осталось после поездки в порт?

— Мы не считали,— сказал Гена, пожимая плечами.— Лично я почти все раздал. Евгений, доставай, что у тебя осталось.

Растегнув ширинку, я стал вытаскивать оттуда слипшиеся бумажные купюры, складывая их на бетонный парапет. Получилась довольно большая куча. Брезгливо разглядывая ее, Шимон спокойно спросил:

— Это все?

— Да. Кажется,— неуверенно ответил я, шаря рукой в трусах.

Больше не в силах сдерживаться, Шимон заорал:

— Ребята, вы достали! Хватит заниматься ерундой! Завтра же вы едете в Бонг Майнс с уважаемым Коромой. А я остаюсь в Монровии — заниматься площадкой и экскаватором.

— Я на этом корыте никуда не поеду! — заявил Гена тоном, не терпящим возражений. — Там же кондиционер не работает! Мы на мотоцикле поедем.

— Завтра вы едете в Бонг Майнс на джипе, — твердо сказал Шимон. — На мотоцикле будешь кататься в свободное от работы время.

— Но почему? — капризно скривил губы Гена. — У нас уже и шлемы есть!

— Потому что, Гена, я полчаса назад разговаривал с твоим отцом. Он звонил узнать, получили ли мы деньги.

— И что? — с тревогой спросил Гена.

— Я среди прочего спросил у него, умеешь ли ты ездить на мотоцикле. Он сразу очень заволновался и сказал, что в Израиле ты несколько раз попадал в серьезные аварии, что после одной из них ты полгода пролежал в гипсе и в процессе сильно растолстел, и что тебе ни при каких обстоятельствах нельзя садиться на мотоцикл, потому что гонять на скорости ты любишь, а ездок из тебя никакой.

— Чего?! Да что он в этом понимает! — воскликнул Гена и быстро добавил: — А если Евгений поведет?

Шимон повернулся ко мне:

— Ивгени? Ты водить умеешь?

— Разве что велосипед, — ответил я, пожимая плечами.

— На велосипеде до Бонг Майнс вы долго будете ехать,— усмехнулся Шимон.— Разговор окончен. Старт — в семь утра.

— Я так рано не встану! — возмущенно воскликнул Гена.

— Встанешь,— сказал Шимон.— Даже если мне придется выломать твою дверь.

— Выезд должен быть не раньше десяти... — насупился Гена.

— Гена, я долго ждал, когда в тебе проснется совесть и ты вступишь в работу,— отрезал Шимон.— Но я уже начинаю терять надежду, что это когда-то произойдет. Предупреждаю тебя: если завтра в семь утра ты не будешь сидеть в машине вместе с достойным Коромой, я буду вынужден во всех деталях рассказать твоему отцу, чем ты здесь занимаешься. Вряд ли ему понравится, что ты соршишь его деньгами, трахаешься с проститутками и ночами бухаешь в клубах. Кстати, он знает, что ты куришь?

Гена поперхнулся сигаретным дымом. Некоторое время Шимон и Гена молча таращились друг на друга. Вокруг них с громким жужжанием носились мошки, озверевшие от света лампы. Мартышки неутомимо прыгали в своей клетке. Огастес, лежа на скамейке, с любопытством наблюдал за ссорой начальства.

Решив не мешать Шимону и Гене выяснять отношения, я пошел искать свои носки на протянутой через двор веревке, где висело постиранное белье, но так и не смог их найти. Почесав голову, я случайно посмотрел вверх и не смог оторвать взгляд от огромного темного неба, где сияли необычайно яркие и близкие звезды...

Выдержав паузу, Гена демонстративно бросил окурок на землю и наступил на него ногой. Шимон скрипнул зубами, но промолчал.

Медленно поднявшись на крыльцо, Гена вплотную подошел к стоявшему на верхней ступеньке Шимону.

— Можно пройти? — спросил Гена.

— Разумеется, — спокойно ответил Шимон и посторонился.

Проходя мимо, Гена как будто бы случайно толкнул Шимона плечом и с силой захлопнул за собой дверь.

Шимон крикнул ему вслед:

— Чтобы сегодня никаких проституток!

И повернулся ко мне:

— Этот пацаненок меня просто бесит! Даже не знаю, что лучше: пытаться его исправить или просто отправить домой к родителям. Евгени, умоляю тебя — хоть формально он и считается твоим начальником, не бери с него пример! Думай головой! У нашей компании большие перспективы, и у тебя есть все шансы занять в ней достойное место. И заработать много денег. Пойдем на кухню, съедим чего-нибудь... Только сначала собери эти деньги и разложи на столе в доме, чтобы они немного просохли.

Пока я занимался сушкой денег, Шимон сделал бутерброды и достал из холодильника две бутылки пива; мы расположились на диване в гостиной и стали есть.

— Почему вы вообще оказались в полицейском участке? — спросил Шимон. — И почему так долго там торчали?

— Гена хотел наказать водителя фургона.

— В первую очередь вы наказали себя! Что было дальше?

Я рассказал ему о том, что происходило в участке: о разбирательстве, о нашем долгом ожидании и о неутешительном вердикте, который вынесли полицейские.

— Запомни, Евгени: в Африке белый человек всегда неправ,— сказал Шимон с улыбкой.— Можно даже не пытаться отстаивать свои права в суде или полиции; чиновники будут месяцами тянуть из тебя деньги, давать обещания, но решение все равно примут в пользу африканцев. Разумеется, тоже не бесплатно. Сегодня ваших полицейских так долго не было именно потому, что они ждали, пока водитель фургона принесет сумму, которую они потребовали за решение в его пользу.

Шимон замолчал, задумчиво глядя прямо перед собой.

— Гена очень глупо сделал, когда поехал в порт и стал платить деньги нашим менеджерам,— сказал он наконец.— За семь лет, что я провел в Африке, я хорошо изучил психологию африканцев. Сейчас наши Мохаммеды готовы по моему приказу спрыгнуть со скалы в пропасть — потому что я их кормлю. И это очень хорошо. Не потому, что это льстит моему самолюбию, а потому, что их личная преданность мне, директору компании, очень важна для всего нашего проекта. В Африке в любом деле должен быть один начальник, который принимает решения и делит пирог. И четкая субординация. Понимаешь?

Я кивнул, жуя бутерброд. В этот момент я чувствовал к Шимону такое уважение, что если бы он сказал, что Земля — квадратная, то я вполне мог бы и этому поверить.

— А теперь к ним пришел щедрый красавчик Гена,— поморщился Шимон,— и принялся раздавать деньги, не глядя (а я почти уверен, что так оно и было), и в их головах может начаться путаница. Они могут перестать понимать, кто из нас двоих начальник, за кем последнее слово, кто отдает распоряжения. Этот глупый поступок наносит удар по моему авторитету в глазах Мохаммедов. А это, в свою очередь, может поставить под удар все наше предприятие... Нужно что-то сделать...

Некоторое время Шимон молча потягивал пиво из бутылки, а затем, как будто спохватившись, повернулся ко мне:

— Евгени, я вижу, что ты, хоть и не слишком сообразительный, но очень порядочный молодой человек. Я надеюсь, что этот разговор останется между нами.

— Разумеется,— кивнул я, польщенный оказанным доверием, но задетый невысокой оценкой своего интеллекта.

«Жаль, что он не слышал моих песен, а то наверняка изменил бы свое мнение»,— подумал я, откидывая с лица прядь волос.

— Скажи, Евгени, какие планы у тебя на будущее? — спросил Шимон после паузы.

— Ну... — пожал плечами я и задумался, кусая нижнюю губу.

— Хорошо, давай поставим вопрос иначе. Кем ты видишь себя через десять лет?

Я промычал что-то невыразительное, посмотрел вверх, надул щеки и с шумом выдохнул воздух. В голову по-прежнему ничего не приходило.

«Это сколько ж мне будет лет через десять лет? Тридцать пять?!» — с ужасом подумал я. Это у меня как-то в голове не укладывалось. «В самом деле, на что я буду похож в таком почтенном возрасте?» — думал я в тоске.

— Ладно, Евгени, не напрягайся так, — вздохнул Шимон и почесал голову. — Скажи, чем бы ты сейчас занимался, если бы не приехал в Африку?

— Сидел бы дома за компьютером, — мечтательно ответил я, — смотрел фильмы, играл на гитаре... Или выступал бы где-нибудь со своей группой.

— Так ты музыкант? — Шимон посмотрел на меня с интересом. — Знаешь, Евгени, я жалею только об одном в своей жизни — что не умею играть ни на каком музыкальном инструменте. Зато очень люблю петь! Правда, мое пение больше похоже на кваканье лягушки...

Шимон рассмеялся и тут же внезапно посерьезнел.

— Послушай, я хочу тебя кое о чем предупредить. Африканки — прирожденные манипуляторы, которые очень хорошо умеют играть на чувствах; это хищницы, единственная цель которых — использовать мужчин в своих целях. У них другая мораль и другие принципы — совсем не такие, как у девушек, с которыми ты привык иметь дело. Как у всех музыкантов, у тебя — мягкое сердце. Влюбишься в африканку — считай, ты пропал. Потому что...

И Шимон замолчал, глядя в темноту за окном.

— Спокойной ночи, — вдруг сказал он после долгой паузы и ушел к себе.

Допив пиво, я попытался встать с дивана. Только теперь я понял, насколько сильно устал! Ноги с большим

трудом несли меня вперед, а голова готова была свалиться с плеч и покатиться по бетонному полу.

Не включая свет, не раздеваясь, я рухнул на кровать. Голова раскалывалась пополам, все мышцы мучительно ныли, рана на лодыжке болела... В темноте по мне ползали какие-то мошки, а у меня не было сил даже пошевелиться, чтобы согнать их. Но заснуть у меня тоже не получалось; ощущая огромную тяжесть, как будто каждый миллиметр моего тела весил несколько килограммов, я целую бесконечность лежал в тупом оцепенении, находясь в странном пограничном состоянии между сном и бодрствованием, раздавленный медленным катком тревожных мыслей и бредовых образов.

Мне казалось, что из стен вырастают черные руки с белыми ладонями и тянутся ко мне, пытаюсь вцепиться в меня длинными изогнутыми когтями. Комнату заполняла горячая прозрачная слизь, которая полностью облепила меня, не давая дышать... Я уже почти захлебнулся, когда душившая меня масса схлынула, как будто кто-то достал пробку в ванной, и я услышал где-то совсем рядом исступленные африканские барабаны и веселые дурашливые голоса, которые пели на неведомом языке с множеством гортанных звуков. Я почувствовал невыносимый жар: моя кровать горела, меня со всех сторон охватили языки пламени! Попытавшись подняться, я обнаружил, что намертво привязан к кровати варикозными переплетениями толстых лиан... Заорав от ужаса, я проснулся и сел, обливаясь потом и тяжело дыша.

Мой матрас не горел, но музыка действительно играла — в соседней церкви шла ночная служба. Под аккомпанемент экстатического размашистого регги десятки голосов все громче и быстрее хором восклицали: «Иисус! Иисус! Иисус!» По комнате летали мошки. За окном рычал генератор. По моему лицу текли струйки пота, капая на мокрую подушку...

Скрипя суставами, я вышел на крыльцо и закурил.

Из комнаты Гены раздавались звонкие шлепки и приглушенный женский смех.

На скамейке лежал Бобби в меховом пальто; подложив под голову сложенные вместе ладоши, он спал глубоким сном ребенка.

Второй охранник спал у ворот, распластавшись прямо на земле.

Директор охранного агентства спал в водительском кресле своего желтого такси, издавая храп настолько громкий, что две мартышки, которые сидели на перекладине в глубине клетки, обнимая друг друга тонкими лапками, испуганно вздрагивали, глядя на меня из полумрака большими грустными глазами.

Глава 8

— Евгени, пора вставать! Евгени! — повторял Шимон, стуча в мою дверь.

В окно заглядывали первые лучи солнца. Начиналось мое второе утро в Либерии.

«Жаль, нельзя посмотреть мои аккаунты в соцсетях... — думал я, стоя в душе под струями прохладной воды и пытаясь раздвинуть крепко слипшиеся веки. — На моей стене, наверно, уже куча постов».

«С первой же зарплаты куплю ноутбук, — твердо пообещал я себе, вытираясь полотенцем. — Впрочем, что с него толку. Интернета я здесь пока еще не видел...»

В гостиной за столом уже сидели distinguished Коррома, Коррома-младший и Мохаммед Омар. Гена начесывал чубчик у зеркала, насвистывая «My Heart Will Go On» Селин Дион.

— Ты уже заметил, что Гена не всегда ведет себя разумно, — отозвав меня на кухню, вполголоса сказал мне Шимон. — Не наделал бы он глупостей в Бонг Майнс. Если он будет говорить откровенную ерунду, ты в своем переводе можешь это исправить. Понимаешь?

— Вроде да, — неуверенно ответил я, жуя бутерброд.

Побрызгавшись туалетной водой, Гена объявил, что готов ехать. Он выглядел так, как будто мы собирались не в джунгли, а на ночную вечеринку. Он был одет в короткую пляжную рубашку и тесные джинсы с низкой талией; вся одежда на нем была как будто на пару размеров меньше, чем требовалось.

Сев за руль, Корوما-младший первым делом засунул кассету во встроенный магнитофон, и утренний воздух огласился частыми ударами барабанов и хриплым африканским речитативом. Гена с сигаретой во рту устроился на переднем сиденье. Достопочтенный Корوما, Омар и я сели сзади, и джип выкатился за ворота.

Улицы Монровии еще только просыпались. Женщины с прическами в виде редиски разжигали угли в жаровнях, толкли маниок в деревянных ступах, раскладывали товары на лотках. Вокруг каждой из них сновало с полдюжины детей разного возраста.

Увидев идущую по улице девушку в коротких шортах, Корوما-младший лихо обогнул ее, сбавил скорость и высунулся в окно.

— Привет, красотка! — сказал он, широко улыбаясь. — Давно не виделись. Куда ты несешь свою аппетитную задницу?

Девушка продолжала идти, глядя прямо перед собой и не обращая на Корому-младшего никакого внимания.

Омар сказал, хитро посмеиваясь:

— Да ты ведь не знаешь эту курицу, мужик! Не притворяйся, что знаешь!

— Как это не знаю? Это моя подруга! — воскликнул Корума-младший на всю улицу. — Мы в прошлом году делали джиги-джиги! Где ты живешь, красотка? Как я тебя найду?

И Корума-младший, высунув руку в окно, ущипнул девушку за ягодицу. Та продолжала шагать дальше с невозмутимым видом, как будто ничего не случилось.

Мне стало стыдно за неджентльменское поведение Корумы-младшего; я уже открыл рот, чтобы попросить оставить бедную девушку в покое, когда та нарушила молчание:

— Видишь желтый дом в конце улицы?

Не замедляя шага, девушка махнула рукой куда-то вдаль. За все это время она ни разу не посмотрела в нашу сторону. Ее бедра плавно качались из стороны в сторону, а лицо светилось гордостью от осознания того факта, что такой знатный кавалер в такой крутой машине так ловко и настойчиво за ней ухаживает.

— Ты там живешь? Отлично, я к тебе зайду сегодня вечером. Окей?

Девушка приподняла вверх подбородок (в Либерии утвердительный ответ обозначался этим своеобразным «кивком наоборот», что выглядело довольно-таки таинственно).

— Бигини, скажи, сколько у тебя детей? — спросил Омар, глядя одним глазом на меня, а вторым — куда-то в окно.

— У меня нет детей, — ответил я, удивленный тем, что ко мне был обращен вопрос подобного рода. Я был твердо уверен, что настоящему художнику лучше оставаться свободным, одиноким и несчастным, вписать своей артериальной кровью пронзительные строки на вечные страницы искусства и умереть внезапной и преждевременной смертью, оставив после себя кипу гениальных черновиков, полных вопросительных знаков и многоточий.

— Почему? — спросил Омар. — Твоя жена не может родить?

— У меня нет жены, — ответил я.

— Нет жены? — изумленно переспросил Омар. — А сколько у тебя любовниц?

— У меня раньше была девушка, — ответил я. — Но мы расстались.

Омар некоторое время озадаченно смотрел на меня, пытаясь понять, что я имею в виду, а затем весело хлопнул меня по колену и произнес с нескрываемой гордостью:

— А у меня — две жены и семь детей.

— Ого! — воскликнул я.

— Да! — кивнул Омар. — А еще у меня тридцать любовниц.

— Серьезно? — удивился я.

— Но я пацаненок по сравнению со своим отцом. У него — пять жен и тридцать пять детей. А сколько у него любовниц, он и сам не знает.

— Не может быть!

— Еще как может! Но я еще молод. Со временем я превзойду отца. Для этого я сейчас и стараюсь зарабатывать побольше денег. Африканские женщины — дорогое удовольствие.

Гена, не поворачиваясь, сказал мне по-русски:

— У них, если один раз трахнул подругу, это уже герл-френд, а ты для нее, соответственно, бойфренд. Если ребенок родился, то она тебе уже и жена. Но это не значит, что вы должны жить вместе. Можно продолжать гулять дальше.

— Гена, что ты там бубнишь на своем тарабарском языке? — с вызовом сказал Омар. — Имей в виду, что просто так ты отсюда не уедешь в свой Израиль. Придется сначала здесь жениться.

— А как мы будем жениться? — спросил Гена. — В церкви? И брачный контракт заключим?

— У нас никто не заключает никаких контрактов, — презрительно ответил Омар. — И церковь тоже не обязательно. Просто живут вместе и все. Джиги-джиги каждый день, и каждый год — новый ребенок. Ты скажи, какая тебе нужна, и я найду для тебя прекрасную африканскую курицу, какую пожелаешь: высокую, низкую, толстую, худую, взрослую, юную...

— Толстых, низких и взрослых не нужно, — ответил Гена. — Лучше давай высокую, худую и юную.

— Насколько юную? — спросил Омар. — Школьницу хочешь? Шестнадцать, четырнадцать лет?

— Да ты что? — повернулся к нему Гена. — А разве можно?

— Конечно, можно! У нас считается, что если у африканской курицы выросло вот это, — и Омар прижал к своей груди две фиги, — то она уже готова, и ее можно брать.

— Как это — «брать»? — спросил я, шокированный этим разговором до глубины души. — А если она «не дается»?

— А кто ее спрашивать будет? — удивился Омар. — Здесь, в Африке, мужчина имеет полное право на секс. Можешь брать любую. Только потом обязательно нужно дать ей немного денег в знак благодарности. Так у нас принято. Иначе она будет тебя позорить на каждом углу.

— Не удивляйся, Ифгени, — с улыбкой сказал мне достопочтенный Коррома. — В Африке отношения мужчин и женщин строятся на других принципах. Я много лет жил в США, поэтому знаю разницу и понимаю, что наши нравы могут шокировать иностранцев. Здесь в деревнях девушки рожают в четырнадцать, в двенадцать лет. Нигде в мире нет такого высокого уровня рождаемости, как в Либерии. Здесь у женщин в среднем по шесть — семь детей. Половина населения страны — дети и подростки. Каждые пятнадцать — двадцать лет население удваивается. Возможно, поэтому мы здесь так мало ценим человеческую жизнь...

И достопочтенный Коррома замолчал, глядя в окно на большой билборд у дороги, где была схематично изображена тетка в традиционном африканском наряде. Надпись сверху гласила «Женщина — это твой друг!», а внизу было дописано: «Заботься о ней. Береги ее».

— Но теперь, — с воодушевлением продолжил достопочтенный Коррома, — когда к власти пришла Эллен Джон-

сон-Серлиф, ситуация начинает меняться. Она — первая в Африке женщина-президент — уделяет большое внимание защите прав слабого пола. Либерийцы постепенно перестают воспринимать женщин как свою собственность и учатся видеть в них не только бесплатную рабочую силу, машину для деторождения и объект удовлетворения сексуальных потребностей, но и человеческое существо.

Омар пригнулся ко мне и, заговорщицки улыбаясь, прошептал:

— У нас считается, что лучший способ вылечиться от болезней — это заняться сексом с девственницей. Если мужчина серьезно болен и никакие лекарства ему не помогают, то он ловит где-нибудь в безлюдном месте цыпочку лет десяти и делает с ней джиги-джиги. И выздоравливает!

Вокруг сновали уличные продавцы всякой всячины, засовывая руки со своим товаром в окна нашей машины. Достопочтенный Корума купил несколько газет, раскрыл одну из них и протянул остальные нам.

— Если там будет что-нибудь интересное, прочитай мне вслух, — сказал Омар, отрицательно качая головой. — Я учился в мусульманской школе и знаю только арабский алфавит... Кстати, Бигини, ты — мусульманин?

— Нет, — ответил я.

— Тебе нужно принять мусульманство, — убежденно сказал Омар. — Все лучшие люди в мире — мусульмане.

Газета, которую я держал в руках, называлась «Независимая Либерия». Поскольку в Беларуси я работал

редактором и журналистом, мне было очень интересно познакомиться с местной прессой.

Первое, что обратило на себя внимание, это ужасное качество печати: типографская краска размазывалась толстыми полосами, оставляя черные следы на пальцах. Фотографии в газете были бесцеремонно сплющены до нужного размера либо по горизонтали, либо по вертикали; видимо, здесь это не имело никакого значения. В текстах статей было полно грубых ошибок: глаголы употреблялись в неверной форме, окончания слов опускались, артикли отсутствовали, соседние буквы запросто менялись местами, географические названия немилосердно искажались. Стиль изложения в газетных статьях был очень помпезный и старомодный. Самое простое новостное сообщение было оформлено как серьезное эссе, сопровождаясь многословным вступлением и назидательным эпилогом, изобилая всякими редкими диковинными словами. Похоже, у либерийских журналистов считалось хорошим тоном употреблять длинные слова и многосоставные предложения — чтобы понять смысл фразы можно было только с помощью толкового словаря и после долгого вдумчивого чтения.

* * *

На одном из перекрестков нашу машину остановили полицейские.

— Где ваши номерные знаки? — заорал полицейский в открытое окно. — Почему водитель не пристегнут? Водительские права! Документы на машину! Быстро!

Номерных знаков на джипе действительно не было — равно как и водительских прав у Коромы-младшего, а документы на машину представляли собой комок ветхих листков, намертво склеенных между собой жвачкой. Когда полицейский попытался их развернуть, послышался звук рвущейся бумаги; страж порядка чуть не позеленел от возмущения.

— Перестань кричать, — спокойно сказал полицейскому Коромы-младший, выходя из машины. — Разве не видишь, какие уважаемые люди сидят в этом джипе? Это достопочтенный Коромы, бывший сенатор округа Бонг. Давай-ка лучше отойдем в сторону, обсудим ситуацию...

Полицейский посмотрел на ноги Коромы-младшего и заорал громче прежнего:

— Вождение в шлепанцах строго запрещено! Я конфискую эту машину!

Как обычно, вокруг машины сразу же начали собираться зеваки. Один из них, стоя почти вплотную к моему окну, рассматривал меня в упор с непринужденной улыбкой, одной рукой ковыряясь в носу, а другой — почесывая яйца. Гена вяло наблюдал за перепалкой, сплевывая в окно комки мокроты. Мохаммед Омар и достопочтенный Коромы вышли из машины и медленно, с достоинством подошли к полицейскому.

— Офицер! — торжественно заговорил достопочтенный Коромы, как будто выступая перед избирателями. — Эти белые люди — инвесторы. Они приехали в Либерию, чтобы помочь нам восстановить нашу страну, они несут

нам прогресс и развитие! И так, мой соотечественник и брат, прояви благоразумие! Возьми вот эту вещь, которую я держу в кулаке, и давай расстанемся по-доброму — чтобы в следующий раз, когда мы встретимся на улице, мы пожали друг другу руки, как хорошие друзья!

Продолжая говорить, почтенный Корума положил в ладонь полицейскому мятую бумажку. Тот развернул ее, изменился в лице и показал ее своему коллеге с явным возмущением.

— Брат мой, что это ты мне даешь? — воскликнул полицейский. — Едешь в машине с белыми и даешь нам жалкую пятерку? У них же куча денег! Нам еще с начальством нужно делиться.

— А ты знаешь, — сказал Корума-младший, — что взятки брать незаконно? Видишь, сколько здесь свидетелей?

— Свидетелей чего? — слегка растерявшись, спросил полицейский.

— Ты только что взял деньги у моего дяди, — громко сказал Корума-младший.

— Что ты сказал? — неожиданно заорал полицейский. — Слушай, мандинго, здесь тебе не лагерь для беженцев! Я тебе сейчас все кости переломлю!

— Попробуй! Давай! — заорал Корума, приближаясь к нему со сжатыми кулаками.

Вокруг нас уже собралась внушительная толпа зевак; люди всех возрастов, забыв про свои дела, наперебой комментировали ситуацию. Корума-младший и полицейский, упершись лбами, как два барана, осыпали друг друга оскорблениями и угрозами. Его коллега громко го-

ворил в мобильный телефон, держа его перед лицом, как рацию — он вызывал подкрепление.

Вскоре прибыло еще несколько полицейских на мотоциклах. Силы становились неравными.

— Всем выйти из машины! — заорал один из новоприбывших. — Предъявить свои паспорта!

Услышав, что паспортов у нас с собой не было, полицейский зловеще заулыбался, прикидывая в уме, сколько можно содрать за такое внушительное нарушение.

— Конечно, у них есть документы! — горячился Омар. — Иначе как бы они сюда приехали? Разве их пропустили бы в аэропорту? Послушайте, люди! Эти белые люди — инвесторы, они помогают восстанавливать нашу страну! Разве можно так с ними обращаться?

Несмотря на все красноречие Мохаммедов, уладить конфликт удалось только при помощи тридцати долларов. Получив деньги, полицейские заулыбались и решили познакомиться.

— Как называется ваша компания? — спросил один из них.

— «Металл Либерия», — ответил Гена.

— Что? «Ментальная Либерия»? Вы — благотворительная организация?

— Нет, — ответил Гена. — Мы с металлоломом работаем.

— С металлоломом? Послушайте, — понизил голос полицейский, подходя поближе. — Я знаю очень хорошие места, где очень много очень хорошего металла. Он весь принадлежит моему дяде. Когда будете готовы, я вас туда

отведу. Этот металл хотят забрать кое-какие иностранцы, но я вам помогу. Я — очень важный человек; я был генералом при Тейлоре. Запишите мой телефон. Недавно приехали? Добро пожаловать в Либерию!

* * *

Когда машина тронулась с места, Мохаммеда разразились руганью в адрес полицейских:

— Генерал при Тейлоре... Бандит и преступник, как и все они!

— Хорошие места у него, как же. Лжец! Никаких хороших мест он не знает!

— Сейчас почти все машины ездят без номеров, а у водителей нет прав, — воскликнул Омар. — Потому что все это еще не начали выпускать после войны. Они нас остановили только потому, что увидели в салоне белых!

— Вот если бы у вас были удостоверения ООН, тогда — другое дело, — язвительно заметил Корома-младший. — Тогда они отдали бы нам честь и пожелали бы счастливого пути!

— И это наши служители закона... — сокрушенно покачал головой достопочтенный Корома. — Все военные преступники теперь в полиции работают! Те самые люди, которые разрушили эту процветающую страну...

— Процветающую? — переспросил я. То, что я видел вокруг, напоминало что угодно, но не процветание.

— Ефгени, ты разве не знаешь, что Либерия до войны была самой богатой страной Западной Африки? — повернулся ко мне достопочтенный Корома.

— Правда?

— О, да! В Либерии работали десятки, сотни иностранных компаний! Здесь были самые большие в мире плантации каучука! У нас есть гигантские месторождения железной руды! Золото, алмазы, красное дерево, кофе, какао... Либерийцы жили так богато, что никто не хотел заниматься черной работой. Поэтому сюда в поисках работы приезжали иммигранты со всей Западной Африки — из Сьерра-Леоне, Гвинеи, Кот-д'Ивуара, Ганы, Нигерии, отовсюду. До войны либерийский доллар стоил столько же, сколько американский. Преступности не было вообще! Люди никогда не закрывали двери своих домов... — Достопочтенный Корома замолчал, погрузившись в воспоминания о славном прошлом Либерии. Корома-младший и Мохаммед Омар, допив прихваченную из дома кока-колу, не глядя швырнули пустые банки в окно, и те с громким стуком покатались по дороге под ноги прохожим.

— А что случилось потом? — спросил я.

— Потом? — вздрогнув, повернулся ко мне достопочтенный Корома. — Потом началась гражданская война.

Я ожидал продолжения рассказа, но Корома лишь молча кивал в такт своим мыслям. Ослепительно яркое солнце обжигающими влажными волнами ложилось на шершавую рыжую землю. В горячем воздухе слегка покачивались листья пальм.

Подождав немного из вежливости, я спросил:

— А из-за чего началась война?

Мохаммеда неодобрительно загудели; похоже, я поразил их своим невежеством.

Вероятно, им казалось, что последние десятилетия весь мир неотрывно следил за бедствиями Либерии, хватался за сердце, услышав о зверствах, которые сотворил очередной командир повстанцев, проливал слезы о тысячах беженцев и милосердной рукой протягивал настрадавшейся «Свободной республике», бьющейся в эпилептических конвульсиях и покрывающей себя ножевыми ранениями, толстые пачки долларов — на еду, лекарства и бензин.

— Ты разве не слышал про Чарльза Тейлора? — спросил меня Омар.

— Имя слышал пару раз, но не знаю, кто это.

— Это бывший президент Либерии! — воскликнул Корама-младший. — Его сейчас судят в Гааге. Он стал первым африканским президентом, который предстал перед европейским международным судом. Все газеты об этом пишут!

— А вы что-нибудь знаете про Беларусь? — спросил я.

Наступила тишина. Мохаммеды напряженно думали. Гена похрапывал на переднем сиденье с потухшей сигаретой во рту.

— А что у вас в стране есть значительного? — спросил Омар.

— Значительного?

— Чем твоя страна известна в мире?

На этот раз задумался я. К этому вопросу я оказался не готов — поскольку раньше не думал о Беларуси в таком глобальном разрезе... Основными векторами, которые в том или ином виде доминировали в белорусской

культуре новейшего времени, были, пожалуй, Великая Отечественная война и Чернобыль. Но стоило ли в качестве характеристики моей страны рассказывать о том, что во время нападения фашистской Германии на СССР Беларусь приняла на себя основной удар и потеряла около трети населения? Или об аварии на атомной электростанции в Украине, от которой Беларусь пострадала больше всех, потому что в тот день ветер дул в нашу сторону? Несомненно, это важнейшие события белорусской истории, и, возможно, либерийцы, учитывая трагическую судьбу их страны, нашли бы в них для себя что-то близкое, но что именно эти факты расскажут им о Беларуси?

Один нобелевский лауреат однажды сказал, что если ученый не может объяснить ребенку, чем он занимается — значит, он и сам не знает, чем занимается. Передо мной были не дети, а взрослые мужчины, которым нужно было в двух словах объяснить, что такое Беларусь, но... Что именно отличает белорусов от других народов? Какие признаки дают понять, что это — именно белорус, а не кто-то другой? Какие есть у Беларуси национальные символы — кроме картошки, которую пару веков назад внедрила русская царица? Что нужно делать, чтобы считаться настоящим белорусом — есть картошку, вспоминая при этом Великую Отечественную войну и Чернобыль? Может быть, именно из-за отсутствия ясного представления о том, кто мы такие, мы не понимаем и не любим себя и свою страну, замечаем в ней только плохое и не видим хорошего, без сожаления уезжаем, легко вписываясь в чужие культуры и напрочь забывая о своем происхождении...

В глубине души я знал, что это «что-то», что делает Беларусь Беларусью, а беларусов — беларусами, существует. Но это самобытное «что-то», не являющееся следствием литовского, польского, российского или иного внешнего влияния, нам еще предстоит ощутить, обнаружить и сформулировать — через поиск и развитие нашего собственного «чего-то», через создание самобытной культуры, национального стиля, системы ценностей...

— А где находится эта твоя, как ее... Лярусь? — прервал мои размышления Омар, которому надоело дожидаться ответа.

— Беларусь,— поправил я его.— Между Евросоюзом, Украиной и Россией...

— А, тогда понятно,— кивнул Корома-младший.— Россия, «Челси», Абрамович!

— Русская водка,— сказал достопочтенный Корома.

— АК-47,— добавил Омар.— Во время войны русские поставляли в Либерию оружие в обмен на красное дерево и алмазы. Скажи, Бигини, тебе приходилось смотреть в дуло автомата?

— Нет,— признался я, несколько растерявшись от такого поворота разговора.— А тебе?

— И не раз! Я взял оружие в руки после того, как повстанцы закатали моего дядю в ковер, облили бензином и подожгли. И отрезали головы четверым моим братьям.

— За что?

— За то, что он принадлежал к племени мандинго и был мусульманином... Многие тогда уехали из страны. У кого была возможность — улетели в США, как достопо-

ченный Корома. Другие лесами ушли в соседние страны и жили там в лагерях беженцев, как Корома-младший. А тем, кто остался, пришлось браться за оружие — чтобы самим не оказаться убитыми.

— Страшно было воевать?

— Перед боем мы нюхали специальный порошок — смесь кокаина с порохом!

И Омар изобразил, как он втягивал носом порошок с тыльной стороны ладони.

— Мы называли его «браун-браун»... После этого я уже ничего не боялся. Просто бежал вперед и стрелял во все, что двигалось.

* * *

Проехав заполненные людьми рынки и заваленные мусором трущобы, мы выехали из города. Асфальтовое покрытие вскоре закончилось, дорога сузилась и стала вильять справа налево и сверху вниз, и мы въехали в джунгли. По обе стороны от нас сплошной стеной возвышались тропические заросли: извилистые деревья стояли неподвижно, тесно прижавшись друг к другу, опутанные лианами и разнообразной растительностью... Этот бурелом был удивительно похож на мой внутренний мир.

Солнце с трудом пробивалось сквозь густую листву, ложась ослепительными полосами на темно-красную дорогу. Воздух был горячий и неподвижный, без намека на ветер. Салон автомобиля наполнился пьянящим запахом джунглей, состоящим из ароматов теплой, влажной земли, жадно тянущихся к солнцу растений и запаха

разложения миллионов погибших организмов... Колеса автомобиля поднимали в воздух густые облака пыли, и вскоре наша одежда, волосы и лица приобрели красноватый оттенок.

Встречавшиеся нам по дороге африканцы неспешно шагали по дороге, таща на головах всякую всячину: бревна, мешки с углем, тазы с бельем, блюда с вялеными обезьянами. Увидев впереди машину, прижимали ладонь ко лбу, заслоняя глаза от солнца, пытались разглядеть, кто внутри, а затем поднимали кверху ладонь и вяло произносили:

— Хэллоу, боссман, хэллоу!

Казалось, давление атмосферы на каждого индивидуума было тут на порядок больше, чем в других частях света. День ото дня, с рождения нося на себе эту тяжесть, люди привыкли беречь силы: не совершать необязательных движений, не ощущать необязательных чувств, не думать необязательных мыслей...

— Взять хотя бы Бонг Майнс, — прервал молчание достопочтенный Корома. — Раньше это место было похоже на сказку. Немецкая компания вела в этом месте добычу железной руды. Немцы постоянно жили там, целыми семьями. Они сделали из затерянной в джунглях деревни маленькую Германию: построили больницы, школы, магазины, рестораны, бассейны, теннисные корты... А потом Банга, столица округа Бонг, стала штабом Национального патриотического фронта — группировки Чарльза Тейлора.

— Народ поддерживал его? — спросил я.

— Тейлор объявил, что очистит Либерию от мусульман, государственных чиновников и других «вредителей», —

сказал Корома-младший.— На мандинго, фула и кран началась настоящая охота! Нас убивали прямо на улице, врывались в наши дома...

— И чего они добились? — перебил его достопочтенный Корома.— Теперь Либерия входит в число самых опасных стран мира, которые не рекомендуется посещать цивилизованным людям... Сегодня ты увидишь, на что стал похож Бонг Майнс! Повстанцы все разгромили и разграбили... И что, ты думаешь, эти глупые люди чему-нибудь научились? Нет! Они только что избрали старшим сенатором округа Бонг жену Тейлора — Джуэл!

— А в округе Нимба люди выбрали сенатором главаря повстанцев Принса Джонсона — союзника Тейлора. Того самого, что казнил президента Сэмюэля Доу, — добавил Корома-младший.

— Но почему? — воскликнул я.— Почему они выбирают преступников и палачей?

— Потому что либерийцы изо всех человеческих качеств больше всего уважают грубую силу! — хмуро сказал достопочтенный Корома.— Больше, чем ум, образованность, порядочность... В 1997 году Чарльз Тейлор баллотировался в президенты с лозунгом «Он убил моего папу, он убил мою маму, но я буду за него голосовать». И победил уже в первом туре с огромным перевесом! Да, теперь Тейлор сидит в тюрьме. Но он — единственный, кто понес наказание! А все его сообщники — на свободе, занимаются бизнесом, политикой... Не понимаю, куда смотрит Эллен? Надо поговорить с ней об этом.

— Вы знакомы с президентом? — удивился я.

— Разумеется! — кивнул достопочтенный Корома.— Я руководил ее избирательным штабом на тех самых президентских выборах 1997 года. Она тогда заняла второе место— после Тейлора. Я мог бы сейчас работать в правительстве... Но это очень уж хлопотное дело для пожилого человека. Особенно теперь, во время передела власти между старой и новой группировками. Поэтому я решил заняться бизнесом, это намного более спокойное и прибыльное дело. Даст бог, скоро мы продадим нашу первую партию металлолома...

И достопочтенный Корома замолчал, погрузившись в размышления. Корома-младший и Омар тоже помалкивали. Я смотрел в окно и прислушивался к своим ощущениям: каково это — находиться в одной из самых опасных стран мира, где каждый встречный может оказаться бывшим повстанцем, который еще недавно бегал с автоматом по джунглям, пытал и убивал людей?

Сквозь густую листву проглядывало ослепительное экваториальное солнце; по обеим сторонам дороги сплошной стеной тянулись непроходимые вечнозеленые заросли; на обочине иногда встречались тетки, тащившие на головах огромные вязанки дров или мешки с углем; Гена тихо похрапывал на переднем сиденье, положив ноги на приборную панель.

* * *

Время от времени мы проезжали придорожные деревни — скопления глиняных домиков в тени вездесущих пальм с лениво свисающими листьями-лопухами. Домики были

неправильной формы, они напоминали термитники или птичьи гнезда; симметрия для местных строителей точно не играла большой роли. Стремление к украшательству им тоже было несвойственно: декоративные элементы практически отсутствовали — за исключением иногда встречающихся черных отпечатков детских ладоней на стенах. Скамейки у домов выглядели так, как будто их сколотили из кривых палок наскоро, кое-как и даже не потрудились спилить сучки и обточить острые края. «Прежде чем сесть на такую скамейку, не помешает внимательно ее осмотреть — а то можно встать с дырой в штанах», — подумал я.

«Может быть, местные жители готовы в любой момент перебраться в другое место и поэтому не видят необходимости тратить время на основательное обустройство своего жилья? Или это такая природная эстетика, когда красота видится в естественности, безыскусственности и простоте? То, что нам кажется прекрасным, вполне может казаться им уродливым, и наоборот», — размышлял я, обливаясь потом, болтаясь из стороны в сторону в трясущейся на ухабах машине и щурясь от ослепительного солнца.

Чем дальше мы отъезжали от столицы, тем более низкими и неказистыми становились деревенские постройки и тем чаще вместо глиняных домиков нам встречались соломенные хижины или грязные и кривые хибары, сложенные из бамбука и крытые пальмовыми листьями. У деревень и на перекрестках часто встречались билборды различных благотворительных организаций, которые чем-нибудь осчастливили местное население.

Посреди дороги валялись худые, малорослые свиньи, покрытые бурой щетиной, которые полностью игнорировали приближавшуюся машину вплоть до того момента, когда, подъехав вплотную, Корома-младший не начинал оглушительно сигналить; тогда хряки испуганно подпрыгивали и в панике, с громким хрюканьем, мчались наутек под хохот и улюлюканье Мохаммедов.

При нашем приближении со всех сторон сбегались полуголые дети, хлопая в ладоши и крича хором: «White man! White man! White man!» Я улыбался им, невольно чувствуя себя персонажем голливудского фильма и презирая себя за это чувство.

На скамейках у домов сидели или лежали мужчины разных возрастов. Завидев на дороге джип, окутанный облаком пыли, они поднимали кверху руки в ленивом приветствии, щурясь от солнца.

— Почему только мужчины сидят на скамейках? Где женщины? — спросил я.

— Работают, — коротко ответил Корома-младший, не отрывая глаз от дороги.

— В традиционной африканской семье женщина содержит мужчину, а не наоборот! — сказал достопочтенный Корома с улыбкой. — Женщина работает в поле, носит из джунглей дрова и разводит огонь под котлом, в котором варит рис для своего мужчины.

— А что делает мужчина?

— Мужчина делает детей, — ответил Корома-младший. — Чтобы они помогали женщине. Чем больше детей, тем больше у нее помощников.

— Бигини! Тебе нужно жениться на либерийской женщине... — завел свою любимую песню Омар.

— Я еще не готов к семейной жизни, — перебил я его.

— Когда вернемся в Монровию, я приведу тебе свою сестру, — сказал Омар, хлопая меня по плечу. — Когда ее увидишь, с крыльца упадешь. Точно тебе говорю! Сразу влюбишься по уши — настолько она красивая. К тому же еще и образованная — в школу ходит, читать умеет...

В этот момент мы наехали на здоровенный корень, растянувшийся поперек дороги. Корома-младший не заметил его, поскольку вел машину, повернувшись к нам лицом и смеясь над рассуждениями Омара. Нас потрянуло так сильно, что я ударился головой о потолок. Корома-младший резко затормозил; машина съехала с дороги, и мы остановились, окутанные облаком красной пыли, которая медленно оседала на дорогу в горячем безветренном воздухе. Гена громко засопел и заворочался на переднем сиденье, дважды громко чихнул, сотрясаясь всем телом, и проснулся.

В наступившей тишине слышалось журчание воды, и сквозь рассеивавшуюся пыль и переплетения лиан мы увидели где-то внизу бодрый ручеек, со звонким плеском прыгающий по камням в расщелине, которая начиналась в нескольких сантиметрах от передних колес нашей машины.

— Женя, а спроси их, в этой речке крокодилы водятся? — сказал Гена, щелкнув зажигалкой.

— Не знаю, — ответил Омар. — Может быть, и водятся...

— А черепахи? — спросил Гена.

— Черепахи — вряд ли, — ответил Омар.

— А дельфины? — спросил Гена, выдыхая дым через нос.

— Нет, дельфины водятся только в море, — улыбнулся Омар.

— А может, в этой речке акулы водятся? — продолжал спрашивать Гена.

— Акул здесь тоже нет.

— А кальмары? — не унимался Гена.

— Нет, — ответил Омар с плохо скрываемым раздражением.

— А чудо-юдо-рыба-кит? — спросил Гена, ухмыляясь.

— Хорошая шутка, — сказал я. — Но это не переводится.

— Ну, попробуй как-нибудь перевести.

— Это не переводится!

— А ты попробуй, — сказал Гена и уставился на меня с рыбьим выражением лица.

Я молча смотрел на него. Все остальные глядели на нас.

Прохладные струи воды громко плескались где-то внизу, с разбегу ударяясь о гладкие, древние камни и разлетаясь в разные стороны веером звонких сверкающих брызг.

— Раз уж мы все равно остановились, — прервал тишину достопочтенный Корума, выходя из машины, — то это самое подходящее время, чтобы помочиться... Вообще-то, друзья, нам надо поторапливаться, а то не успеем вернуться до темноты. В этих местах завелась какая-то

бешеная горилла. Она нападает на проезжающие мимо автомобили, калечит людей. Местные волнуются. Я слышал, что президент собирается направить сюда армейские подразделения, чтобы они поймали эту тварь. Только как они будут это делать, в джунглях-то? По деревьям за ней лазить, что ли? Огнестрельного оружия-то у них нет...

* * *

Поселок Бонг Майнс выглядел так, как будто здесь только что закончилась бомбежка. От «маленькой Германии» остались только почерневшие бетонные скелеты. На обглоданных временем останках изящных крылечек и уютных беседок сохли постиранные лохмотья; из пустых глазниц изувеченных зданий осторожно выглядывали полуголые дети.

Мы проскочили поселок, не останавливаясь, и поехали вперед по узкой извилистой дороге, которая вилась среди густых тропических зарослей. По бортам машины замолотили кусты, лианы, ветки деревьев. Мохаммеды поспешно подняли стекла. Гена все никак не мог отойти ото сна, он непрерывно зевал, потягивался и тер глаза, прикуривая очередную сигарету.

— Ты бы лучше закрыл окно,— сказал Гене достопочтенный Корома, торопливо вращая ручку на своей двери.

— Ага, сейчас, только докурю,— беспечно ответил Гена и сделал глубокую затяжку.

В этот момент здоровенная ветка с размаху саданула Гену по лицу, выбив сигарету у него изо рта. По салону

машины заметались искры, табак и клочки сигаретной бумаги. Мохаммеды стали с возмущенными криками отмахиваться от искр. Гена торопливо поднял стекло, стирая кровь с разодранной губы.

— Глупый мальчишка! — пробормотал себе под нос достопочтенный Корума. — Так можно и глаза лишиться...

Внезапно джунгли расступились, и перед нами выросло грандиозное металлическое сооружение. Высотой с пятиэтажный дом, оно состояло из массивных железных балок и переплетенных между собой труб, тяжелых изломанных лестниц и цельнолитых перегородок, гигантских зубчатых колес, маховиков и цилиндров.

Этот темный монстр производил впечатление одновременно зловещее и нелепое. Со своими симметричными очертаниями и суровым видом он казался неуместным в окружающем его шумном вечнозеленом хаосе — как надгробная плита, установленная посреди веселой людской ярмарки в качестве чьей-то неудачной шутки.

Вокруг и внутри этого титана копошились десятки рабочих. Они безжалостно кромсали его на части, напоминая армию термитов, пожирающих разлагающийся слоновий труп. Тут и там вспыхивали огни газовых резаков, отбрасывая во все стороны гирлянды ослепительных искр. Рабочие подтаскивали эти железные обрубки к краю и сбрасывали вниз, крича: «Посторонись!» Внизу другие рабочие отвозили их на тележках в сторону от здания и сваливали в большие кучи.

Этот ржавый скелет когда-то был сверкающим титаном. Чужеземцы по частям привезли его сюда на ко-

раблях, поставили посреди джунглей монументом силе разума и современным технологиям и назначили правителем здешних мест. Неподвластный погоде и природе, он годами неподвижно стоял на красной земле своими колоннами-ногами, надменно осматривая свои владения — тысячи акров первобытного леса, обитатели которого, склонив головы перед его величием, покорно приносили ему дары — горы железной руды, которые он жадно глотал, пережевывая в пыль своими жерновами и отправляя за моря, своим хозяевам, драгоценный металлургический концентрат, а взамен раздавая аборигенам магические зеленые бумажки.

Теперь же никто и не думает ему кланяться. Джунгли взяли свое, и сквозь могучее металлическое тело проросли гибкие лианы, опутывая его ребра и позвоночник; мох и плесень покрыли его кости, которые пилят на части его бывшие слуги, отрезая кусок за куском, и будут пилить и тащить прочь до тех пор, пока от него не останется ничего, кроме куч железной пыли, которая со временем без следа рассеется по густым вечнозеленым зарослям.

Мы подошли к входу и стали осторожно подниматься вверх по железным лестницам. При нашем приближении рабочие поспешно бросали все свои дела и низко кланялись, прижимая ко лбу сложенные вместе ладони. На худых, покрытых грязью и потом лицах блестели натянутые улыбки:

— Хэллоу, боссман! Хэллоу!

Вблизи внутренности этого великана выглядели еще более внушительными, заставляя почувствовать себя

муравьем, который случайно заполз в храм неведомого и грозного божества. Засмотревшись на большое зубчатое колесо, я чуть было не провалился в рваную дыру в полу. Корма-младший вовремя схватил меня за плечо и отпихнул в сторону. Вот был бы нелепый конец — свалиться с высоты на какие-нибудь железные штыри и загнуться здесь от потери крови и многочисленных переломов!

Мы поднялись на верхний уровень, где полтора десятка рабочих как раз раскачивали здоровенную железную трубу, пытаясь столкнуть ее вниз. Поприветствовав начальство, они засуетились и загалдели с удвоенной силой, старательно изображая кипучую деятельность.

Здесь, наверху, прохладный ветер сразу же растрепал мои мокрые от пота волосы. Глубоко, с наслаждением вздохнув, я шагнул к краю пропасти и глянул вниз. Земля была совсем рядом — меня отделяли от нее всего лишь одна-две секунды лету; а потом, жадно и необратимо притягиваемый ее манящим телом, я бы горячо обнял ее плоть, распластавшись там, на траве, среди кусков ржавого металла. Подняв взгляд кверху, я посмотрел на огромное лазурное небо — чистое, без единого облачка, недостижимо далекое, равнодушное и ошеломляюще великолепное в своей сверкающей простоте...

— Обрати внимание, что пилить начали сверху, — сказал Гена с видом эксперта. — Так мы постепенно дойдем до фундамента и вывезем все здание в Монровию.

— А каким образом планируется его вывозить?

— Вон, посмотри, — Гена показал пальцем вниз. — Видишь железную дорогу? Она начинается здесь, а за-

канчивается в порту, в ста метрах от нашего склада. Доставка металлолома получается удобная и дешевая. Шимон — молодец, все грамотно просчитал.

— Да уж.

— Этот завод — только начало. Тут повсюду валяются десятки, сотни ржавых бульдозеров, грузовиков, разной тяжелой техники. Это все тоже будет наше.

Гена стоял у самого края и прищурившись смотрел вдаль с видом суровым и непреклонным, как у Наполеона перед решающим сражением. Только вместо конницы, артиллерии и пехоты противника перед внутренним взглядом Гены проплывали ржавые бульдозеры и брошенные грузовики, которые предстояло захватить, распилить и вывезти из страны.

— Мохаммед, послушай, — обратился Гена к Короме-младшему. — Я хочу убедиться, что все эти люди не работают в пьяном виде. Когда я буду говорить речь, открой капот машины, как будто ты проверяешь уровень масла или чистишь клеммы аккумулятора. А потом неожиданно падай на колени, хватайся за руку и кричи изо всех сил: «Я ранен! Скорее, принесите алкоголь, чтобы продезинфицировать рану!»

Корома-младший неуверенно кивнул, почесывая голову с озадаченным видом.

— Эй, ты! Иди сюда, — подозвал Гена одного из рабочих. — Как называется компания, в которой ты работаешь?

— Компания, в которой я работаю? — переспросил тот.

— Да, как она называется?

— «Джей Джей Ту», — неуверенно ответил рабочий.

— Наша компания называется «Металл Либерия», запомни это! — с угрозой в голосе сказал Гена.

— Да, сэр! Извиняюсь, сэр! — воскликнул рабочий, вытягивая руки по швам.

— Если кто-то еще когда-нибудь скажет, что он работает в «Джей Джей Ту», — сразу будет уволен! — повернулся Гена к Короме-младшему.

— Они еще не запомнили нового названия, — сказал Короме-младший.

Вокруг нас начали собираться рабочие, спрашивая друг у друга:

— Что случилось?

— Кто-то уволен?

— Белый начальник говорит, что наша компания называется «Фатальная Либерия»...

— Как называется?

— Какая Либерия?

— Все возвращаются на свои места! — закричал Короме-младший с грозным видом. — Через полчаса внизу будет собрание, там вы все узнаете!

* * *

Полчаса спустя Гена и я стояли у походной кухни, где в большом котле варился рис к обеду. Рабочие исподлобья разглядывали нас, переминаясь с ноги на ногу чуть поодаль.

Докурив сигарету, Гена откашлялся и начал говорить:

— Вы меня уже видели, когда я приезжал сюда с Ши-моном. Вы, наверное, подумали, что я просто сын свое-

го отца, потому что тогда у меня не было языка. Теперь, когда у меня появился переводчик, я могу с вами говорить. Я — инвестор, акционер компании. Кроме того, чтобы вы знали, я — самый успешный музыкальный продюсер в Израиле...

Рабочие напряженно переводили взгляд с Гены на меня; казалось, они не понимали ни единого слова из того, что я переводил. Тут вдруг раздался крик Коромы-младшего:

— Я ранен! Скорее, несите алкоголь!

Он сидел на коленях около машины, сжимая одну руку другой и изображая страдание на лице. Рабочие недоуменно смотрели на него, не двигаясь с места.

Выдержав паузу, Гена кашлянул и сказал:

— Это была проверка, которую вы успешно прошли. Работать в пьяном виде — опасно для жизни. К тому же алкоголь вреден для печени. За то, что вы так хорошо себя проявили, кроме своей зарплаты каждый из вас сегодня получит премию — один доллар США.

Кажется, это было первое, что рабочие поняли из Гениной речи. С дружным криком «Ура!» они стали бросать в воздух бейсболки и защитные каски. Несколько человек пустились в пляс, выписывая замысловатые фигуры оттопыренными задками. Гена хотел сказать что-то еще, но его никто не слушал, все устремились к Короме-младшему, который уже раскладывал на капоте машины стопки либерийских долларов.

Я смотрел на них и думал: «Неужели годы войны сделали их такими? За три доллара в день они готовы пилить что

угодно: обогатительный железнорудный завод, красное дерево, бивни слонов, а то и ногу соседа. Особенно, если он из другого племени. Сейчас они продают то, чем когда-то добывали природные ресурсы, потом продадут сами эти ресурсы... А потом, когда нечего больше будет продавать, начнется голод, и люди будут убивать и есть друг друга».

— А что это за «Джей Джей Ту»? — спросил я у достопочтенного Коромы, который стоял чуть поодаль с хитрой улыбкой на лице.

— Дело в том, что сначала этот завод резала на металлолом индийская компания «Джей Джей», — объяснил он. — Потом пришла другая индийская компания. Чтобы не путать людей, они назвались «Джей Джей Ту». Но... Я не люблю индусов. Они очень жадные. Поэтому я сделал так, чтобы им запретили работать. И вместо индусов пришла «Металл Либерия»... Многие из этих людей работали во всех трех компаниях и пока еще не запомнили нового названия.

— Вы запретили индийцам работать? — удивленно переспросил я.

— Я сделал так, чтобы им запретили работать. Кстати, если израильтяне тоже окажутся жадными, то и они останутся ни с чем, — сказал достопочтенный Коромы и быстро добавил: — Это переводить не нужно.

— Что он говорит? — спросил Гена, подходя к нам.

— Что... раньше здесь были аэродром и казино, — растерянно ответил я, глядя на большой пропагандистский билборд на дороге, рекламирующий «новую регулярную армию Республики Либерия». На нем был

изображен юноша, с гордостью демонстрирующий бейдж новобранца; его родные стояли чуть поодаль, глядя на юношу с широкими улыбками на лицах. В верхней части бейджа был крупно напечатан трехзначный буквенный код Либерии — LBR, удивительно похожий на аналогичный код Беларуси — BLR. Это странное совпадение практически ввело меня в состояние транса... Я смотрел на эти буквы и думал о том, что в какие далекие и удивительные места порой приводят людей поиски свободы. И находят они в этих местах зачастую совсем не то, что ищут.

Глава 9

Мы въезжали во двор под аккомпанемент яростных криков Шимона:

— Что значит «сегодня не получится»? Каких еще запчастей тебе не хватает, негодяй? Может, у тебя в голове чего-то не хватает?

Генератор заглох еще в полдень, и с тех пор худой высокий африканец по имени Принц безуспешно пытался его починить. Принц полностью разобрал генератор, весь перемазался мазутом, несколько раз уходил покупать свечи, шланги и другие запчасти, брал у Шимона телефон, чтобы посоветоваться с друзьями, привлек к работе охранника, дворника и даже уборщицу, но генератор по-прежнему не подавал признаков жизни.

— Он же совсем новый! И месяца не проработал! — горячился Шимон.

Принц сочувственно качал головой и недоуменно разводил руками, на все слова Шимона повторяя одно и то же:

— Завтра, начальник! Завтра.

Солнце готовилось нырнуть за горизонт. Ящерицы бегали как полоумные, гоняясь за оживившимися к вечеру насекомыми.

— Хотя обратно генератор собери! — сказал Шимон. — Ты же завтра половину запчастей не отыщешь.

Принц с сомнением посмотрел на фрагменты генератора, разложенные бесформенными кучками на кусках газет и тряпок, и задумчиво почесал голову.

Света не было, кондиционеры не работали. В доме стоял неподвижный, тяжелый, горячий воздух — такой плотный, что, казалось, его можно было резать ножом.

Электрический насос тоже не работал, поэтому воды в кранах не было; соответственно, нечем было смыть с себя семь толстых слоев липкого пота и красной пыли.

Гена разделся до трусов, вышел на крыльцо и разлегся на скамейке, тяжело дыша и обмахиваясь бумажником. Шимон нервно ходил из стороны в сторону, размахивая руками и ругаясь на иврите. Мартышки прыгали по клетке с оглушительным визгом.

— Начальник злится, потому что генератор поломался, — констатировал стоявший неподалеку от меня грустный пожилой охранник. — Когда Шимон кипятил воду в электрочайнике, генератор несколько раз подпрыгнул — бух! бух! бух! — и остановился. Принц сказал, что причина в этом. А Шимон говорит, что этого не может быть, потому что генератор очень большой и сильный...

— Скажи, — перебил я его, — а как ты относишься к вашему бывшему президенту, как его...

— Чарльз Тейлор? — воскликнул он. — Настоящий мужик! Никого не боялся. Я служил в его армии...

И охранник, повеселев и расправив плечи, стал бодро маршировать на месте, высоко поднимая колени и прижимая к плечу воображаемое оружие.

— После войны армию распустили, и я остался без работы... — заключил он и снова погрузился.

— А мне сказали, что Тейлор — преступник, что он сейчас под судом в Гааге.

— Ерунда! Просто белые решили унижить сильного африканского лидера, чтобы другим неповадно было. Его просто сделали козлом отпущения, а настоящие преступники — это...

— Слушай, — спросил я, вытирая пот со лба. — А море далеко отсюда?

— Море? Близо! А зачем тебе море?

— Хочу искупаться.

— А, плавание... — уважительно протянул он.

— Насколько близко? Километр?

— Ну... — почесал голову охранник. — Скажем так, около пяти минут.

— Пешком?

— Нет, на мотоцикле.

— При чем тут мотоцикл? Пешком!

— Ну, где-то пятнадцать минут. Почти. Или десять. А может быть, и двадцать. Если бежать — быстрее доберешься, если идти медленно — дольше получится.

При этом охранник изобразил в жестах, как нужно бежать, если я хочу быстро попасть к морю, и как нужно шагать не спеша, вразвалку, если я не слишком тороплюсь. Мне начинало казаться, что либерийцы в целом придают небольшое значение словам и часто говорят первое, что взбредет в голову. Возможно, это было частью местного этикета: даже если не знаешь ответа на вопрос, не расстраивай собеседника простым и безыскусным «не знаю», а лучше придумай что-нибудь прикольное.

— В какую сторону идти?

— Как выйдешь из ворот, поворачивай направо и иди все время прямо. Тебя проводить?

— Что я, девушка, чтобы меня провожать? Сам дойду.

— Окей, боссман! — улыбнулся охранник, открывая ворота.

И я зашагал по улице, поднимая шлепанцами клубы пыли, которая и после того, как я давно скрылся из виду, продолжала медленно парить над дорогой в тяжелом влажном воздухе.

* * *

Идти «все время прямо», как советовал охранник, не получалось: улица постоянно извивалась и периодически раздваивалась. Поэтому я просто двигался в ту сторону, откуда доносился шум океана.

Вечерний воздух был наполнен сильными запахами: дымом от жаровен, на которых шипели маленькие рыбешки; потом прохожих; вонью отбросов и нечистот.

Уличные торговцы везли в тачках свои товары. Чумазные дети копошились в пыли. Мужчины ходили, взявшись одной рукой за гениталии, а второй оживленно жестикулируя или же ковыряясь в носу. Женщины шли вразвалку, размашисто виляя ягодицами и придерживая рукой кусок пестрой ткани, намотанный вокруг бедер,— эта ткань, казалось, могла в любой момент соскользнуть на землю.

Каждую минуту со мной кто-нибудь пытался пообщаться. Говорили всякую ерунду— важен был не смысл сказанного, а сам факт контакта с белым человеком. Пьяный паренек, поравнявшись со мной, весело заявил: «Мне нравятся твои шлепанцы! Дай мне один». Другой при моем приближении встал в боксерскую стойку: «Хочешь подраться?» Я молча покачал головой, а он побежал по улице с радостным криком: «Белый человек боится меня! Белый человек боится меня!» Девушка в короткой юбке, когда я проходил мимо, томно посмотрела мне в глаза и задала философский вопрос: «Когда?»

Полагаю, я представлял собой довольно нелепое зрелище: длинные слипшиеся волосы свисали на огромную майку, болтавшуюся на мне, как мешок от картошки; из-под грязных джинсов выглядывали черные от пыли ноги в сланцах. Действительно, на такого диковинного кренделя нельзя было не обратить внимание.

Когда я, наконец, вышел к бульвару Табмена, солнце уже почти скрылось за горизонтом; надо было торопиться, чтобы успеть вернуться домой до наступления темноты. Океан был где-то совсем близко! Я пересек дорогу,

обходя неспешно трясиные на ухабах и непрерывно сигнализировавшие машины, и прислушался. Волны шумели где-то рядом, но путь к ним преграждал высокий бетонный забор с протянутой поверху колючей проволокой, на котором был изображен логотип какой-то благотворительной организации, а также большая надпись «Дети мира — за мир».

Рядом на кучах булыжников сидели подростки, дробя кулаками камни на щебенку, которая тут же продавалась по пятнадцать долларов за кучу. Увидев меня, они дружно закричали:

— Эй, белый человек, хочешь нам помочь? Присоединяйся!

— В другой раз, — усмехнулся я. — Скажите лучше, как пройти к морю?

— Тут нигде не пройдешь! — сказал ближайший паренек и после минутного раздумья махнул рукой в сторону. — Туда нужно идти.

Я добрых полчаса шагал вдоль сплошных ограждений, за которыми располагались виллы различных благотворительных организаций: «Правда для всех», «Фонд истинных христиан», «Чистый лес навсегда», «Право играть» и других в том же роде. Толстые бетонные заборы были более трех метров в высоту; сверху виднелись колючая проволока, прожекторы и видеокамеры... Нигде не было даже самого узкого прохода к морю. Суровые охранники на мои просьбы пропустить меня к морю через их двор отвечали из-за закрытых ворот, что посторонние на территорию не допускаются.

«Хорошие ограждения, высокие... — устало думал я. — За таким могучим забором, сидя на пляже, а еще лучше — лежа на шезлонге, очень даже приятно поразмышлять о помощи кому-нибудь или спасении чего-нибудь».

Тем временем улицу начал быстро окутывать мрак, в котором еще громче раздавались гудки машин, хриплые звуки музыки, смех и голоса людей. Я уже хотел поворачивать обратно, когда очередной бетонный забор неожиданно закончился. Передо мной предстали ряды грязных построек, за которыми виднелись пенные верхушки морских волн.

Здесь было вполне реально пробраться к берегу, и я зашагал по узкому извилистому проходу между хижинами, из которых выглядывали любопытные детские лица, доносились женские и мужские голоса, тянулся дым костров и запах марихуаны.

* * *

Наконец-то я на пляже! Передо мной качалась, дышала и гудела темная громадина океана. Звезды причудливо танцевали и кружились вокруг зыбких пенных башенок, раз за разом решительно набегающих на каменистый берег. Дрожащие блики луны дрейфовали по бескрайнему водному полю. Мне в лицо дул сильный, прохладный ветер, кожа быстро покрывалась солью, запах йода проник в ноздри, морской воздух наполнял легкие.

Очередная волна с пенной верхушкой поднималась из темной воды где-то вдалеке от берега. Она вздымалась все выше и выше, неслась к берегу все стремительней и, наконец, изгибалась как змея, подпрыгивала кверху

и обрушивалась на землю с глухим тяжелым звуком, обдавая меня тысячей прохладных соленых капель.

Дыша полной грудью, я быстро зашагал к воде, на ходу стягивая с себя одежду, и вдруг наткнулся ногами на что-то живое.

— Эй, ты, смотри куда прешь! — воскликнул хриплый мужской голос.

Я вздрогнул от неожиданности, подался назад и всмотрелся в темноту. Прямо передо мной на корточках сидел мужик с сигаретой во рту, испражняясь на песок.

— Прошу прощения! Я вас не заметил, — пробормотал я, обошел его и чуть не свалился на тетку, которая занималась тем же самым, что и мужик, раскорячившись в нескольких метрах от него.

К этому моменту мои глаза привыкли к темноте. Я оглянулся по сторонам и непроизвольно вздрогнул... Пляж был завален отбросами. Повсюду вперемешку валялись осколки стеклянных бутылок, мятые жестяные банки, рваные пластиковые пакеты, куски тряпок, гниющие остатки фруктов, какие-то кости и рыбные очистки, старые шины и подобный хлам. По кучам мусора ползали сотни крупных и мелких крабов, над ними кружились полчища крылатых насекомых. Тут и там виднелись фигуры справлявших нужду людей. В море никто не плавал, и вдоль воды не прогуливались влюбленные пары.

Очевидно, пляж служил для местных жителей свалкой и туалетом. Странно, что я сразу не почувствовал эту оглушительную вонь — смесь запаха гниения и экскрементов! Набегавшие на берег приливные волны захватывали

мусор и уносили его в океан, где он кружился, танцую и подпрыгивая на поверхности воды.

Вздохнув, я двинулся обратно, отмахиваясь на ходу от того самого обкуренного дядьки, о которого чуть не споткнулся. Плюясь слюной, запинаясь и надрывно кашляя в кулак, он настойчиво хватал меня за локоть и невнятно бормотал что-то насчет «белой лодки», на которой ему хотелось бы покататься вместе с какой-то «белой леди».

* * *

Ворота были закрыты, а охранники спали. Двор и дом были по-прежнему погружены во мрак. Сколько я ни кричал и ни стучал кулаком по железным воротам, все было напрасно. Девушки в коротких платьях, топтавшие неподалеку, с интересом наблюдали за мной, сопровождая мои действия насмешливыми комментариями.

— Эй, малыш! — крикнула одна из них. — А где твой брат Гена? Я хочу делать с ним джиги-джиги!

— Ты знаешь, что такое джиги-джиги? — закричала другая. — Иди сюда, я тебе покажу!

— Да-да, малыш, иди сюда, к нам! Посмотри, какие мы сладкие и горячие!

— Мне нравятся только девушки с большими и крепкими сиськами! — соврал я, разозленный их насмешливым тоном. — Не уверен, что у вас есть то, что мне нужно...

— Я меня именно такие сиськи! — воскликнула одна из них и пошла в мою сторону.

— И у меня — вот, посмотри! — поспешила ко мне другая.

Через несколько секунд я стоял в окружении десятка девушек, которые тянули ко мне свои груди, уговаривая их потрогать.

Я клал ладони на грудь то одной девушки, то другой и выносил свой вердикт:

— Действительно, большие сиськи... Но недостаточно крепкие! А эти сиськи — крепкие... Но недостаточно большие!

В той самой церкви неподалеку, где по ночам играла музыка, как раз начиналась служба. Мимо меня проходили группки нарядных людей, напевая гимны Иисусу.

— Пойдем с нами, друг! — сказал один из них с широкой улыбкой.

— Пойдем! — согласился я и зашагал к церкви.

— Куда ты? Стой! — закричали девушки.

— Я же говорил: у вас нет того, что мне нужно! — воскликнул я. — Больших и крепких сисек!

— Все у нас есть! Иди сюда!

— Ты лучше мою попу потрогай!

— Мы будем тебя ждать, малыш!

Мои спутники и я хлопали друг друга по плечу, обмениваясь веселыми репликами. У меня было ощущение, что я встретил хороших старых друзей, которых не видел много лет.

Внутри церковь была ярко освещена. На стенах были нарисованы разные библейские сцены — довольно неумело, но по-своему красиво. Прихожане танцевали и хлопали в ладоши. У стены стояли музыканты, играя что-то праздничное. За барабанной установкой

сидел Эби с широкой улыбкой на лице. Проповедник, стоявший у микрофонной стойки с закрытыми глазами, приветствовал прихожан отрывистыми возгласами:

— Да! О, да! Сегодня здесь произойдет что-то особенное! Что-то невероятное! Да, да! Господь ждет вас! Братья и сестры, входите же скорее! О, Господи! Нас ждет что-то потрясающее!

И вот служба началась! Музыканты заиграли медленный размашистый рэгги, а проповедник стал восклицать в микрофон:

— Кто умер за тебя на кресте?

Прихожане хором кричали, выбрасывая вверх правую руку:

— Иисус!

— Кто хранит тебя, когда ты идешь ночью по улице?

— Иисус!

— Кто бережет тебя от аварии, когда ты ведешь машину?

— Иисус!

После этого вступления настало время проповеди:

— Иисус Христос сказал: «Не суди ближнего своего! Сучок в глазу брата своего видишь, а бревна в своем глазу не замечаешь». Так вот, некоторые люди говорят про меня, что у меня много денег, осуждают меня за это. Это очень глупые люди так говорят. Я сказал: истинно глупые люди так говорят! Аминь. Потому что у меня и должно быть много денег. Истинно говорю вам: я слуга Бога, и у меня должно быть много денег! Только вчера ко мне приехал иностранец из Европы и дал мне... две тысячи

долларов! Две тысячи долларов он дал мне только вчера, иностранец из Франции! Вот он — истинно умный человек, да благословит его Бог! Истинно умный! Ибо Бог ему воздаст втрое и больше раз воздаст! Что отдано Богу, все вернется многократно! Ибо щедро дающий никогда не будет ни в чем нуждаться! Все, чего захочет он, — все будет у него! Аминь!

Далее последовало продолжительное перечисление того, что проповеднику дали разные иностранцы: один подарил контейнер куриных окорочков, второй — тридцать мешков риса, другие подарили ему телевизор, холодильник и другую бытовую технику, а также новый джип, и все эти иностранцы говорили: «Пользуйся, святой человек, только молись за нас перед Богом!»

— Да благослови их Господь и дай этим мудрым людям процветания и успехов в бизнесе! — продолжал проповедник. — Сразу после этого благословенного дарения у щедрых и мудрых иностранцев резко пошли дела в гору, и они заработали втрое, вдесятеро больше денег! Хочешь преуспеть — давай мне деньги, и все у тебя будет! Чем больше мне дашь, тем больше денег вернется к тебе, и будет у тебя много-много денег, крутая машина, большой дом, мужская сила будет, женское здоровье будет, потому что тебя Господь благословит!

Прихожане встречали эту проповедь подбадривающими возгласами и одобрительным смехом. Похоже, они прекрасно сознавали, что проповедник блефует, но принимали это изобретательное самовосхваление как часть игры. Некоторые из них, продолжая танцевать, подходи-

ли к большой пластмассовой корзине, стоявшей перед сценой и, разжимая кулак, бросали туда мелкие деньги, смятые в комочки; при этом проповедник всякий раз прерывал свою проповедь и торжественно произносил:

— Благослови тебя Господь, дочь моя! Благослови тебя Господь, сын мой! Да снизойдет на тебя благодать Божья!

У меня не было денег, а то обязательно бросил бы ему что-нибудь в эту корзину.

Затем музыканты заиграли тревожную тему. Эби отбивал на барабанах драматичную дробь, а клавишник взял один протяжный трагичный аккорд. Проповедник широко расставил ноги, воздел руки кверху и громогласно воскликнул:

— Пришло время исцеления! Подходите ко мне, дети мои! Ты, иди сюда!

Проповедник положил левую ладонь на лоб стоявшей неподалеку девушке, а правой с силой ударил по ней. Девушка оцепенела и стала заваливаться назад, ее подхватили другие прихожане. Проповедник двинулся вдоль ряда верующих, ударяя их по головам и повергая в обморочное состояние.

«Исцелив» таким способом несколько десятков прихожан, проповедник воскликнул:

— А теперь, братья и сестры, поднимем руки к небесам для общей молитвы!

Музыканты заиграли экстаичное, постепенно ускоряющееся рэгги. Все подняли руки кверху и стали скандировать: «Аллилуйя! Иисус, спасибо тебе!» Подхваченный

волной общего праздника, я тоже поднял руки. Здесь происходило что-то живое и настоящее...

В этот момент меня ослепила вспышка света. Невдалеке стоял африканец с гигантским винтажным фотоаппаратом, объектив которого был направлен в мою сторону. Возможно, я был первым белым, который пришел в эту церковь, и они хотели запечатлеть этот исторический момент. Мне было все равно... Искupаться в океане мне сегодня не удалось, но к абсолюту я все же прикоснулся.

Глава 10

Мой самолет плыл сквозь хлопья белых облаков. Подперев подбородок кулаком, я задумчиво глядел в иллюминатор на безбрежное море из сверкающей на солнце белоснежной ваты и чувствовал удивительную легкость и душевный покой.

Вдруг о стекло прямо перед моим лицом с размаху ударилась черная ворона, сразу превратившись в кровавый мякиш и разбрызгав вокруг себя паутину из красных капель. Вскрикнув, я испуганно отпрянул в сторону.

В этот момент самолет сильно трянуло, потом еще и еще, с каждым разом все сильнее и сильнее. Затем где-то рядом раздался взрыв, и самолет стал с оглушительным ревом падать вниз.

Оглянувшись по сторонам, я с ужасом увидел, что в креслах вокруг меня сидели только трупы на разных

стадиях разложения. Некоторые умерли совсем недавно, и лишь восковой цвет кожи и неподвижные глаза свидетельствовали об их смерти. У других кожа уже начала расплзаться, открывая взгляду гниющую плоть, полную копошащихся червей. Третьи давно превратились в гладкие, изящные скелеты; от тряски самолета их белые кости болтались и падали на пол с глухим стуком, как сухие ветви деревьев.

Эта сцена была настолько жуткой, что мне захотелось, чтобы наш самолет скорее столкнулся с землей. Но он все падал и падал, и это длилось целую вечность. Наконец я почувствовал сильный удар, корпус самолета стал ломаться и плющиться, как картонная коробка, и я проснулся.

Стоя прямо под моим окном, Шимон громко бранил директора охранный агентства, молотя кулаком по жестяному подоконнику.

— Ты — самый настоящий, конченный негодяй! — кричал он на Чарльза. — В военное время за такую организацию охраны тебя отдали бы под трибунал!

В моей памяти всплыли события предыдущего вечера: вернувшись из церкви, я снова долго и безрезультатно стучал в закрытые ворота. Отчаявшись, я стал подбирать с дороги камни и бросать их через ограду, надеясь попасть в спящих охранников. Проходившие мимо прихожане церкви милосердно вызвались мне помочь; к ним с готовностью подключились стоявшие неподалеку девушки. Все вместе мы стали с азартом швырять камни за забор. В охранников мы так и не попали, зато разбили окно в комнате Шимона.

— Сотрудники, которые преступным образом впали в сонливость минувшей ночью, понесут суровое наказание,— запинаясь, говорил Чарльз.— Они лишатся части своей зарплаты...

— Мне все равно, сколько ты себе положишь денег в карман из их зарплаты,— перебил его Шимон.— Мне нужно, чтобы этот дом был под надежной охраной!

— У меня есть один охранник,— медленно и торжественно произнес Чарльз,— который никогда не спит на работе! Он несет службу на вилле одной очень-очень большой иностранной компании, которая недавно заключила со мной контракт. Учитывая нашу дружбу, я переведу его сюда. Сегодня ночью он будет работать у вас!

— Ладно, посмотрим на твоего супермена,— скептически сказал Шимон.— Даю тебе последний шанс. Или я расторгну контракт и не заплачу тебе ни копейки! Адьес, дружище!

Раздался громкий звук распахнувшейся двери, и Шимон вошел в дом, крича:

— Гена! Евгени! Поднимайтесь! У нас сейчас будет важная встреча! Если все пойдет как надо, то очень скоро наша компания покроется толстым слоем шоколада!

Охранник наносил воды из колодца, и я наконец-то смог смыть с себя вчерашнюю грязь и пот.

Прохладный утренний воздух вливался в открытое окно ванной комнаты. Я с наслаждением сделал глубокий вдох и почему-то подумал: «Неужели все это когда-то закончится?» Мне вдруг стало очень жалко себя, всех людей и вообще все живое, захотелось лечь на пол, обнять

руками колени и тихо оплакивать неминуемую гибель всего сущего: живых организмов, планеты Земля, Вселенной. И написать об этом трагичную песню, полную надломов и диссонансов — которая заставит всех, кто ее услышит, сотрясаться в рыданиях...

Намыливаясь, я прислушивался к парящим в пространстве звукам своей новой песни. И не сразу услышал громкий стук в дверь ванной.

— Евгени, ты тут? — кричал Шимон, дергая ручку двери. — Ты в порядке?

— Да, да! — торопливо ответил я, поливая себя водой из ковша. — Конечно! Я скоро!

— Я извиняюсь, что отвлекаю тебя от принятия душа, но гости уже здесь, и нам очень нужен переводчик. Крайне важно, чтобы Гена понял суть разговора. Мы тебя очень ждем!

* * *

В гостиной на диване сидели двое мужчин и женщина. Все трое были почтенного возраста и полного телосложения, что в Либерии говорило об определенном достатке. Они были одеты в традиционную африканскую одежду — пестрые просторные рубашки. Мужчина, который сидел посередине, носил странный головной убор, похожий на цветастую пилотку. Низкий и мягкий диван изрядно просел под внушительным весом гостей, и над столом виднелись только их плечи и головы.

Я, как обычно, растерялся при виде незнакомых людей. Смущенно кивнув гостям, я споткнулся о собственную ногу и чуть не повалился на пол.

Меня ждало еще одно испытание: стульев было несколько, и было непросто определиться, на какой из них мне было правильнее сесть. Помешкав, я отказался от массивных стульев из красного дерева в пользу плетеного табурета.

Трое гостей, не говоря ни слова, буравили меня пристальными взглядами. Я нервно заерзал на своем табурете, который при этом громко и тревожно заскрипел.

— Там, откуда ты приехал, при встрече не говорят «здравствуйте»? — спросила у меня женщина с суровым видом.

— Ах да, конечно! — засуетился я, приподнимаясь с места. — Здравствуйте!

Трое гостей сдержанно, с достоинством кивнули.

В гостиную ввалился Гена, зевая, как крокодил. Он был одет в короткие шорты и расстегнутую на груди рубашку. Неспешно прошлепав сланцами по полу, он безо всяких колебаний развалился на массивном стуле, бережно положив свою волосатую ногу на край дивана. Затем Гена закурил, почесал мясистой пятерней шевелюру, еще раз широко зевнул и только после этого равнодушно посмотрел на гостей из-под полуоткрытых век.

Те смотрели на него с окаменевшими лицами.

В этот момент в комнату почти бегом вошел Шимон, быстро пожимая всем руки и говоря на ходу:

— Доброе утро! Я — Шимон, директор компании «Металл Либерия». Это — Гена, представитель акционеров компании. Это Евгени, переводчик. Прошу вас говорить

медленно и четко, чтобы Евгени успевал переводить Гене ваши слова. Что ж, начнем?

Сидевший посередине мужчина откашлялся и начал говорить серьезно и торжественно, как диктор, комментирующий военный парад в День Победы. При этом он не мигая смотрел Шимону прямо в глаза, будто пытаясь его загипнотизировать.

— Перед вами — суперинтендант округа Мэриленд, Джонатан Барни, — сказал мужчина, очевидно, имея в виду себя. — Справа от меня — мой заместитель Мелинда Сенгбе. Слева — уважаемый в нашем округе бизнесмен Апрель Стронгман. Это он рассказал мне о вас и организовал эту встречу. Как я понимаю, вы с ним уже знакомы. Мы пришли, чтобы приветствовать и поблагодарить вас. Как вы знаете, в Либерии недавно закончилась долгая гражданская война. Наша экономика сейчас — в руинах. Я имею в виду, что она была полностью разрушена во время войны. Мы безмерно рады вашему приезду, потому что вы несете с собой развитие и прогресс для нашей страны. Спасибо!

— Уважаемый мистер Барни! — сказал Шимон с широкой улыбкой. — Я благодарю вас за ваш любезный визит. Мы, конечно же, хотим принять участие в восстановлении экономики вашей страны, в строительстве новой Либерии. Именно поэтому мы здесь. Как вы, возможно, знаете, мы уже начали пилить на металлолом горно-обогатительный комплекс в Бонге...

— Дорогой Шимон, — перебил его Барни, наклоняясь вперед и ударяя ладонью по столу при каждом слове, — у меня в округе очень много металлолома!

— Очень-очень много! — воскликнула Мелинда, при этом так сильно вытаращив глаза, что сразу стало понятно, что в Мэриленде его действительно огромное количество.

— Бонг Майнс находится слишком далеко от ближайшего порта, — проговорил Барни, встав с места и еще ближе нагибаясь к Шимону. — А Харпер, столица Мэриленда, — прямо на берегу океана!

— Прямо на берегу, — подтвердила Мелинда.

— Металлолом у нас, в Мэриленде, повсюду валяется прямо на земле! — продолжал Барни, почти распластавшись на столе в попытке донести до Шимона свою мысль. — Не нужно пилить огромные железные конструкции — просто собирай куски металла с земли, и все!

— И все, — добавила Мелинда, выразительно взглянув на меня из-под густых черных бровей.

— Да, но мы уже полным ходом пилим в Бонге, — задумчиво сказал Шимон, глядя в стол прямо перед собой. — Наши основные силы брошены туда. Когда мы закончим проект в Бонг Майнс — тогда, возможно, придем в Мэриленд.

— Дорогой Шимон, — со вздохом сказал Барни, опускаясь обратно на диван. — Когда вы закончите работать в Бонге, будет уже слишком поздно. Забрать мой металл хотят и индусы, и ливанцы. Они каждый день сидят в моем офисе, везде ходят за мной по пятам и повторяют: «Дай нам контракт! Дай нам контракт!» Предлагают мне большие деньги. Но я не хочу работать с индусами. Мне не нравятся индусы. И знаешь почему?

Барни прищурился и презрительно скривил рот:

— Они очень-очень жадные. Они много говорят и много обещают, а когда приходит время платить — придумывают все новые и новые отговорки. А здесь, в Африке, пока не заплатишь коню, твоя телега будет стоять на месте.

И трое гостей рассмеялись, заговорщицки переглядываясь друг с другом.

— И даже сейчас, — посерьезнев, продолжил Барни, постепенно повышая голос, гневно сдвигая брови, — хотя я не дал индусам контракт, они ходят по моему округу и потихоньку собирают металл... Покупают его у людей, у которых он лежит во дворе. Но они не имеют права его продавать, потому что весь металл в округе Мэриленд принадлежит государству, то есть мне!

Барни достал из кармана платок и вытер им испарину, выступившую на лбу от этой вспышки праведного гнева. Скорбно вздохнув, он продолжил:

— А потом эти мошенники везут мой металл в Кот-д'Ивуар. Подкупают таможенную и... Ты же знаешь, Шимон, сейчас в Либерии можно купить кого угодно. Дело в том, что в этой стране недавно закончилась многолетняя гражданская война...

— Да, я знаю, — вежливо прервал его Шимон.

— Поэтому я и хочу работать с вами, — быстро переключился на деловой тон Барни, — и когда Стронгман рассказал мне о вас, я сразу решил посетить ваш офис вместе со своим заместителем. Итак, главное, что вы должны понять по поводу металла в Мэриленде, — действовать нужно прямо сейчас или будет слишком поздно.

А я со своей стороны сделаю так, что весь — весь! — металлолом Мэриленда станет вашим.

И Барни откинулся на спинку дивана, глядя на Шимона с торжествующим видом.

— Ну, хорошо, — сказал Шимон, внимательно глядя на суперинтенданта, — а по какой цене вы хотите продать ваш металлолом?

— Цена... Знаете что, сначала приезжайте к нам и посмотрите на товар, — Барни многозначительно прижал подушечку указательного пальца к нижнему веку и слегка потянул его вниз, обнажая скрытые доселе ярко-красные окраины своего правого глаза, который смотрел на Шимона выразительно и таинственно, — а уж потом мы поговорим о цене.

— Прежде чем ехать и смотреть товар, мне нужно узнать цену, — сказал Шимон. — А вдруг цена такая, что и ехать не стоит?

— Поверьте, вам понравится наша цена, — рассмеялся Барни. — Ну... По какой цене вы берете металл в Бонге?

— Вообще-то это коммерческая тайна, но... — Шимон почесал рукой голову, изображая мучительные сомнения. — Ну хорошо. Мы платим в Бонге... двадцать.

— Двадцать чего? — подались вперед Барни и Мелинда.

— Двадцать долларов, — сказал Шимон, непринужденно рисуя каракули на листе бумаги.

— Двадцать долларов за что? — спросил Барни.

— За что? — повторила Мелинда.

— За тонну, — сказал Шимон, глядя в потолок.

— За тонну... Ага... Понятно. Хорошо, я продам вам металл по пятнадцать долларов за тонну. Но платить вы будете напрямую мне,— поспешно добавил Барни.

— Что ж, это хорошее предложение,— спокойно сказал Шимон,— но нам нужно все обдумать, посчитать. И увидеть товар своими глазами. Я завтра же отправлю к вам экспертную комиссию. После того как мои люди изучат ситуацию на месте, я приму окончательное решение.

— Об этом я и говорил,— торжественно воскликнул Барни.— Сначала посмотрите товар, а уж потом поговорим о цене!

— Вам понравится то, что вы увидите в Мэриленде,— сказала Мелинда, энергично кивая.— У нас там столько металлолома! Повсюду, везде!

— Вот и отлично,— сказал Шимон, вставая с места.— Может быть, хотите чего-нибудь выпить? Чай, кофе, кока-кола?

— А может быть, у вас есть что-нибудь покрепче? — спросил Барни.— Например, пиво.

— Да, пиво должно быть,— ответил Шимон после секундного замешательства.

Через минуту Шимон вернулся в гостиную, держа в руках три «хайнекена» и открывалку. Барни и Стронгман взяли бутылки из рук Шимона и, пренебрежительно отмахнувшись от предложенной открывалки со словами «Не надо! Это — Африка!», откупорили крышки зубами и стали пить.

Выпив полбутылки и громкую отрыгнув, Барни спросил Шимона, смотревшего на него с озадаченным видом:

— Ты не пьешь пиво?

— Пью, но не в семь часов утра.

— Почему? — искренне удивился Барни. — Пиво очень полезно для здоровья! Оно убивает разные инфекции, придает силы, поднимает настроение. Либерийцы очень любят пиво. Поэтому единственное работающее производство в нашей стране — это пивоваренный завод.

Барни и Стронгман переглянулись с озорным видом и весело рассмеялись.

Шимон спросил Мелинду, молча державшую в руке свою бутылку:

— Вам открыть?

— Нет, спасибо, — ответила она с застенчивой улыбкой. — Я заберу пиво с собой — как сувенир.

* * *

На прощание Шимон сунул в руку Барни маленький рулончик из долларов. Тот молча кивнул, попрощался и вышел. Мелинда последовала за ним.

Стронгман, пожимая руку Шимону, спросил:

— Значит, выезжаем завтра?

— Да, приходи сюда в семь утра.

В дверях Стронгман столкнулся с Мохаммедами. Те подозрительно на него посмотрели и вошли в дом; при этом Омар грубо толкнул его плечом. Стронгман поморщился, но вышел за дверь, не сказав ни слова.

Мохаммеды встали у дверей с каменными лицами, не здороваясь.

— Шимон, кто эти люди? — проскрипел достопочтенный Корома.

Узнав, кто к нам приходил и о чем шел разговор, Мо-хаммеда взорвались от возмущения. Они кричали что-то друг другу на своем языке и махали кулаками в воздухе.

Наконец достопочтенный Корома обратился к Шимону:

— Друг мой! Если ты сам толкаешь себя в руки мошенников, то я ничем не могу тебе помочь!

И обиженно повернулся спиной к Шимону, будто бы собираясь уходить — но почему-то остался стоять у двери.

— Достопочтенный Корома, послушай меня, — сказал Шимон. — Ты — неотъемлемая часть нашей компании. Если компания выиграет, то выиграешь и ты. Тебе это прекрасно известно. Эта сегодняшняя встреча — на благо компании! Когда ты узнаешь все детали, то сразу поймешь, что я все сделал правильно. И расцелуешь меня так же, как я тебя сейчас расцелую!

Растопырив руки, Шимон шагнул к достопочтенному Короме и заключил его в объятия. Тот пытался высвободиться, кряхтя и чертыхаясь. Корома-младший и Омар наблюдали за этой сценой с неуверенными улыбками.

Наконец достопочтенный Корома со смехом оттолкнул от себя Шимона и сказал, пытаясь отдышаться:

— Что это на тебя нашло?

— Это чтобы ты понял, как я к тебе отношусь, — сказал Шимон, — и больше не подозревал, что я могу оставить тебя в стороне.

— Но почему нас не пригласили на эту встречу? — нахмурился Корома-старший. — Я уже подумал, что ты хочешь остановить проект в Бонге и перебраться в Харпер...

— Ни в коем случае! — воскликнул Шимон. — Я не пригласил вас по той причине, что не хотел спугнуть наших гостей из Мэриленда. Ближайшее время мы будем продолжать действовать таким образом — пока не заключим контракт с ними. Вы, друзья мои, должны пока что оставаться за кадром. Хорошо?

— Ладно, Шимон, — неохотно сказал Коррома-старший, — я соглашаюсь. Но только по одной единственной причине: я знаю, что если ты принял решение, то бесполезно пытаться тебя переубедить!

— Ты прав, достопочтенный! — кивнул Шимон. — Упрямство — моя отличительная черта. Но я буду держать тебя в курсе и советоваться с тобой по всем вопросам. Договорились?

— Мой совет тебе такой. Не ограничивайся только договоренностью с суперинтендантом — он глава исполнительной власти округа, и его в любой момент могут снять по приказу из центра. Важно договориться с представителями законодательной власти, сенаторами округа; эти будут занимать свои должности до следующих выборов, а рычагов влияния у них не меньше. Я знаком с ними и могу организовать встречу.

— Спасибо за совет! — кивнул Шимон. — Я сегодня же с ними переговорю, еще до отъезда в Мэриленд наших разведчиков.

— А когда они едут? — спросил Коррома-старший.

— Завтра утром, — ответил Шимон.

Достопочтенный Коррома посерьезнел, подошел к Шимону вплотную и заговорил тревожным шепотом:

— Шимон! В этой стране только что закончилась гражданская война. У нынешних либерийцев психология военного времени. Здесь каждый сам за себя, и никому нельзя доверять. Моя задача, как твоего старшего брата, уберечь тебя от бесчестных людей, которые хотят взять твои деньги и скрыться с ними, а тебе предоставить расхлебывать последствия.

— Спасибо за заботу, достопочтенный,— сказал Шимон.— Я очень рад приобрести в твоём лице старшего брата, которого у меня никогда не было.

— Мое требование к тебе, Шимон, да и вообще условие моей поддержки,— продолжил Корома-старший, кашлянув в кулак,— это чтобы проектом в Мэриленде также занимались мои сыновья, Мохаммед Корома и Мохаммед Омар.

— А разве они ваши сыновья? — спросил я.

Мохаммеды, Шимон и Гена повернулись ко мне и некоторое время недоуменно на меня смотрели, как будто пытаюсь вспомнить, кто я такой и что здесь делаю. Затем Корома-старший сказал с добродушной усмешкой:

— В Африке, мой юный друг, мы все друг другу — отцы, сыновья и братья.

— Только если ты не тупой «грэбо», — добавил Омар.

— Или деревенщина «кру», — сказал Корома-младший, и оба рассмеялись.

Достопочтенный Корома грозно сдвинул брови и цыкнул на них; те притихли.

— Не обращай внимания на их глупые шутки, Шимон,— сказал Корома-старший.— Они думают, что, обрю-

хатив своих подруг и отрастив усы, они уже стали взрослыми мужчинами. Но мы-то с тобой знаем, что в свои тридцать пять они всего лишь шаловливые мальчишки. Так что ты скажешь насчет моего предложения?

Шимон похлопал достопочтенного Корому по плечу:

— Раз я доверяю тебе, значит, доверяю и твоим людям. Твое предложение принимается.

— Тебе обязательно нужно познакомиться с двумя сенаторами округа Мэриленд и заручиться их поддержкой,— сказал Корума-старший после краткого раздумья.— Я договорюсь с ними о встрече.

— Спасибо, достопочтенный! — ответил Шимон.— Но, как уже было сказано, я хотел бы, чтобы на данной стадии вы оставались за кадром. Так что вам не стоит беспокоиться — я сам свяжусь с ними и обо всем договорюсь. Апрель Стронгман поможет мне в этом. А вечером я приглашаю вас всех на ужин — там я и расскажу, о чем мы с ними договорились. Окей?

— У нас говорят: «Когда идешь по джунглям, не пытайся обогнать самого себя», — сказал Корума-старший, поджав губы.— Подумай об этом, Шимон.

Попрощавшись с нами, Мохаммеды ушли.

* * *

Когда охранник закрыл за ними ворота, Шимон дал волю чувствам.

— Пятнадцать долларов! Ты только подумай! — взволнованно говорил он, меряя гостиную широкими шагами.— В четыре раза дешевле, чем в Бонге! Это же золо-

тая жила! Конечно, Бонг Майнс на этой стадии бросать тоже нельзя, но мы вполне можем потянуть оба проекта одновременно. Конечно, нам понадобятся еще деньги...

И Шимон многозначительно покосился на Гену.

Тот достал из пачки сигарету, закурил и сказал с глубокомысленным видом:

— Хорошо, я позвоню папе. После завтрака. Кстати, сколько ты дал этому суперу-пуперу... Как там его?

— Четыреста долларов,— сказал Шимон.— Двести — суперинтенданту, и по сто — двум другим. Ты видел, как эта тетка обнимала бутылку пива? Она так растрогалась, что готова была меня усыновить. А получив от меня четыреста долларов, мой дорогой друг, они готовы будут по моему приказу прыгнуть в пропасть. Поверь, Гена, не зря я говорил тебе, что Африка — это место, где малыми средствами можно достигать больших целей...

— А где он, этот Мэриленд? — перебил я его, разглядывая карту Либерии на стене.

— Женья! Ну какая тебе разница, где Мэриленд? — протянул Гена с недовольным видом.— Почему ты все время задаешь глупые вопросы?

— Как ты сказал? Женья? — воскликнул Шимон.— У нас во дворе жила семья русских евреев, и эта женщина все время высовывалась в окно и кричала: «Женья, иди домой!» До сих пор она у меня перед глазами стоит... Они долго жили в Израиле, но так и не научились толком говорить на иврите. По вечерам к ним приходили соотечественники, и они пили водку и пели унылые песни. М-м-м, м-м...

И Шимон промычал мелодию, отдаленно напоминавшую песню про черного ворона.

— Так вот, Женья,— сказал Шимон, подходя ко мне,— Мэриленд... Мэриленд, Мэриленд...

С полминуты поблуждав взглядом по карте, он, наконец, ткнул пальцем в крайний правый угол:

— Здесь!

Я медленно смерил взглядом расстояние от Монровии до Харпера. Ничего себе! Это были практически разные концы страны.

«Впрочем, сколько той Либерии? От силы пол-Беларуси!» — тут же успокоил я себя. К тому же и Монровия, и Харпер находились на побережье. Скорее всего, мы будем ехать вдоль океана — и, возможно, где-то в процессе я все-таки смогу искупаться.

Выйдя на кухню, я увидел Лаки, которая мыла пол, прыгая на тряпке обеими ногами.

— Лаки, послушай, я вчера не нашел свои носки на бельевой веревке во дворе...

— Да-да! Я отнесла твои носки домой, чтобы лучше их отстирать! — сказала она, продолжая прыгать из стороны в сторону.

— Получше отстирать?

— К тому же на веревке больше не было места! — добавила Лаки, остановившись.

— Не было места для пары носков?

— Ефгени! — раздраженно сказала Лаки, упирая мускулистые руки в свои крепкие бока. — Не волнуйся!

С твоими носками все в порядке. Сегодня ты получишь их обратно.

Постеснявшись продолжать расспросы о таком тривиальном предмете, как мои носки, я молча повернулся и ушел в свою комнату.

* * *

Обед в ресторане со старшим сенатором округа Мериленд Робертом Аббасом вселил в Шимона и Гену еще больше энтузиазма. Это был мулат с обаятельной улыбкой и светскими манерами, одетый в стильный костюм европейского покроя.

— Либерийцы — хорошие люди, честные и миролюбивые. Но война испортила наш народ. Племена стали ненавидеть друг друга... Разве можно ненавидеть другого человека лишь потому, что он из другого племени? Кстати, вы знаете, я по происхождению — наполовину палестинец. Наверное, я должен был бы ненавидеть вас, евреев. Но я — образованный, культурный человек. Мы с вами понимаем, что это удел черни — убивать друг друга из-за каких-то глупых предубеждений. А мы будем сотрудничать.

Сенатор Аббас пообещал нам помощь и защиту:

— Округ Мэриленд принадлежит мне. Так что можете не волноваться — если за вами буду стоять я, то вам никто не посмеет перейти дорогу.

Когда Аббас отлучился в уборную, Гена спросил у Шимона:

— А где второй сенатор? Их ведь, кажется, должно было быть двое...

— Я говорил с ней по телефону,— ответил Шимон, пожимая плечами.— Сначала она согласилась прийти. Но услышав, что на встрече будет Аббас, повесила трубку. В любом случае она ведь младший сенатор. Гораздо важнее, что ее вышестоящий коллега нас поддерживает.

И Шимон красноречиво похлопал ладонью по карману рубашки, где уже лежал приготовленный для сенатора конвертик.

В компании красноречивого политика время летело незаметно, да и Шимон был не против поболтать с образованным человеком... Мы приехали домой, когда на улице уже начало темнеть.

Поскольку Принцу никак не удавалось починить генератор, перед отъездом Шимон дал ему деньги на покупку небольшого бензинового генератора, чтобы в доме был хоть какой-то источник электричества.

— Пока мы сидим на запасном генераторе, нужно ограничить пользование электроприборами,— говорил Шимон по дороге из ресторана, крутя руль.— Хочешь включить электрочайник—выключи холодильник. В доме не должно работать больше двух кондиционеров одновременно. Лампы, прожектора—это без проблем. Гена, ты меня слышишь?

Однако, когда мы приехали домой, дом оказался погруженным во мрак... Малый генератор не работал. Точнее, после запуска он работал несколько секунд, а потом сразу глох.

— Наверное, ты что-то делаешь не так,— сказал Принцу Шимон.— Давай-ка я попробую.

Они вдвоем склонились над генератором, освещая мобильными телефонами переплетения разноцветных проводов. Гена пошел к себе в комнату. Я остался на крыльце покурить, подумать, посмотреть по сторонам. Окрестности были заполнены влажной тропической темнотой, кое-где поблескивавшей углями жаровен и огоньками сигарет.

Когда Шимон повернул рубильник, генератор оглушительно затарахтел и крыльцо залил яркий свет лампы.

— Ну вот, все работает! — торжествующе сказал Шимон, перекивая шум мотора.

В этот момент генератор закашлялся, вздрогнул пару раз и грустно замолчал.

— Гена, ты включил кондиционер? — заорал Шимон в наступившей тишине. — Ты что-нибудь сделал?

— Нет! — отозвался Гена из дома. — Не успел!

— Странное дело, — сказал я. — Когда у нас включился генератор, в соседних домах тоже загорелся свет.

— Ты ничего не путаешь? — переспросил Шимон. — А ну-ка давай проверим!

Он запустил генератор и стал рядом со мной на крыльце. В темных окрестных кварталах сразу же зажглись десятки, если не сотни лампочек. В нескольких местах заиграла музыка, а в соседнем доме, кажется, даже включился телевизор. Затем генератор снова заглох, и вокруг сразу же наступила темнота.

— Невероятно... — изумленно пробормотал Шимон. — Мы снабжаем электричеством целый район!

В этот момент во двор, сверкая фарами и громко рыча, въехал здоровенный белый джип. Из окон выглядывали Мохаммеды, приветливо улыбаясь.

Полуголый Гена вышел на крыльцо и с любопытством рассматривал машину.

— Что это за тачка? — спросил он у Шимона.

— Ты думал, я отправлю тебя на край земли на какой-то развалине? — сказал Шимон. — Этот вездеход без проблем довезет вас до самого Харпера.

— А кондиционер в нем работает?

— Все работает! — воскликнул Корома-младший. — Даже GPS-навигатор.

— Осталось только договориться с хозяином машины, — сказал Корома-старший, многозначительно кивая в сторону шуплого африканца, пытавшегося выбраться из обширного водительского кресла.

— Этот Nissan Patrol — из автопарка Чарльза Тейлора, — сказал Омар. — А он в своем гараже плохих машин не держал.

— Почему у вас нет света? — спросил Корома-старший, вертя головой. — Солярка закончилась?

Узнав, что случилось, Мохаммеды стали осыпать Принца ругательствами.

— Мошенник! — кричал Омар. — Кто, кроме тебя, мог подсоединить дополнительные провода?

— Видит бог, я только чинил генератор! — пятясь, отвечал Принц. — Я ничего не знаю ни про какие провода.

— Ты же сантехник! Мы тебя позвали, чтобы ты поставил насос в колодец,— кричал Корома-младший.— С каких это пор ты стал механиком?

— Бог дал мне много талантов, брат мой! — пожал плечами Принц, продолжая пятиться назад.

— Бог дал тебе слишком много жадности! — передразнил его Корома-младший.— И не смей называть меня братом...

— Что-что, мандинго? Ты не брат мне? — воскликнул Принц.— Разве мы оба не африканцы? Вот из-за вашей гордыни бог и покарал эту страну гражданской войной!

— Спокойно, спокойно! — встал между ними достопочтенный Корома.— Хватит шуметь! Давайте вместо пустых споров лучше вместе поищем, в каком месте соседи присоединили свои провода, а когда найдем, оборвем их — и дело с концом!

Достопочтенный Корома, Корома-младший, Принц, Шимон и владелец джипа из гаража Тейлора вместе отправились осматривать забор. Я хотел пойти с ними, но Омар отозвал меня в сторону:

— Крепко возьми руками за парапет и смотри в оба! Сейчас ты увидишь красотку, которую не забудешь никогда.

Он посветил фонариком на белый джип и издал громкий звук: «П-с-с! П-с-с!» Из двери вынырнула полная барышня и пошла в мою сторону, виляя бедрами. Черные лоснящиеся груди грозили вот-вот вывалиться из глубокого выреза цветастого платья.

Где-то рядом раздался приглушенный вздох восхищения. Это был охранник Эби; облизнувшись, он с чувственным придыханием произнес:

— Эй, малышка! Кажется, я тебя видел во сне сегодня ночью...

— А ну заткнись! — прикрикнул на него Омар. — Я боссману свою сестру привел, а не тебе, голодранец.

Девушка смотрела на меня так, как будто прямо сейчас готова была лечь передо мной с раздвинутыми ногами на голой земле. Я почему-то почувствовал головокружение и тошноту.

— Знаешь, Омар, — сказал я. — Я что-то устал сегодня. Неважно себя чувствую.

— Никаких проблем! — усмехнулся Омар, хлопая меня по плечу. — Она тебе массаж сделает, обслужит тебя. Поверь мне, Игини, после джиги-джиги с этой киской вся твоя усталость исчезнет без следа. Иди сюда, сестренка! Приласкай своего белого жеребца.

Я понимал, что надо было красиво выйти из положения — отшутиться как-то, что ли. Но в голову ничего путного не приходило, а промедление явно грозило трагическими последствиями. В общем, оставалось только спастись позорным бегством без всяких объяснений.

— Нет-нет, спасибо! Прошу прощения! — сказал я гораздо громче, чем было необходимо, повернулся спиной к Омару и торопливо скрылся в доме.

Здесь было совершенно темно, и я остановился где-то между кухней и гостиной, дыша тяжелым спертým воздухом.

На крыльце тем временем собрался консилиум: Мохаммед Омар, его «сестра» и Эби пытались найти объяснение моему загадочному поведению. В полной тишине их голоса были оглушительно громкими, как будто звучали у меня в голове.

— У него какие-то проблемы? — волновалась девушка.

— Все в порядке! Не переживай, я с ним поговорю, — успокаивал ее Омар.

— Вообще-то он немного странный, — сказал охранник.

— Может быть, он чем-то болен? — спросила девушка.

— С ним все нормально! — настаивал Омар. — Говорю тебе, ты ему понравилась! Просто он немного устал с дороги.

— Может, он и устал, — сказал Эби, — но он всегда такой странный. То сам с собой разговаривает на крыльце, то пешком на пляж ходит...

— У этого белого мальчика проблемы, — убежденно сказала девушка. — Ему нужно...

В этот момент во дворе затарахтел генератор, в доме загорелся свет, и я увидел себя в зеркале — худого, с красной кожей, в висящей мешком огромной майке, с длинными слипшимися волосами, дрожащими губами и яростно сжатыми кулаками. Вид у меня был настолько нелепый, что я невольно расхохотался. Тут дверь распахнулась, и в дом стремительно вошел Шимон.

— Эти негодяи сделали подкоп! Протянули провода под забором! — воскликнул он. — Представляешь, Евгени, если бы мы не купили малый генератор, мы бы могли это

никогда не обнаружить. Неудивительно, что этот малыш не справлялся! Спасибо тебе за внимательность... Завтра проведем следствие и найдем виновных.

— А что с этой белой машиной? — спросил Гена, выглядывая из своей комнаты. — У нас денег-то на нее нет.

— Подпишем вексель, вот и все! — беззаботно махнул рукой Шимон, возбужденно шагая по гостиной из стороны в сторону. — Когда отправим корабль, денег у нас будет навалом, тогда и рассчитаемся. Сейчас нам нельзя тратить драгоценное время на несущественные детали. Нам нельзя сбавлять темп. Только вперед!

Тут генератор захлебнулся, несколько раз дернулся и заглох. Свет в доме снова погас.

— Vaffanculo! — возмущенно заорал Шимон. — Что это за хрень?!

— Ваш генератор заглох, — флегматично констатировал Принц, заглядывая в дом через окно.

— Гена! — закричал Шимон. — Ты что-нибудь включал?

— Ну, кондиционер, — отозвался Гена из своей комнаты.

— Только кондиционер? Или еще что-нибудь?

— Ну, фен, — сказал Гена, зевая.

— Я же тебя предупреждал! На кой черт тебе понадобился фен?

— Мы же в ресторан идем? Прическу нужно было сделать, — ответил Гена.

Судя по исходившим из его комнаты звукам, он в этот момент брызгался туалетной водой.

— Начальник, — сказал механик через открытое окно, — ваш генератор не заводится. Наверное, воздух засосал.

— О...— простонал Шимон, обхватывая голову руками и опускаясь на диван.

— Я есть хочу. Скоро поедем?— спросил Гена, выходя из своей комнаты с торчащим чубчиком на голове. В одной руке он держал телефон, в другой— пачку сигарет.

— Ладно, поехали!— сказал Шимон, вставая с дивана.— Там и обсудим наш план действий. Все приглашены, включая Мохаммедов. Нам многое нужно обговорить. Нельзя терять ни минуты! Vaffanculo!

Глава 11

Неоновая вывеска ресторана «Мона Лиза» ослепительно сверкала в черной африканской ночи. На ней была изображена героиня бессмертного полотна Леонардо Да Винчи, с загадочной полуулыбкой смотрящая на бетонные развалины, горы мусора и шумную толпу калек и попрошаек у входных дверей.

Внутри ресторан представлял собой продолговатое помещение с высоким потолком, которое ярко освещали нескольких больших люстр и торшеров. На стенах висели крупные репродукции в массивных рамах. На огромном плоском телевизоре шли клипы Селин Дион. По контрасту с тем, что окружало меня в последние дни, казалось, что я попал в самое роскошное место на земле.

За прилавками стояли ливанцы, внимательно наблюдая за происходящим в зале. Все остальные — посетители и официанты — были африканцами.

Когда мы вошли, усатый ливанец хлопнул в ладоши и закричал:

— Мон ами, Шимон, почему же тебя так долго не было? Ты совсем забыл про нас!

Мохаммеды еще не пришли. Мы заняли столик в углу и заказали пиво.

Едва присев, Гена хлопнул себя по ноге:

— Вот черт! Забыл телефон в машине.

— Зачем ты его в руках носишь? — спросил Шимон, открывая ноутбук.

— Он в карман штанов не помещается, — сказал Гена, поднимаясь с места.

Действительно, узкие джинсы с заниженной талией настолько плотно облегли его ноги, что могли в любой момент треснуть по швам.

— Только здесь и можно проверить и-мейл, — сказал Шимон, щелкая пальцами по клавишам. — Это единственное заведение в городе с приличным интернетом. Посмотрим, что нового в Израиле... Смотри, Евгени, в этом крутейшем отеле я однажды останавливался — на самом верхнем этаже. На что похоже это здание?

Шимон развернул ко мне экран ноутбука. Передо мной была фотография вытянутого кверху овального небоскреба, стоящего прямо на пляже, который был залит яркими лучами солнца. Песчаный берег нежно сжимал в объятиях голубую морскую гладь.

— Оно... похоже... ну... — нерешительно проговорил я. — На огурец?

— Сам ты похож на огурец! Это же «Парус»! Самый дорогой отель в Тель-Авиве...

И Шимон молча застучал по клавишам, нахмурившись и поджав губы. Обиделся, что ли? Нет, ну на парус этот выдающийся отель был точно не похож. Скорее, это худой кабачок. Или незрелый баклажан.

— Пока наши друзья не пришли, я проведу для тебя небольшой инструктаж, — сказал Шимон, закрывая крышку ноутбука. — Я делал это уже раз двести... Судьба у тех, кто его прослушал, сложилась по-разному. Кто-то в конце концов в ужасе сбежал, пообещав себе никогда больше сюда не возвращаться. А кто-то влюбился в Африку и связал с ней свою жизнь. Итак, первое: ни в коем случае не пей местную воду! Иначе в течение получаса у тебя скрутит живот, и ты умрешь в страшных мучениях. Можно пить только импортную воду из запечатанных бутылок. Ни в коем случае не ешь продукты, которые продаются на улицах! Холодильников здесь нет, да и о гигиене африканцы не имеют никакого понятия.

Пока Шимон рассказывал мне о правилах выживания на черном континенте, в дверях ресторана появились Мохаммеды. Впереди с достоинством шагал достойный Корума. Омар и Корума-младший шли следом, обнимая за талию по две барышни каждый. Дьялло шагал сзади, держа за руку худощавого юношу. При этом Мохаммеды что-то кричали и громко смеялись.

— Вот те раз,— недовольно пробормотал Гена, заку-
ривая сигарету.— Пригласили менеджеров на деловой
ужин, а они с собой целую толпу подруг притащили.

Мохаммеды сели за соседний столик, заказали пиво
и принялись общаться со своими спутниками.

— Другая опасность, от которой я хотел бы тебя предо-
стеречь,— это различные мошенники. Их здесь огромное
количество,— продолжал Шимон.— Тебе наверняка будут
предлагать купить алмазы и золото. Мой тебе совет: не
поддавайся на подобные предложения; особенно, если
такие сделки будут предлагать всякие оборванцы на ули-
це. И будь очень осторожен с африканскими женщина-
ми. Не забывай, что их мировоззрение сформировали
законы военного времени. Конечно, сами они в этом не
виноваты, но лучше их избегать. Особенно женщин пле-
мени фула. Они дьявольски красивые! Но такие же алч-
ные и безжалостные, как и все остальные... Вот, пожалуй,
и все. Если есть вопросы — задавай.

— Омар сегодня приводил мне девушку,— сказал я
вполголоса.— Мне кажется, его задело, что я отказался
от нее... Я ведь правильно сделал? Или в соответствии
с местными традициями я должен был принять ее как
подарок, чтобы заслужить уважение?

— Здесь очень просто относятся к сексу,— усмехнулся
Шимон.— Секс для многих местных жителей — почти та-
кой же простой социальный акт, как рукопожатие. Кроме
того, девушкам здесь принято платить за секс, поэтому
количество любовниц — еще и признак состоятельности
и статуса мужчины. У наших Мохаммедов (которые, по

местным меркам, люди вполне успешные) по двадцать — тридцать подруг. Кстати, для девушек тоже престижно иметь как можно больше парней по той же причине — то, что мужчина готов платить за ее любовь, доказывает, что она того стоит, повышает ее статус... Однако, друг мой, это все их правила, которые не имеют к тебе никакого отношения. В общем, тебе необязательно против своей воли заниматься сексом с местными девушками. Ты ведь это хотел узнать?

— Ну да, — ответил я с сомнением. — Кажется...

— Ты что-то еще хочешь мне сказать? — спросил Шимон, внимательно глядя на меня.

Нагнувшись к Шимону, я вполголоса пересказал ему содержание своего разговора с Коромой-старшим на участке в Бонге.

— Достопочтенный уже рассказывал мне про эти индийские компании, — сказал Шимон. — Что они его обманули и так далее. Понятно, что и нам он помогает не за красивые глаза, а в расчете на свою долю. Я свои обещания перед ним планирую сдержать. Так что все в порядке, беспокоиться пока не о чем. Но Гене об этом, действительно, лучше не знать — чтобы понапрасну не пугать наших инвесторов... Однако ты не так прост, как кажешься! Думаю, тебя ожидает хорошая карьера в нашей компании.

Тем временем Мохаммеды сообща изучали меню. Их спутницы в пышных париках, обвешанные дутыми золотыми украшениями, старательно изображали полное равнодушие, небрежно поглядывая по сторонам и изредка

обмениваясь короткими репликами. Корома-младший и Омар, напротив, вели себя как дети, хохотали и хлопали друг друга по спине. Спутник Мохаммеда Дьялло сидел за столом, внимательно разглядывая свои руки, украшенные массивными перстнями и браслетами.

Полистав меню, Шимон заказал всем суши. Мохаммеды безропотно согласились.

— Что ж, друзья, — сказал Шимон, раскрывая блокнот, испещренный графиками и чертежами. — Завтра начинается новая фаза нашего проекта! Скоро у нас будет два параллельных направления. Это значит, что нам всем теперь придется вдвое больше работать. И от усердия каждого из нас зависит, как скоро эта курица начнет приносить золотые яйца!

Шимон обвел взглядом всех присутствующих.

— Посмотрите, здесь я начертил схему наших работ. День первый: группа во главе с Геной выдвигается в Мэриленд. Мы тем временем берем в аренду грузовики и готовим их к отправке. День второй: Гена прибывает в Харпер, изучает обстановку. Получив от него подтверждение того, что все в порядке, мы отправляем грузовики в Харпер во главе с Омаром. Тем временем Гена ведет переговоры с властями Мэриленда, подписывает с ними договор на покупку металлолома, нанимает рабочих и готовится к прибытию грузовиков. По прибытии группы Омара с грузовиками вы вместе собираете металлолом в Мэриленде и свозите его в порт Харпера. Мы фрахтуем корабль и направляем его в Мэриленд. К моменту прибытия корабля в порту должна лежать огромная гора ме-

таллолома! Как мы узнали сегодня, ситуация там простая: железо валяется повсюду, пилить его не надо, так что хватайте его и тащите в порт. Власти будут нам помогать — мы уже со всеми договорились. Когда металл окажется на борту судна, на наш банковский счет придет большая куча денег, и мы с вами закатим грандиозную вечеринку!

— Инша Алла! — дружно сказали Мохаммеды.

— Инша Алла, — повторил Шимон.

Тем временем официант поставил на наш стол несколько больших блюд с суши. Некоторое время женщины с опаской тыкали их вилками, не решаясь попробовать незнакомое блюдо; затем одна из них отковырнула кусочек с краю, положила его в рот, тут же сморщилась и заявила капризным тоном:

— Я хочу рис!

— Но это и есть рис! — сказал Шимон. — Суши — это рыба, завернутая в рис.

— Нет, я хочу африканский рис! — скривив губы, требовала барышня.

Мохаммеды дружно захохотали.

Корома-старший сказал:

— Мы, либерийцы, едим рис на завтрак, рис на обед, а вечером мы едим холодный рис.

— Ладно, заказывайте сами, — пожал плечами Шимон и подозвал официанта.

— У вас есть еда? — спросил его почтенный Корома.

— Есть, — понимающе улыбнулся официант.

— Неси! — скомандовал Корома.

Вскоре официант принес каждому из наших гостей здоровенную глубокую тарелку с простым белым рисом и небольшую миску с месивом бурого цвета с темно-зелеными пятнами. Это был местный «суп»: кусочки говядины, курицы, креветок, свежей и сушеной рыбы с зеленью маниока, залитые горячим пальмовым маслом и приправленные огромным количеством острого перца. Мохаммеды и их спутницы принялись поедать рис, поливая его этим «супом».

— Удивляюсь я вам, белым,— сказал Омар, вытирая салфеткой выступившую на лбу испарину.— Как ни посмотрю на вас, вы то едите, то готовите еду. А я, если утром поем африканский рис, потом целый день о еде даже думать не могу.

Когда Шимон отлучился в туалет, Корома-младший отозвал Гену и меня в сторону.

— Ты ведь завтра уезжаешь,— хитро прищурившись, сказал он Гене.— Неужели ничего не оставишь своему другу?

— Могу пачку сигарет тебе оставить,— ответил Гена, раскрасневшийся от выпитого пива.

Корома-младший хлопнул Гену по плечу и от души расхохотался.

— Гена-Гена! — утирая выступившие слезы, сказал он с широкой улыбкой.— Пачки сигарет не хватит, чтобы отблагодарить этих красоток за то, что они будут делать для меня сегодня ночью.

И он кивнул в сторону женщин за столиком, которые с интересом наблюдали за нами.

— А пять долларов хватит? — насмешливо спросил Гена.

— Нет-нет, пяти долларов не хватит,— покачал головой Корома-младший с хитрой улыбкой.

— А семь долларов? — продолжал спрашивать Гена.

— И семи тоже не хватит,— сказал Корома, посмеиваясь.

— А семь с половиной? — спросил Гена.

— Нет,— сказал Корома.— И восемь тоже не хватит. Смотри, какие роскошные девушки! У них груди такие упругие, что вот-вот сами из платьев выпрыгнут. Ты сам-то сколько обычно платишь своим подружкам? Пять долларов? Или семь с половиной?

— Ну ладно,— милостиво кивнул Гена, пошарил по карманам, сунул Короме-младшему в руку несколько зеленых бумажек.— Только отдели их как следует, во все дырки! Во имя «Металлической Либерии». Иначе в следующий раз не получишь ни доллара!

Корома-младший рассмеялся.

— Так оно и будет, не сомневайся! — сказал он и торжественно добавил, положив руку на сердце: — Не будь я менеджер «Металлической Либерии»!

Когда Гена повернулся и пошел обратно к столику, Корома-младший резко посерьезнел, раскрыл ладонь и внимательно посмотрел на мятые купюры в своей руке. Поймав на себе мой взгляд, он смущенно кашлянул в кулак, сунул деньги в карман и подмигнул мне с заговорщицким видом.

— Знаешь, Ифгени, почему эта страна называется Либерия? — спросил он меня.— Потому что здесь можно делать все что хочешь, и тебе все сойдет с рук!

И Корма-младший громко рассмеялся.

— Правда? — удивился я. — А я читал в энциклопедии другое. Что бывшие рабы, вернувшись из США на свою историческую родину, назвали эту страну Либерией в честь своего освобождения. Красивая история! Мне такая версия больше нравится.

— Кому свобода, а кому — наоборот, — сказал Корма-младший. — В нашем случае наоборот вышло для местных племен, которые полтора века оставались неграмотными и бесправными, пока «американо-либерийцы», потомки иммигрантов из США, получали образование в Европе и решали судьбу страны на закрытых собраниях в масонской ложе.

* * *

Наевшись супа и риса, Мохаммеды и их спутницы пожелали счастливого пути мне и Гене, откланялись и ушли.

Гена подозвал официанта:

— Принеси мне пачку сигарет. И счет.

— Твой папа знает, что ты куришь? — спросил его Шимон.

— Опять начинается! — поморщился Гена. — Мой папа много чего не знает. И, к твоему сведению, мне двадцать пять лет. Я уже совершеннолетний.

— Да я ведь просто о тебе забочусь, — примирительно сказал Шимон. — Я ведь обещал твоему отцу за тобой присматривать. К примеру, я никогда не курил. Не понимаю, в чем тут удовольствие?

— Хватит тебе занудствовать! — отмахнулся от него Гена. — Смотри лучше, какую я сейчас шутку сыграю.

Он взял у подошедшего официанта счет, просмотрел его и сказал:

— А почему ты включил в наш счет эти африканские блюда?

— Простите, но вы ведь были вместе,— растерянно ответил официант.

— Нет, дружище,— сказал Гена с каменным лицом, выдыхая сигаретный дым через нос.— Мы даже не знаем этих людей! Они просто сидели за соседним столиком.

У официанта вытянулось лицо и задрожали руки; он испуганно смотрел на нас, не говоря ни слова.

— Ладно, расслабься! — заулыбался Гена.— Я пошутил. Вот тебе твои деньги.

И повернулся ко мне с довольной усмешкой:

— Понял, в чем фишка? У него зарплата в два раза меньше, чем сумма нашего счета.

— Не морочь человеку голову своими глупыми приколами! — сказал Шимон, неодобрительно качая головой.— Мы сюда не дурака валять приехали, а работать.

— Уже и пошутить нельзя! — обиженно ответил Гена, встал из-за стола и двинулся к барной стойке.

— Ты куда? — окликнул его Шимон.— Тебе уже хватит! Вы завтра в семь утра выезжаете!

Гена даже не обернулся. Подойдя к услужливо улыбавшемуся ливанцу, он облокотился о прилавок и стал разглядывать пеструю шеренгу бутылок.

— Хочешь узнать, что привело меня в эту страну? — вздохнув, спросил Шимон.

Я кивнул и приготовился слушать.

— Я расскажу тебе свою историю, потому что хотел бы, чтобы ты мне доверял,— сказал Шимон, задумчиво глядя в пространство прямо перед собой.— Доверие к коллегам— это важное условие успеха любого проекта. А для этого необходимо, чтобы ты знал, с кем имеешь дело. Итак, до тридцати лет я служил в израильской армии. Хотел стать пилотом, но не прошел по состоянию здоровья... Потом решил заняться бизнесом. Я сделал себя сам, без всяких протекций! К тридцати двум годам я уже был миллионером! Но потом дела пошли неважно. Представляешь, мне приходилось прятаться от кредиторов! Чтобы рассчитаться с долгами, я продал свой бизнес и устроился работать в израильскую компанию, которая занималась всем, что было связано с обеспечением безопасности: системы слежения, системы защиты информации, подготовка телохранителей, ну и, конечно, разнообразное оружие, танки, самолеты. Я стал представителем этой компании по Африке. Работы было очень много, и грязной работы! Я не видел свою семью месяцами, мотался из одной страны в другую, вел переговоры с диктаторами, рисковал здоровьем— а суммарные продажи в Африканском регионе все равно были скромными и составляли около двух процентов от объемов продаж компании по всему миру. Следовательно, скромным был и мой доход... Я работал так долгих семь лет, и главной моей надеждой было перейти в другое отделение— в Северной Америке, где представитель компании почти не покидал своего офиса, заключал все сделки по телефону и греб деньги лопатой. И представь

себе мое удивление: когда это место освободилось, туда направили двадцатилетнего пацана — видимо, чьего-то родственника. Когда я пришел к директору компании с вопросом, почему это место не отдали мне, то получил убийственный ответ: «Так ведь никто кроме тебя не сможет работать в Африке!» В тот же день я хлопнул дверью и стал искать инвесторов под несколько разработанных мной проектов. Случайно в баре я познакомился с Генной; он свел меня со своим отцом, а тот, в свою очередь, нашел этого русского, который и заинтересовался металлоломом. Как видишь, этот проект только начинается, и у тебя есть хорошие перспективы занять в нем не последнее место, заработать хорошие деньги. Главное, чтобы ты адаптировался, освоился, нашел себя в Африке. Как думаешь, получится у тебя?

— Не знаю, — признался я с унылым видом. — Пока что я чувствую себя как рыба, которую достали из воды и бросили на горячий песок. Никак не пойму, что нужно делать и как себя вести. За эти три дня со мной столько idiotских историй произошло...

— Я тебе расскажу одну историю, — перебил меня Шимон с понимающей усмешкой. — В самом начале моей службы в армии нас направили на учения на Голанские высоты. Мы поднялись на гору, нашли ровное место, разбили лагерь и легли спать. Рано утром нас разбудили выстрелы: по нам палили арабские снайперы. Место было открытое, и спрятаться было негде. А самое неприятное, что мы и стрелков-то не видели. Пули прошли палатки, вещмешки, посуду. Раненых не было, но в нашем отряде

поднялась паника. Некоторые готовы были бросить все и бежать домой. Тогда командир выстроил всех в шеренгу и рассказал такую притчу: «Однажды зимой воробей замерз и упал на землю. Он уже почти околел, когда проходившая мимо корова навалила на него кучу. Он отогрелся в горячем навозе, ожил и радостно запищал. Пробегавшая мимо лиса услышала его писк, раскопала и сожрала воробья. Отсюда три морали. Первая: не каждый, кто на тебя гадит, причиняет тебе зло. Вторая: не всякий, кто вытаскивает тебя из дерьма, делает тебе добро. И третья: если ты уже в дерьме — закрой рот и не чирикай!»

Эпилог

Когда мы вернулись из ресторана в по-прежнему погруженный в темноту дом, Шимон сразу же пожелал всем спокойной ночи и ушел в свою комнату.

Гена направился на кухню и стал при свете фонарика готовить ссобойку на завтра: достав из холодильника пакет с куриными окорочками, он принялся жарить их на плите и заворачивать в плоские хлебные лепешки.

Я же, вооружившись горящей свечой, искал свои носки во всех возможных местах: на бельевых веревках во дворе, в своей комнате, в ванной, на кухне, в гостиной... Почему-то в этот момент мне казалось очень важным найти эти артефакты прошлой жизни. Это было похоже на паранойю, но я ничего не мог с собой поделать. Впрочем, отыскать их мне так и не удалось.

Поставив свечу на парапет крыльца, я прикурил от нее сигарету и посмотрел в сторону клетки с мартышками.

Они не спали; прижавшись друг к другу, они глядели на меня своими большими грустными глазами, поблескивающими в темноте. Мне стало жутко... Я как будто смотрел в глаза какому-то скрытому глубоко внутри себя существу, которое хотело вырваться наружу, но лишь беспомощно смотрело на окружающий мир сквозь крепкие прутья клетки, сложенной из привычек, традиций, правил, детских страхов и взрослого окостенения.

Завтра утром я уеду черт знает куда, и неизвестно, когда вернусь — и вернусь ли вообще. А два этих несчастных существа так и останутся сидеть здесь взаперти по чьей-то жестокой, бессмысленной прихоти?

Сам не понимая, что делаю и зачем, ведомый тем же неподвластным сознанию импульсом, что заставил меня несколько дней назад затеять драку в баре, я подошел к клетке, развязал узел на дверце и широко распахнул ее... Мартышки напряглись, слегка подались назад и остались сидеть на своих местах, с опаской глядя на меня.

Я вернулся на крыльцо с непривычным чувством спокойной радости, как будто впервые за долгое время я сделал что-то по-настоящему хорошее. Но почему мартышки не убегают? Может быть, они боятся меня, и осмелятся выйти из клетки, когда я скроюсь из виду?

Потушив свечу, я ушел в свою комнату. Стянув одежду и сбросив ее на пол, я на ощупь нашел свою кровать, лег на нее и уставился в темноту. Рана на лодыжке, заработанная во время падения с мотоцикла, неприятно зудела... «Ничего страшного», — успокоил я себя, потрогав ее пальцами и убедившись, что ранка понемногу затягивается твердой коркой.

— Если ты уже в дерьме — закрой рот! — произнес я вслух финальную фразу истории, рассказанной Шимоном за ужином. В моем исполнении она прозвучала трагично и с оттенком обреченности — как оглашенный в зале суда приговор о пожизненном тюремном заключении без права на апелляцию.

Было бы неплохо поспать перед завтрашней дорогой. Но время шло, часы в гостиной громко отсчитывали секунды и минуты, а заснуть мне все не удавалось. Я лежал на кровати тупым бревном, покрытый потом: в жарком, душном, неподвижном воздухе он выделялся какими-то невероятными объемами, сбегая струйками по лицу и груди, пропитывая подушку и простыню, образуя небольшие квакающие болотца под моей спиной.

Но хотя мое тело ныло и страдало, я чувствовал, что постепенно избавляюсь от тошнотворного ощущения собственной неуместности, которое преследовало меня в Беларуси. Здесь, где понятия «вчера» и «завтра» теряли свое значение; где, просыпаясь утром, люди не знали, удастся ли им сегодня раздобыть что-нибудь поесть, и до седых волос вели себя как дети, — здесь я удивительным образом начинал чувствовать себя вполне на своем месте... В конце концов, что такое «свое место»? Дом, где провел детство? Школьная парта? Прикрученная к полу койка в казарме? Дружный коллектив продуктового магазина? Уютное кресло перед экраном телевизора? Слой свежего цемента на кирпичной кладке?

Да, мне никогда не нравилось то, что меня окружало. Но, может быть, на самом деле проблема была во мне

самом: я не знал, кто я, поэтому все время пытался стать кем-то другим, примеряя на себя разные маски, которые встречал в книгах и фильмах или видел вокруг. Подобно хамелеону, я превращался в окружающие предметы, но это не делало меня счастливее — я продолжал испытывать постоянную мучительную тоску. И только теперь я начал, пока еще очень смутно и приблизительно, понимать, кто я, и чувствовать первые пьянящие признаки освобождения из клетки, состоящей из абстрактных понятий и чужих идей, которые отделяли меня от настоящей, моей собственной жизни. Республика Либерия — в полном соответствии со своим названием — и в самом деле могла стать для меня «страной освобождения». Не потому, что она чем-то лучше других мест. У каждого человека — своя Либерия. Вопрос в том, удастся ли ее найти?

Свобода — это внутренняя тишина. Прозрачное озеро, которое насквозь, до дна, пронизывают и согревают лучи нашего солнца, сверкающего на огромном голубом небе... Это то, чего в реальности не существует, — и что нужно всегда, каждую секунду видеть своим внутренним взглядом.

* * *

Тем временем самый лучший сотрудник охранной конторы — последняя надежда своего босса, Чарльза, — ходил вокруг дома, распевая христианские песнопения. Видимо, именно в этом и заключался секрет его уникальной способности не спать при исполнении служебных обязанностей. Когда охранник заворачивал за дом, его голос

звучал приглушенно и издалека; через минуту, поравнявшись с моим окном, охранник торжественно восклицал:

— Иисус! Ты — наш спаситель! Иисус! Ты — мой лучший друг!

Пел он душевно и даже почти не фальшивил. К такому музыкальному сопровождению можно было бы со временем привыкнуть и даже дремать под него, если бы не эти постоянные перепады громкости, то и дело заставлявшие меня, когда я уже почти погружался в тяжелую дремоту, подпрыгивать от неожиданности. Я хотел было уже выглянуть в окно и предложить ему продолжить петь, оставаясь при этом где-нибудь в одном месте — например, в дальней части двора, когда Шимон выбежал на крыльцо в одних трусах с криком:

— Христа ради, заткнись! Пожалуйста!

Тупо глядя в темный потолок, без единой мысли в голове, истекая потом, я понемногу провалился в мутный, тяжелый сон — и снова очутился в Минске. Этот город-призрак — чей древний облик столько раз стирало с лица земли неумолимое время, чья история представляет собой многовековую летопись разрушительных войн и кровавых расправ, чье настоящее лицо можно разглядеть, только крепко зажмурив глаза, — был окутан плотной пеленой из тумана и дождя, а над ним простиралось равнодушное серое небо, затянутое темными тучами, сквозь которые еле-еле, издалека пробивался тусклый свет солнца — такого далекого и слабого, что было невозможно определить, с какой стороны оно светило и существовало ли оно вообще...

Я медленно шагал по главному проспекту города, мимо всех этих исполинских сталинских зданий, упирающихся в землю массивными каменными колоннами. По тротуарам рядом со мной и навстречу мне шли десятки, сотни людей; они двигались плавно и с удовольствием, они смеялись, дружелюбно хлопали друг друга по плечу, весело общались... Казалось, я был здесь единственным человеком, чьи движения были угловатыми и нервными, кто чувствовал себя плохо и не в своей тарелке, кому не хотелось улыбаться и шутить.

А мне как будто не хватало кислорода; я изо всех сил пытался втянуть воздух в легкие, но никак не мог сделать по-настоящему глубокий вдох, который бы насытил мою кровь и мой мозг тем, что было мне жизненно необходимо.

И вдруг я заметил, что вверху, между нами и небом, была почти невидимая пленка. Она находилась примерно на уровне крыш зданий, и по ней время от времени пробегала легкая рябь.

«Мы ведь находимся под водой!» — осенило меня.

— Город затопило! — закричал я. — Вокруг вода! Разве вы не видите?!

Но люди только смотрели на меня, как на опасного сумасшедшего, кто недоуменно, а кто испуганно, обходили меня стороной и шли мимо. А мне с каждой секундой становилось все труднее дышать... Задышавшись, я рвал на себе одежду и раздирал ногтями кожу на груди. В отчаянии, собрав последние силы, я оттолкнулся ногами от земли — и стремительно поплыл вверх!

Мне потребовалось всего лишь несколько секунд, чтобы дотянуться рукой до края воды. Еще два рывка — и моя голова вынырнула наружу! Я глубоко вдохнул чистый, прохладный воздух, и мои глаза чуть не вылезли из орбит. Передо мной открылся бескрайний, залитый ярким светом простор. Солнце грело меня своими лучами и ласково говорило со мной, как мудрый отец, держащий на руках новорожденного сына. Я как можно глубже, до самых крайних уголков своего естества вдыхал этот прозрачный, пьянящий воздух. Никогда раньше мне не приходилось ощущать ничего подобного! Это... Это было... Нет, словами невозможно описать ту удивительную легкость, тот безграничный восторг, ту абсолютную свободу...

Меня настолько переполняло счастье, что, казалось, еще несколько секунд — и у меня остановится сердце, или взорвется мозг, или я потеряю сознание и захлебнусь. Нет, я больше не мог этого выносить! То, что я увидел и почувствовал, было таким потрясающим, таким захватывающим, таким невероятно прекрасным, что этого просто не могло быть. В конце концов, это ведь был всего лишь сон... Сделав напоследок еще один короткий вдох, я нырнул и поплыл вниз.

2011–2013 гг.

Введенский Евгений Сергеевич

ЛИБЕРИЯ

Редактор — Алена Талапила

Верстка — Иван Свешников

Идея обложки — Данила Беренцев

Реализация обложки — Кася Сыромолот

Модель — Олуфемии Онаенка

Кураторы издания — Антон Кашликов, Ольга Полевинова

*Фото на обложке сделаны
в студии «Канаплев-Лейдик»*

